

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«ВОЛОГОДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

ВЕСТНИК
ВОЛОГОДСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Основан в январе 2016 г.

№ 3 (30) / 2023

Серия: Исторические и филологические науки

ВОЛОГДА
2023

№ 3 (30) / 2023 / ОКТЯБРЬ. Выходит 4 раза в год.

Рецензируемый научный журнал «Вестник Вологодского государственного университета. Серия: Исторические и филологические науки» предназначен для ознакомления российской и зарубежной научной общественности, аспирантов и студентов с новыми научными результатами, имеющими значение в области фундаментальной и прикладной науки. С 2016 года включен в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ). С 21.02.2022 включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата и доктора наук. Полнотекстовые версии выпусков научного журнала размещены в свободном доступе на сайте Научной электронной библиотеки (www.elibrary.ru).

Реестровая запись от 13 июня 2019 г. серии ПИ № ФС77-75973. Зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).

Серия: Исторические и филологические науки.

Специальности: 5.6.1. Отечественная история (исторические науки), 5.6.2. Всеобщая история (исторические науки), 5.9.1. Русская литература и литературы народов Российской Федерации (филологические науки), 5.9.2. Литературы народов мира (филологические науки), 5.9.3. Теория литературы (филологические науки), 5.9.5. Русский язык. Языки народов России (филологические науки), 5.9.6. Языки народов зарубежных стран (германские языки) (филологические науки), 5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика (филологические науки).

Главный редактор *В.А. Саблин*, доктор исторических наук, доцент, зав. кафедрой всеобщей истории и мировой политики ВоГУ.

Заместитель главного редактора *Л.В. Егорова*, доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры английского языка ВоГУ.

Секретарь *А.С. Столетова*, кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной истории ВоГУ, доцент кафедры философии и истории ВГМХА им. Н.В. Верещагина, доцент кафедры государственно-правовых дисциплин Северо-Западного института (филиал) Университета им. О.Е. Кутафина (МГЮА)

Члены редколлегии:

С.Ю. Баранов, кандидат филологических наук, доцент, зав. кафедрой литературы ВоГУ,

О.А. Бурсина, кандидат филологических наук, доцент кафедры английского языка ВоГУ,

Л.О. Володина, доктор педагогических наук, доцент, директор ВолНЦ РАО, профессор кафедры психологии, педагогики и социальной работы ВоГУ,

С.Х. Головкина, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры русского языка, журналистики и теории коммуникации ВоГУ,

Л.В. Изюмова, кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры отечественной истории ВоГУ,

В.А. Квашинин, доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры юриспруденции ВоГУ,

И.Е. Колесова, кандидат филологических наук, ученый секретарь ВОУНБ им. И.В. Бабушкина,

Г.Н. Кочешков, доктор исторических наук, профессор, зав. кафедрой отечественной истории ЯГПУ им. К.Д. Ушинского,

Р.Л. Красильников, доктор филологических наук, преподаватель автономной некоммерческой организации «Общественно-образовательная школа Центра педагогического мастерства»,

С.А. Мызников, доктор филологических наук, член-корреспондент РАН, главный научный сотрудник Центра ареальной лингвистики Исл РАН,

О.В. Никитин, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры истории русского языка и общего языкознания МГОПУ,

Ж.И. Подоляк, кандидат филологических наук, доцент, зав. кафедрой английского языка ВоГУ,

Я.В. Сарычев, доктор филологических наук, доцент, заместитель директора Института филологии по научной работе, профессор кафедры русского языка и литературы ЛГПУ им. П.П. Семенова-Тян-Шанского,

Г.В. Судаков, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русского языка, журналистики и теории коммуникации ВоГУ,

В.А. Черкасов, доктор филологических наук, профессор кафедры теории, педагогики и методики начального образования и изобразительного искусства БелГУ.

Переводчик *О.А. Бурсина*.

Редакторы *О.М. Ванчугова, Н.Н. Постникова*.

Оригинал-макет *С.В. Кудрявцев*.

Адрес редакции: 160000, Российская Федерация, Вологодская область, г. Вологда, ул. Ленина, д. 15, каб. 212. Тел.: 8 (8172) 72-52-00, e-mail: vestnik@vogu35.ru. Сайт: <http://vestnik.vogu35.ru>.

Учредитель и издатель: ФГБОУ ВО «Вологодский государственный университет», 160000, Российская Федерация, Вологодская область, город Вологда, улица Ленина, дом 15.

Отпечатано: ООО РА «Эпатаж», 160004, 160000, Российская Федерация, Вологодская область, г. Вологда, ул. Ленинградская, 38. Тел.: (8172) 724-800, 70-25-77, e-mail: ra-epatazh@mail.ru.

Подписано в печать 25.09.2023 г. Выпуск в свет 27.10.2023 г. Формат А4 (60 x 84/8).

Уч.-изд. л. 14,5. Усл. печ. л. 15,0. Тираж 38 экз. Заказ № 761. Цена свободная.

ISSN 2658-7254

© ФГБОУ ВО «Вологодский государственный университет», 2023

MINISTRY OF SCIENCE AND HIGHER EDUCATION OF THE RUSSIAN FEDERATION
FEDERAL STATE BUDGETARY EDUCATIONAL INSTITUTION OF HIGHER EDUCATION
«VOLOGDA STATE UNIVERSITY»

BULLETIN OF VOLOGDA STATE UNIVERSITY

SCIENCE JOURNAL

First published in 2016

No. 3 (30) / 2023

Series: History and Philology

VOLOGDA
2023

No. 3 (30) / 2023 / October. 4 issues a year.

'Bulletin of Vologda State University' is a peer-reviewed scholarly journal published by Vologda State University. It is issued four times a year and is aimed at Russian and international researchers, post-graduate and undergraduate students who wish to familiarize themselves with new fundamental and applied research. 'Bulletin of Vologda State University. Series History and Philology' has been fully indexed by Russian Science Citation Index since 2016. 'Bulletin of Vologda State University. Series History and Philology' is included in the List of peer-reviewed scientific journals approved for publication of the main scientific results of dissertations for the degree of Candidate of Science, for the degree of Doctor of Science since February 21, 2022. Full-size versions of the issue can be found in free access at Scientific Electronic Library (www.elibrary.ru).

Registration Certificate ПИ № ФС77-75973 of June 13, 2019. It's registered by the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Media (Roskomnadzor).

Series: History and Philology.

Academic areas: 5.6.1. National History (Historical Sciences), 5.6.2. Global History (Historical Sciences), 5.9.1. Russian Literature and Literature of the Peoples of the Russian Federation (Philological Sciences), 5.9.2. World Literature (Philological Sciences), 5.9.3. Literature Theory (Philological Sciences), 5.9.5. Russian. Languages of the Peoples of the Russian Federation (Philological Sciences), 5.9.6. Foreign Languages (Germanic Languages), (Philological Sciences), 5.9.8. Theoretical, Applied and Comparative Linguistics (Philological Sciences).

Editor-in-Chief *Vasily A. Sablin*, Doctor of History, Associate Professor, Head of the Department of World History and International Politics, Vologda State University.

Deputy Chief Editor *Ludmila V. Egorova*, Doctor of Philology, Associate Professor, Professor of the Department of English, Vologda State University.

Executive Secretary *Anna S. Stoletova*, Candidate of History, Associate Professor of the Department of National History, Vologda State University, Associate Professor of the Department of Philosophy and History, Vologda State Dairy Farming Academy named after N.V. Vereshchagin, Associate Professor of the Department of State and Legal Disciplines, the North-Western Institute, Kutafin Moscow State Law University.

Editorial Board:

Sergey Yu. Baranov, Candidate of Philology, Associate Professor, Head of the Department of Literature, Vologda State University,

Olga A. Bursina, Candidate of Philology, Associate Professor of the Department of English, Vologda State University,

Larisa O. Volodina, Doctor of Pedagogy, Head of the Vologda Research Center of the Russian Academy of Education, Associate Professor, Professor of the Department of Pedagogy and Psychology, Vologda State University,

Svetlana Kh. Golovkina, Candidate of Philology, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Russian, Theory of Communication and Journalism, Vologda State University,

Larisa V. Izyumova, Candidate of History, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Russian History, Vologda State University,

Vladimir A. Kvashnin, Doctor of History, Associate Professor, Professor of the Department of Jurisprudence, Vologda State University,

Irina Ye. Kolesova, Candidate of Philology, Academic Secretary of Vologda Regional Research Academic Library named after I.V. Babushkin,

Gennady N. Kocheshkov, Doctor of History, Professor, Head of the Department of Russian History, Yaroslavl State Pedagogical University named after K. D. Ushinsky,

Roman L. Krasilnikov, Doctor of Philology, Lecturer, Autonomous Non-Profit Organization «Comprehensive School at the Center for Pedagogical Excellence»,

Sergey A. Myznikov, Doctor of Philology, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Chief Research Fellow of the Centre of Areal Linguistics, Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences,

Oleg V. Nikitin, Doctor of Philology, Professor, Professor of the Department of History of Russian and General Linguistics, History and Philology Institute, Moscow State Regional Pedagogical University,

Zhanna I. Podolyak, Candidate of Philology, Associate Professor, Head of the Department of English, Vologda State University,

Yaroslav V. Sarychev, Doctor of Philology, Assistant Professor, Deputy Director for Research at the Philological Institute, Professor of the Department of Russian Language and Literature, Lipetsk State Pedagogical University named after P.P. Semyonov-Tyan-Shanskiy,

Gury V. Sudakov, Doctor of Philology, Professor, Professor of the Department of Russian, Theory of Communication and Journalism, Vologda State University,

Valery A. Cherkasov, Doctor of Philology, Professor of the Department of Theory, Pedagogy and Methods of Primary Education and Fine Arts, Belgorod State National Research University.

Editor of English Texts *O.A. Bursina*.

Editors, proofreaders *O.M. Vanchugova, N.N. Postnikova*.

Making up and technical editing *S.V. Kudryavtsev*.

Address of the Editorial Office: Office 212, Lenin Street, 15, Vologda, Vologda region, Russian Federation, 160000. Tel.: 8 (8172) 72-52-00, e-mail: vestnik@vogu35.ru. Bulletin website: <http://vestnik.vogu35.ru>.

Founder and Publisher: Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education «Vologda State University», Lenin Street, 15, Vologda, Vologda region, Russian Federation, 160000.

Address of the Printing House: «Epatazh», Leningradskaya Street, 38, Vologda, Vologda region, Russian Federation, 160004. Tel. (8172) 724-800, 70-25-77, e-mail: ra-epatazh@mail.ru.

Passed for printing 25.09.2023. Date of Publication 27.10.2023. Format A4 (60 x 84/8).

Conventional printed sheets 14,5. Published pages 15,0. Number of copies 38. Order 761. Open price.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Саблин В.А.</i> НАШИ ВОЗМОЖНОСТИ: «ВЕСТНИК ВОЛОГОДСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА. СЕРИЯ: ИСТОРИЧЕСКИЕ И ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ» НА ПУТИ К ВЫСОКОЙ КАТЕГОРИИ ВАКОВСКОГО ЖУРНАЛА.....	7
---	---

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

<i>Гладких С.А.</i> УРОЖЕНЦЫ КАДНИКОВСКОГО УЕЗДА ВОЛОГОДСКОЙ ГУБЕРНИИ В БОЯХ НА СОПКАХ МАНЬЧЖУРИИ (1904–1905 ГГ.)	8
<i>Денисов С.И.</i> ПОЛИТИЧЕСКИЕ СКАНДАЛЫ В ВЕЙМАРСКОЙ ГЕРМАНИИ («ДЕЛО БАРМАТА» 1925 Г.) НА СТРАНИЦАХ СОВЕТСКОЙ ПРОВИНЦИАЛЬНОЙ ПЕЧАТИ.....	13
<i>Исаев А.А.</i> ПРЕССА КАК СРЕДСТВО ПОЛИТИКО-ИДЕОЛОГИЧЕСКОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ НА НАСЕЛЕНИЕ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА СССР В 1930-Е ГГ.	18
<i>Кулачков В.В.</i> СОВЕТСКАЯ КООПЕРАЦИЯ В ПЕРИОД НОВОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ (НА МАТЕРИАЛАХ БРЯНСКОЙ ГУБЕРНИИ).....	22
<i>Лазарев С.С.</i> КАК СТАТЬ СВЯТЫМ? ВТОРАЯ ПЕТИЦИЯ О КАНОНИЗАЦИИ ЭДУАРДА ИСПОВЕДНИКА.....	27
<i>Лебедев С.А.</i> ФИНАНСОВЫЕ УЧРЕЖДЕНИЯ ВОЛОГОДСКОГО РЕГИОНА В 1920-Е ГОДЫ.....	31
<i>Малахов Р.А.</i> РАЗДЕЛЕННОЕ ПРАВО СОБСТВЕННОСТИ РУКОВОДИТЕЛЕЙ ПРЕДПРИЯТИЙ И ОРГАНОВ ВЛАСТИ НА ЕВРОПЕЙСКОМ СЕВЕРЕ РОССИИ В 1930-Е ГОДЫ.....	37
<i>Столетова А.С.</i> «СЕЙЧАС ПОСТОЯННО ВСПОМИНАЮ ВАШИ СЛОВА: “ПИСАТЬ ТОЛЬКО ПРАВДУ!”»: О МОНОЛИТНОСТИ ТВОРЧЕСТВА И МИРОВОЗЗРЕНИЯ А.А. РОМАНОВА И А.Я. ЯШИНА	42

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

<i>Гарифуллина Э.И.</i> ВЗАИМОСВЯЗЬ ТЕАТРА И ПОЛИТИКИ В ЭПИСТОЛЯРНОМ НАСЛЕДИИ А.И. ГЕРЦЕНА: «ПИСЬМА ИЗ ИТАЛИИ И ФРАНЦИИ» И ПИСЬМО М.С. ЩЕПКИНУ	46
<i>Егорова Л.В.</i> КАК РОМАН ГУЛЬ РЕДАКТИРОВАЛ ВАРЛАМА ШАЛАМОВА (НА ПРИМЕРЕ РАССКАЗА «СЕНТЕНЦИЯ»).....	50
<i>Орлова Е.О.</i> ЖИТИЙНЫЕ МОТИВЫ В РАСКРЫТИИ ОБРАЗА АЛЕКСАНДРА НЕВСКОГО (НА ПРИМЕРЕ ДЕТСКОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ)	55
<i>Скиба Ю.А.</i> РЕТРОСПЕКТИВНЫЙ КОНТЕКСТ ВОСПРИЯТИЯ АВТОБИОГРАФИЧЕСКОЙ ПРОЗЫ С.Т. АКСКАКОВА.....	59
<i>Судаков Г.В.</i> ТРАНСФОРМАЦИЯ БИБЛЕЙСКОГО МИФА В ПОСТМОДЕРНИСТСКОМ КОМИКСЕ (НА МАТЕРИАЛЕ КОМИКСА «ГОЛИАФ» ТОМА ГОЛДА).....	63
<i>Трикоз Э.Л., Ефремова Л.Л.</i> ШЕСТНАДЦАТИЛЕТНИЙ БЕЛОВ: ШКОЛА ФЗО, ТРУДОВАЯ МОБИЛИЗАЦИЯ, ПУТЬ В ЛЮДИ (АРХИВЫ, ДОКУМЕНТЫ, ВОСПОМИНАНИЯ)	67
<i>Черкасов В.А.</i> «ЛИТЕРАТУРНАЯ ЛЕТОПИСЬ» ГУЛЛИВЕРА: ИТОГИ И ПЕРСПЕКТИВЫ ИЗУЧЕНИЯ	74

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

<i>Архипова И.В.</i> НЕМЕЦКИЕ БЕЗАФИКСНЫЕ ДЕВЕРБАТИВЫ: СЕМАНТИЧЕСКИЙ И ТАКСИСНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ	80
<i>Голубева А.А.</i> ОБРАЗ НАЦИОНАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ В ПОЭЗИИ О.Э. МАНДЕЛЬШТАМА	85
<i>Комлева Н.В.</i> САКРАЛЬНЫЙ И ИНФЕРНАЛЬНЫЙ СМЫСЛЫ В ПОЭТИКЕ ИМЁН СОБСТВЕННЫХ: НА МАТЕРИАЛЕ ПРОИЗВЕДЕНИЙ В.И. БЕЛОВА	92
<i>Кучина Д.Д.</i> ЖАНРОВЫЕ ФОРМЫ В НЕМЕЦКО- И РУССКОЯЗЫЧНОМ ИНТЕРНЕТ-ПРОСТРАНСТВЕ	99
<i>Месилова Т.И.</i> «РУССКИЙ» АНГЛИЙСКИЙ: ОТЕЧЕСТВЕННЫЙ РЭП-ТЕКСТ КАК ТРАНСЛЯТОР АНГЛОЯЗЫЧНЫХ ЗАИМСТВОВАНИЙ	105
<i>Рудь Е.Е.</i> ЛЕКСИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА ВЫРАЖЕНИЯ ЭМОТИВНОСТИ В ПУБЛИКАЦИЯХ О COVID-19.....	110

НАУЧНЫЕ ОТЧЁТЫ, ОБЗОРЫ, ОТЗЫВЫ И РЕЦЕНЗИИ

<i>Цветкова А.Н.</i> РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ: УИЛЬЯМ ШЕКСПИР: ЭНЦИКЛОПЕДИЯ: В 2 ТОМАХ / СОСТАВИТЕЛЬ И НАУЧНЫЙ РЕДАКТОР И.О. ШАЙТАНОВ. М.: РГГУ, 2022.....	114
---	-----

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ.....	117
--------------------------	-----

CONTENTS

<i>Sablin V.A.</i> «BULLETIN OF VOLOGDA STATE UNIVERSITY. SERIES HISTORY AND PHILOLOGY» FACING THE PROSPECT OF BECOMING A TOP-RANKING PEER-REVIEWED SCIENTIFIC JOURNAL.....	7
---	---

HISTORY

<i>Gladkikh S.A.</i> NATIVES OF KADNIKOV DISTRICT OF VOLOGDA PROVINCE IN BATTLES ON THE HILLS OF MANCHURIA (1904–1905).....	8
<i>Denisov S.I.</i> POLITICAL SCANDALS IN WEIMAR REPUBLIC (THE «BARMAT CASE», 1925) IN THE SOVIET PROVINCIAL PRESS.....	13
<i>Isaev A.A.</i> THE PRESS AS A MEANS OF POLITICAL AND IDEOLOGICAL INFLUENCE ON THE POPULATION OF THE FAR EAST OF THE USSR IN THE 1930S.....	18
<i>Kulachkov V.V.</i> SOVIET COOPERATION IN THE PERIOD OF THE NEW ECONOMIC POLICY (BASED ON THE MATERIALS OF THE BRYANSK PROVINCE).....	22
<i>Lazarev S.S.</i> HOW TO BECOME A SAINT? THE SECOND PETITION FOR THE CANONIZATION OF EDWARD THE CONFESSOR.....	27
<i>Lebedev S.A.</i> FINANCIAL INSTITUTIONS OF THE VOLOGDA REGION IN THE 1920-S.....	31
<i>Malakhov R.A.</i> DEVIDED OWNERSHIP OF ENTERPRISES AND AUTHORITIES IN THE EUROPEAN NORTH OF RUSSIA IN THE 1930S.....	37
<i>Stoletova A.S.</i> «NOW I OFTEN REMEMBER YOUR WORDS: “WRITE ONLY THE TRUTH!”»: A.A. ROMANOV’S AND A.Ya. YASHIN’S WORKS AND WORLD VIEWS INTERRELATION.....	42

LITERATURE STUDY

<i>Garifullina E.I.</i> INTERRELATION OF THEATER AND POLITICS IN A. I. HERZEN'S EPISTOLARY HERITAGE: «LETTERS FROM ITALY AND FRANCE» AND A LETTER TO M.S. SHCHEPKIN.....	46
<i>Egorova L.V.</i> ROMAN GUL’S EDITING OF VARLAM SHALAMOV’S «KOLYMA STORIES» (AS INDICATED BY THE STORY «SENTENTIA»).....	50
<i>Orlova E.O.</i> HAGIOGRAPHIC MOTIFS IN REVEALING THE IMAGE OF ALEXANDER NEVSKY (ON THE EXAMPLE OF CHILDREN'S HISTORICAL LITERATURE).....	55
<i>Skiba Ju.A.</i> RETROSPECTIVE CONTEXT IN PERCEPTION OF AUTOBIOGRAPHICAL PROSE OF S.T. AKSAKOV.....	59
<i>Sudakov G.V.</i> TRANSFORMATION OF THE BIBLICAL MYTH IN A POSTMODERN COMIC BOOK (BASED ON A COMIC BOOK GOLIATH BY TOM GAULD).....	63
<i>Trikoz E.L., Efremova L.L.</i> SIXTEEN-YEAR-OLD BELOV: A FACTORY TRAINING SCHOOL, LABOR MOBILIZATION AND HIS WAY INTO THE WORLD (ARCHIVES, DOCUMENTS, MEMORIES).....	67
<i>Cherkasov V.A.</i> GULLIVER'S «LITERARY CHRONICLE»: THE STUDY RESULTS AND PROSPECTS.....	74

LINGUISTICS

<i>Arkipova I.V.</i> GERMAN NON-AFFIX DEVERBATIVES: SEMANTIC AND TAXIS POTENTIAL.....	80
<i>Golubeva A.A.</i> THE IMAGE OF NATIONAL CULTURE IN THE POETRY OF O. E. MANDELSTAM.....	85
<i>Komleva N.V.</i> SACRED AND INFERNAL MEANINGS IN THE POETICS OF PROPER NOUNS: BASED ON THE WORKS OF V.I. BELOV.....	92
<i>Kuchina D.D.</i> GENRE FORMS IN THE GERMAN- AND RUSSIAN-SPEAKING INTERNET SPACE.....	99
<i>Mesilova T.I.</i> «RUSSIAN» ENGLISH: DOMESTIC RAP TEXT AS A TRANSLATOR OF ENGLISH BORROWINGS.....	105
<i>Rood' E.E.</i> LEXICAL MEANS OF EMOTIVITY IN THE PUBLICATIONS ABOUT COVID-19.....	110

SCIENTIFIC SURVEYS, RESEARCH REPORTS, COMMENTS AND REVIEWS

<i>Tsvetkova A.N.</i> BOOK REVIEW: I.O. SHAITANOV (CONTRIBUTOR, EDITOR) SHAKESPEARE ENCYCOPEDIA IN 2 VOLUMES. Moscow: Russian State University for the Humanities, 2022.....	114
--	-----

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS.....	119
------------------------------------	-----

В.А. Саблин

*главный редактор научного журнала
«Вестник Вологодского государственного университета.
Серия: Исторические и филологические науки»,
доктор исторических наук, доцент,
заведующий кафедрой всеобщей истории и мировой политики
Вологодского государственного университета*

НАШИ ВОЗМОЖНОСТИ: «ВЕСТНИК ВОЛОГОДСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА. СЕРИЯ: ИСТОРИЧЕСКИЕ И ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ» НА ПУТИ К ВЫСОКОЙ КАТЕГОРИИ ВАКОВСКОГО ЖУРНАЛА

Напоминаю читателю, что в первом номере нашего журнала за 2023 год отмечалось, что в 2022 году издание подтвердило свой статус ВАКовского журнала и значительно улучшило свои рейтинговые показатели. Отмечалось также, что «предстоящий 2023 год для редколлегии журнала станет не менее напряженным и не менее ответственным». Речь шла о том, что в декабре 2022 г. было принято решение ВАК «О Перечне рецензируемых научных изданий». В данном решении содержалась информация о том, что в свое время была создана Рабочая группа по совершенствованию и оптимизации перечня рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней кандидата и доктора наук. Группа совместно с экспертными советами ВАК провела экспертизу научных изданий, входящих в Перечень рецензируемых научных изданий по состоянию на 31 декабря 2021 г. по научным специальностям прежней номенклатуры, утвержденной приказом Минобрнауки России от 23 октября 2017 г. № 1027.

Была разработана и утверждена методика оценки журналов, входящих в Перечень рецензируемых научных изданий, для распределения по категориям. Указанная методика включает в себя две составляющие: количественную (научометрические показатели) и качественную (экспертную).

По результатам проведенного анализа наукометрических показателей, все научные издания, входящие в Перечень рецензируемых научных изданий, были выстроены по убыванию по коэффициенту научной значимости, распределены по категориям в соотношении К1 – 25 %, К2 – 50 %, К3 – 25 % и были переданы на рассмотрение в профильные экспертные советы ВАК. С учетом экспертной оценки, проведенной этими советами по каждой научной специальности, по которой журнал входил в Перечень рецензируемых научных изданий, был сформирован итоговый список изданий, распределенный по категориям К1, К2, К3, и утвержден на заседании Рабочей группы 20 октября 2022 г.

Следует подчеркнуть, что в соответствии с рекомендациями Рабочей группы и ВАК повторное рассмотрение и категорирование изданий, входящих в Перечень рецензируемых научных изданий, планиру-

ется в IV квартале 2023 г. Необходимо отметить, что на основании рекомендации ВАК журналы, входящие в международные базы данных Web of Science, Scopus, PubMed, MathSciNet, zbMATH, Chemical Abstracts, Springer или GeoRef и перечень журналов RSCI, приравниваются к изданиям категории К1 (в том числе издания, одновременно входящие в Перечень рецензируемых научных изданий). При этом требование об обязательности наличия публикаций в журналах, индексируемых в указанных базах данных, в настоящее время не применяется. Правила учета публикаций в журналах из перечня RSCI определены в соответствии с рекомендациями ВАК.

10 февраля 2023 г. Президиум ВАК выступил с рекомендацией «О заполнении данных в личных кабинетах журналов Перечня ВАК». Было отмечено, что в целях оптимизации и упрощения работы по мониторингу журналов из Перечня ВАК, а также проведению их перспективного ранжирования/рейтингования в 2023 году на базе Российского научно-исследовательского института экономики, политики и права в научно-технической сфере (ФГБУ РИЭПП) был создан портал с личными кабинетами экспертов ВАК и журналов из Перечня ВАК.

В соответствии с рекомендациями и в целях осуществления оперативной работы и учета объективной информации редакционной коллегией Вестника ВоГУ журнал был зарегистрирован на портале ФГБУ РИЭПП, осуществлена верификация данных, представленных в личном кабинете журнала, и оперативно восполнен недостающий контент. На указанном портале была размещена информация о статьях, опубликованных в журнале за 2022 год и первых номерах журнала за 2023 год.

По мнению редколлегии журнала, опубликованные статьи достаточно объективно представляют научные специальности журнала, квалификацию авторов, географию учебных и исследовательских учреждений России и зарубежных стран.

Надеемся, что, как и было заявлено Президиумом ВАК, в сентябре 2023 года состоится экспертная оценка «Вестника Вологодского государственного университета. Серия: Исторические и филологические науки» и в октябре 2023 года журнал получит новый статус ВАКовского журнала повышенной категории.

УДК 94(47).083.4

5.6.1. Отечественная история

С.А. Гладких

Котласский краеведческий музей

УРОЖЕНЦЫ КАДНИКОВСКОГО УЕЗДА ВОЛОГОДСКОЙ ГУБЕРНИИ В БОЯХ НА СОПКАХ МАНЬЧЖУРИИ (1904–1905 ГГ.)

Статья посвящена участию уроженцев Кадниковского уезда Вологодской губернии в сухопутных сражениях русско-японской войны 1904–1905 гг. Приводятся статистические данные, рассматриваются биографии отдельных героев и коллективные подвиги воинских частей, в которых они служили.

Кадниковский уезд Вологодской губернии, герои русско-японской войны.

В продолжение ранее опубликованной автором статьи о кадниковцах-моряхках [10, с. 8–13] вниманию читателя предлагается повествование об уроженцах Кадниковского уезда – участниках сухопутных сражений русско-японской войны 1904–1905 гг. Как и прежде, обобщающий термин «кадниковцы» используется в отношении жителей всего уезда, а в согласии с принципом историзма и мнением авторитетного филолога Г.В. Судакова ему отдается предпочтение перед катойконимом более позднего происхождения – «кадниковчане» [21, с. 5].

Однако выявление имен местных героев является весьма сложной исследовательской задачей. Данная статья – результат масштабной сверки нескольких списков участников войны: обозначенных в числе боевых потерь, награжденных, ветеранов. Каждый из задействованных перечней не является исчерпывающим и абсолютно точным, что вызывает существенные сложности в восстановлении конкретных биографий и в статистических подсчетах.

Так, в составленном Кадниковской землеустроительной комиссией в 1910 г. списке проживавших на территории уезда ветеранов войны содержится 1331 имя [12, л. 177–509]. 13 из них – моряки. Из числа оставшихся подтверждается другими источниками непосредственное участие в боях только 198-ми человек. Столь существенная разница объясняется как неполнотой имеющейся информации, так и тем, что значительная часть указанных в списке комиссии относилась к числу мобилизованных и призывников 1904 г., пополнивших состав воинских частей, которым не довелось сразиться с противником.

Таким образом, в настоящее время можно сформировать два списка, условно именуемые автором «большой» (включающий все известные имена) и «малый» (включающий выявленных участников боевых действий). В первый входит 1566 человек, во второй – 505 человек. Подлинные цифры с точностью

до человека выявить невозможно, но истинное количество участников войны находится в диапазоне между числами «большого» и «малого» списков, каждый из которых очевидно неполон. Дальнейшее приближение к истине возможно только при кропотливых изысканиях в Российском государственном военно-историческом архиве, требующих огромных затрат времени.

Поскольку Кадниковский уезд был густонаселенным, а в 1904 г. на его территории прошли как мобилизация, так и плановый призыв в вооруженные силы, в расчетах постоянно приходится оперировать достаточно большими цифрами. Так, 10 октября 1904 г.¹ началась шестая частная мобилизация [22, с. 27], охватившая в уезде 1,5 тысячи запасных нижних чинов, а вскоре состоялся ежегодный призыв. В призывные списки 1904 г. были внесены 1514 уроженцев Кадниковского уезда, но после медицинского освидетельствования, отсева льготников и жеребьевочной процедуры в ноябре 1904 г. в вооруженные силы призваны только 575 человек [14, л. 41 об., 263]. 33 из них направлены во флот, остальные распределены по сухопутным воинским частям. Однако далеко не все призванные и мобилизованные попали на фронт.

Примером ветерана войны, но не участника боевых действий, может послужить биография Василия Михайловича Красавина из деревни Большая Верхне-раменской волости, служившего рядовым 117-го пехотного Ярославского полка. Этот полк прибыл на Дальний Восток уже после кровавого Мукденского сражения, находился сначала в российском Приморье у Никольска-Уссурийского, а с мая 1905 г. – на возведении тыловой Куанчендзинской позиции. В послужном списке В.М. Красавина отмечено: «В походе против Японии с 25 января по 4 октября 1905 года.

¹ Здесь и далее даты приводятся по Юлианскому календарю (старому стилю).

В делах против неприятеля не был, ран и контузий не имеет». Умер он 8 августа 1907 г. в Санкт-Петербурге, не успев даже получить положенной ему темно-бронзовой медали в память русско-японской войны [16, л. 12 об.–13 об.; 20, с. 72–73]. В статистике «малого» списка такие биографии автором не учитывались.

Всего же в русско-японской войне принимали участие уроженцы всех 49 волостей уезда, а также уездной столицы – города Кадникова. Наименьшее число участников по «малому» списку фиксируется в Кодановской волости (1 человек), тогда как деревни Хмелевица Аксентьевской волости и Пигилинская Маныловской волости дали по 5 участников войны. Если же исходить из данных «большого» списка, то одна лишь деревня Злобиха Катромской волости является родиной 10 человек, официально считавшихся ветеранами войны [12, л. 420 об.–423 об., 426 об.].

При этом во всех источниках встречаются ошибки в написании фамилий и названий деревень, а установить подлинный топоним или антропоним не всегда возможно. Зачастую неясно, какую из «гуляющих» гласных ставить в фамилии: «а» или «о», «о» или «е», «е» или «и». Многообразна подобная путаница и с согласными. Не всегда удается установить правильное окончание названий деревень: -ая или -ое. Иногда названия и вовсе искажаются до неузнаваемости: «Возугино» вместо «Козулино», «Гундруки» вместо «Гундриха», «Мартянкаля» вместо «Мартьяниха» [6, с. 7; 8, с. 8; 27, с. 70, 85, 95].

Местонахождение ряда деревень установить не удалось, поэтому существует вероятность, что они записаны в составе Кадниковского уезда ошибочно, а на деле находятся за его пределами. На возможность подобных ошибок указывает пример с унтер-офицером 2-го Восточно-Сибирского стрелкового полка Александром Васильевичем Чебыкиным. Названная его родиной неведомая деревня Аценино Устьрецкой волости Кадниковского уезда по факту оказалась деревней Нацепино Усть-Алексеевской волости Велико-Устюгского уезда [1, л. 367 об.; 4, с. 5].

Порой обозначенные убитыми и пропавшими без вести проживают после войны в родных деревнях, но при этом не всегда можно установить, идет ли речь об ошибке в документах или об однофамильцах. Дополнительные трудности в идентификации того или иного человека создает возможность переезда с одного места жительства на другое. Чрезвычайно сложно проследить боевой путь носителей распространенных фамилий (Иванов, Смирнов, Соколов), особенно если они служили в одной и той же воинской части. Еще более запутывают ситуацию тезки: например, среди местных Смирновых было пять Николаев, пять Федоров, шесть Андреев, семь Александров и семь Иванов.

Но, несмотря на указанные проблемы, можно уверенно утверждать, что кадниковцы участвовали во всех крупных боях на Маньчжурском театре военных действий. Согласно собранным к настоящему времени сведениям, они служили в составе 43-х воинских частей: 391 человек в пехоте, 41 в артиллерии, один в кавалерии, двое в саперных частях. Точное место службы остальных пока не установлено. Кадниковские пехотинцы числились в 19-ти стрелковых полках

(15 из них – Восточно-Сибирские, сформированные и расквартированные на Дальнем Востоке) и 15-ти пехотных полках (в том числе в трех Сибирских с территории Сибирского военного округа, остальные полки первоначально размещались в европейской России). Артиллеристы отмечены в составе одного артиллерийского дивизиона, двух стрелковых артиллерийских дивизионов и двух стрелковых артиллерийских бригад, а также в Квантунской крепостной артиллерии. Пехотные полки отличались от стрелковых несколько иной структурной организацией и большей численностью, артиллерийские бригады структурно и численно также были крупнее артиллерийских дивизионов.

Подавляющее число кадниковцев были простыми солдатами и носили самые низкие воинские звания – рядового в пехотных полках, стрелка в стрелковых полках, канонира в артиллерии. Однако около 80 кадниковцев дослужились до унтер-офицерских званий. Самую выдающуюся карьеру среди них совершил Александр Федорович Курков из деревни Халчиха Петряевской волости: во время войны он был произведен из фельдфебеля 9-й роты 145-го пехотного Новочеркасского полка в офицерский чин зауряд-прапорщика [3, с. 10; 12, л. 481 об.; 18, с. 813]. В иерархии нестроевых чинов выше всех поднялись батарейный фельдшер 5-го стрелкового артиллерийского дивизиона Андрей Зайцев из Азлецкой волости и ротный фельдшер 1-го Восточно-Сибирского стрелкового полка Михаил Огурцов из Корбангской волости [5, с. 4; 6, с. 7; 18, с. 310, 1367].

Свыше 70 кадниковцев удостоились за свои подвиги высших боевых наград, вручавшихся нижним чинам – Знаков отличия Военного ордена, более известных как Георгиевские кресты. При этом обращает особое внимание высокий процент награжденных артиллеристов: из 41 человека Георгиевскими кавалерами стали 21 – более половины! Заслужил эту награду и единственный кадниковский кавалерист – всадник пулеметного взвода Терско-Кубанского конного полка Дмитрий Степанович Цветков [13, л. 172 об.²; 18, с. 599]. Четверо кадниковцев (Павел Девяткин, Павел Дружков, Иван Катюхин, Александр Федулов) удостоились Георгиевских крестов двух степеней [18, с. 122, 169, 215, 342, 373, 403, 542, 1057]. Не исключено, что местным уроженцем является и кавалер трех Георгиевских крестов Василий Соловьев [4, с. 5; 18, с. 92, 237, 359], но эта информация требует уточнения.

Однако самым знаменитым кадниковским героем русско-японской войны является стрелок 28-го Восточно-Сибирского стрелкового полка, участник обороны Порт-Артура Василий Федорович Кукин из деревни Пигилинская Маныловской волости. Он заслужил Георгиевские кресты четырех степеней, то есть стал одним из двух полных Георгиевских кавалеров за войну 1904–1905 гг. среди всех уроженцев Вологодской губернии (второй – моряк Егор Степанович Лобанов из деревни Помеловка Городецкой волости Никольского уезда) [9, с. 24–26].

Свои награды В.Ф. Кукин получил в следующем порядке: Знак отличия Военного ордена IV степени

² За указание на источник благодарю Е.Л. Демидову.

№ 189818 – «за мужество и храбрость, оказанные им во время отбития 7 июня 1904 г. у японцев 37-и голов скота, 4-х лошадей и 8-и мулов»; III степени № 9714 – за то, что «выказал личную храбрость во время боя 13 июня 1904 г. под горой Куинсан»; II степени № 3683 – поскольку «22 июня 1904 г. ночью вызвался разведать японский окоп и с левой стороны горы Хуинсан сбить неприятельский пулемет; исполнив все это той же ночью, возвратился с важными донесениями»; и I степени № 935 – так как «17 октября 1904 г. во время 6-дневного боя под Малым Орлиным Гнездом, при сильном натиске неприятельской пехоты, будучи ранен два раза осколками в голову, остался в строю до конца боя» [18, с. 42, 66, 139, 1338].

Иногда земляки-сослуживцы получали награды не только за одновременное участие в масштабных многодневных сражениях по всей линии фронта, но и за один и тот же бой: например, Андрей Зайцев и Николай Колыгин – за бой 21 февраля 1905 г. у деревни Чокантань (Там же, с. 1367). Совершенно идентичны подробные наградные формулировки однополчан Александра Закатова и Александра Яблокова. «Соседями» по номерам полученных Георгиевских крестов оказались служившие в разных частях, но совершившие схожий подвиг Иван Соколов и Александр Лисуков (Лесуков) (Там же, с. 1364).

Четверо кадниковцев (Прокопий Зязин, Яков Израилев, Григорий Киселев, Евгений Красов) получили Георгиевские кресты лично из рук императора Николая II в загородных дворцах Петергофа и Царского Села (Там же, с. 1354, 1449, 1451, 1459), где были представлены царю в составе групп инвалидов войны, награждавшихся перед отправкой на родину. Практики посмертных награждений в то время не существовало, но не все кавалеры Знака отличия Военного ордена пережили войну. Некоторые из них погибли в боях с врагом (Александр Иванович Боровиков) или умерли от полученных ранений (Александр Прокопьевич Климов) [11, л. 137; 18, с. 462, 486].

К сожалению, наградные формулировки обычно стереотипны и малосодержательны: «за мужество и храбрость в боях с японцами», «за одновременные боевые подвиги», «за отличия в боях». Но в ряде случаев обстоятельства совершенных подвигов излагаются более подробно. Например, стрелок 2-го Восточно-Сибирского стрелкового полка Александр Закатов «в бою под Вафангоу 2 июня 1904 г. примером отличной храбрости и мужества ободрял своих товарищей; при обороне позиции, будучи тяжело ранен, не оставлял строя до тех пор, когда при общем отступлении, не имея возможности из-за тяжелого ранения идти с полком, отстал и был взят в плен неприятелем». Участник обороны Порт-Артура, стрелок 16-го Восточно-Сибирского стрелкового полка Федор Смирнов, «будучи в цепи, во время вылазки выдержал наступление целой колонны японцев, чем дал возможность отойти первому взводу и устроиться ему в люнете впереди форта горы Юпилаза». Младший фейерверкер 1-й батареи 5-го стрелкового артиллерийского дивизиона Николай Колыгин «в бою 21 февраля 1905 г. был ранен, но оставался в строю и, по выбытии от орудия всей прислуги, продолжал стрелять, командуя в то же время взводом» [18, с. 976, 1075, 1367].

Согласно орденскому статуту многие герои получили Георгиевские кресты за то, что оставались в строю до конца боя, несмотря на полученные ранения. Однако несколько человек, поступивших таким же образом (Алексей Борисов, Николай Левин, Андриан Макаров [5, с. 4; 7, с. 9; 8, с. 9]), вопреки статуту остались без заслуженных наград. Увы, совершенный подвиг далеко не всегда получает должную оценку как на войне, так и после нее.

О том, что кадниковцы не прятались в бою за чужими спинами, наглядно свидетельствует статистика потерь. Всего в ходе войны более 60 местных уроженцев погибли на поле боя и умерли от ран в госпиталях, более 80 пропали без вести (из них около 50 впоследствии официально признаны погибшими), более 330 ранены и контужены, десятки взяты в плен. Несколько человек были ранены дважды, у некоторых ранения сочетались с контузиями, в плен также чаще попадали ранеными. Случались и более обыденные случаи, подрывавшие здоровье: например, старший фейерверкер 1-й батареи 3-го Сибирского артиллерийского дивизиона Иван Михайлович Запечин получил грыжу «вследствие чрезмерного напряжения при подъеме ящиков с артиллерийскими снарядами» [15, л. 1, 4]. Последствия ранений и тяжелой военной службы иногда приводили к тому, что вернувшиеся на родину солдаты умирали молодыми – так, Всеволод Николаевич Горшков и Михаил Васильевич Животов скончались в 1908 г. [16, л. 40 об., 63 об.].

Сначала в боях участвовали относительно немногие кадниковцы предвоенных призывов, служившие в воинских частях Дальнего Востока. Первой жертвой войны среди кадниковских уроженцев стал Николай Никанорович Громов из деревни Кулаково Грибцовской волости. Он служил в 11-м Восточно-Сибирском стрелковом полку и пропал без вести в открывшем боевые действия на суше Тюренченском сражении 17–18 апреля 1904 г., позже признан погибшим [2, с. 9; 11, л. 138 об.]. Семеро кадниковцев оказались в отрезанной противником крепости Порт-Артур и вынесли все тяготы знаменитой артурской обороны.

Сформированный во многом из уроженцев Вологодчины 2-й Восточно-Сибирский стрелковый полк сыграл значимую роль в сражении под Вафангоу 1–2 июня 1904 г., когда русская армия предприняла неудачную попытку деблокировать Порт-Артур. 1 июня полк контратакой отбросил наступавшего противника на исходные рубежи, а на следующий день ценой огромных потерь сбил японские войска с занимаемых ими позиций. Однако вместо развития успеха русские солдаты получили приказ отступить из-за охвата японцами противоположного фланга русских сил [19, с. 158–161]. В бою под Вафангоу из состава 2-го полка погибли и пропали без вести восемь кадниковцев, пятеро были ранены.

В ключевой момент генерального сражения под Ляояном измотанный предшествующими боями 2-й Восточно-Сибирский стрелковый полк 20 августа 1904 г. безуспешно пытался отразить наступление японских войск, обходивших левый фланг русской армии. Ведя встречный бой в зарослях трехметрового гаоляна, зачастую не видя ни своих, ни противника, части полка несли большие потери. Погиб и его ко-

мандир, полковник Н.Я. Озерский [17, с. 192–193]. Сдержать наступление врага не удалось, измученные русские войска отступили. В жутком бою 20 августа были ранены четверо казниковцев, всего же в боях за Ляоян потери среди земляков-однополчан составили не менее 10 человек.

2-й полк не раз отметился активными действиями и в дальнейшем. Вновь гибли, получали ранения и пропадали без вести казниковские уроженцы на Тумьлинском перевале в сражении у Шахэ в сентябре 1904 г., при взятии деревни Хэгоутай в сражении под Сандепу в январе 1905 г., на Сыдолинском перевале под Мукденом в феврале 1905 г. Общие потери казниковцев за войну только в этом героическом полку составили до 40 человек.

Позже на театр военных действий стали прибывать полки из Сибири и европейской России, в составе которых также числились выходцы из Казниковского уезда. Например, немало земляков-казниковцев служили в 145-м пехотном Новочеркасском полку. В Шахэйском сражении ему довелось защищать Двугорбую сопку у деревни Танхайши, оказавшуюся на направлении главного удара противника. В ночь на 29 сентября части полка были атакованы и окружены превосходящими силами противника, но на рассвете штыковым ударом прорвались к своим войскам и, перегруппировавшись, вновь отбили у противника Двугорбую сопку, позже оставленную по приказу командования. Всего в сражении на Шахэ Новочеркасский полк потерял 35 офицеров и 1040 нижних чинов [23, с. 216–222, 464]. Только в боях за Двугорбую сопку и Танхайши погибло, ранено и пропало без вести 14 казниковцев.

97-й пехотный Лифляндский полк прибыл в Маньчжурию в январе 1905 г. и спустя месяц принял участие в боях под Мукденом. 22 февраля полк был выдвинут из резерва и брошен в атаку против ключевой позиции противника – деревни Юхуантунь. Защищавшая позицию японская бригада генерал-майора Намбу силами нескольких русских полков была разгромлена, а деревня взята ценой огромных жертв с обеих сторон [24, с. 442–446]. Но и этот успех не изменил общего хода событий, складывавшихся неблагоприятно для русской армии. Потери среди служивших в 97-м полку казниковцев в бою за Юхуантунь составили 12 человек.

Мобилизованные осенью 1904 г. казниковцы стали прибывать в Маньчжурию к началу 1905 г., и в основном пополнили личный состав трех сильно потрепанных предыдущими боями полков: 7-го пехотного Сибирского Красноярского, 213-го пехотного Оровайского и 214-го пехотного Мокшанского, причем наибольшее число казниковских уроженцев принято в Оровайский полк. Новоприбывшие казниковцы-артиллеристы были распределены по батареям 5-го стрелкового артиллерийского дивизиона. Первым, а для многих и последним сражением мобилизованных воинов стала Мукденская битва.

Оровайский и Мокшанский полки составляли 1-ю бригаду 54-й пехотной дивизии. В ходе Мукденского сражения бригада была атакована японцами 18 февраля и в течение десяти дней не выходила из боя. Оказывая друг другу постоянную поддержку,

полки отходили под давлением вражеских сил, задерживаясь на промежуточных позициях и конратакуя неприятеля. В боях погибли оба командира полков: Оровайского – Д.И. Грендаль, и Мокшанского – П.П. Побыванец. 27 февраля остатки бригады на арьергардной позиции вдоль реки Илу у станции Синтайцзы отбивали наседавшего противника, прикрывая отход русской армии. Лишь выполнив поставленную задачу, полки организованно отступили [24, с. 251–253, 321–325, 357–358; 25, с. 57–58, 122, 126, 240–241]. Далее до конца войны понесшие огромные потери части 54-й дивизии оставались в резерве.

Боевые сводки и списки погибших и раненых казниковцев из состава Мокшанского и Оровайского полков пестрят труднопроизносимыми названиями китайских деревень, у которых развернулись бои: Вучжанин, Бейтайцзыин, Туанчендза, Шоуялинза, Ланшаньпу, Тасудяпу. Здесь погибли, получили ранения, пропали без вести и попали в плен свыше 200 казниковских уроженцев. И никто сейчас не вспомнит имен этих безвестных героев...

В критический момент одного из боев 214-й Мокшанский полк двинулся в атаку с развернутым знаменем под звуки полкового оркестра. Руководил оркестром капельмейстер И.А. Шатров. Уже после Мукденского сражения в память о погибших однополчанах он написал вальс-реквием «214-й Мокшанский полк на сопках Маньчжурии». Позже название полка исчезло с титульных листов нотных изданий, но под сокращенным названием «На сопках Маньчжурии» эта мелодия ныне известна всему миру. Мало кто помнит, что знаменитый вальс является музыкальным памятником русским солдатам, однако земляки героев должны знать, что создан он в том числе в честь погибших казниковцев 214-го Мокшанского полка.

Война прославила не только полки, но и отдельные геройские роты. По воспоминаниям командира 6-го Сибирского армейского корпуса генерал-лейтенанта Л.Н. Соболева, 8-я рота 220-го пехотного Епифанского полка 25 февраля 1905 г. участвовала в прикрытии отходящих от Мукдена войск «и в виду японской гвардии заняла 11 последовательных позиций, отходя с упорным боем лишь под давлением превосходных сил противника». В этот день рота потеряла 20 человек убитыми и 78 ранеными. Среди погибших был и младший унтер-офицер Николай Иванович Соколов из деревни Бережок Маньчжурской волости. Всего же за войну славная рота потеряла 6 офицеров и 266 нижних чинов [11, л. 137; 26, с. 47, 460].

Последние потери в боях на суше казниковцы понесли при защите силами 7-го пехотного Сибирского Красноярского полка позиций у деревни Фаншен 1 марта 1905 г. К тому времени «красноярские» казниковцы уже потеряли убитыми, ранеными и контуженными свыше 30 своих земляков в боях на Гаутулинском перевале под Мукденом, а в бою у Фаншена – еще 9 человек ранеными и одного погибшим. Последней жертвой войны в Маньчжурии среди уроженцев Казниковского уезда стал рядовой 7-го Красноярского полка Александр Иванович Смирнов из деревни Ерофеевская Кумзерской волости [8, с. 9; 11, л. 136].

Вероятно, некоторые кадниковцы позже скончались в госпиталях, но точные даты их смерти неизвестны.

По окончании войны предпринимались попытки увековечения памяти павших героев. В 1913–1914 гг. предполагалась массовая установка поминальных досок в сельских церквях России, инициированная специальной «Комиссией по увековечению памяти воинских чинов, погибших в войну с Японией». Однако организовать соответствующий сбор средств среди прихожан оказалось проблематичным, и в результате на всей огромной территории Вологодской губернии появилась единственная такая доска. Она была установлена в апреле 1913 г. в Устьянской Воскресенской церкви Кадниковского уезда (село Устье) в память пяти погибших на Дальнем Востоке жителей Устьянской волости: Александра Брусницына, Павла Евлашина, Константина Малышева, Алексея Мохова и Ивана Теркина [11, л. 132, 134].

Устьянская Воскресенская церковь

До наших дней эта памятная доска не сохранилась. Однако столь благородный почин, положенный именно на территории Кадниковского уезда, вызывает искреннее уважение и настоятельно требует продолжения. Восстановить и сохранить память о героях и участниках русско-японской войны – дело ныне живущих поколений их потомков и земляков.

Литература

1. Великоустюгский центральный архив (ВУЦА). Ф. 14. Оп. 2. Д. 511.
2. Вологодские губернские ведомости (ВГВ). – 1904. – № 33. – С. 9.
3. ВГВ. – 1905. – № 22. – С. 10.
4. ВГВ. – 1905. – № 43. – С. 5.
5. ВГВ. – 1906. – № 5. – С. 4.

6. ВГВ. – 1906. – № 8. – С. 4.
7. ВГВ. – 1906. – № 10. – С. 9.
8. ВГВ. – 1906. – № 11. – С. 8, 9.
9. Герои Вологодчины: Энциклопедический словарь биографий. – Вологда : ИНП «Фест», 2011. – 320 с.
10. Гладких, С. А. Уроженцы Кадниковского уезда Вологодской губернии – участники русско-японской войны 1904–1905 гг. на море / С. А. Гладких // Вестник Вологодского государственного университета. Серия: Исторические и филологические науки. – 2022. – № 1. – С. 8–13.
11. Государственный архив Вологодской области (ГАВО). Ф. 18. Оп. 1. Д. 5136.
12. ГАВО. Ф. 287. Оп. 1. Д. 71.
13. ГАВО. Ф. 362. Оп. 1. Д. 593.
14. ГАВО. Ф. 726. Оп. 3. Д. 387.
15. ГАВО. Ф. 871. Оп. 1. Д. 217.
16. ГАВО. Ф. 871. Оп. 2. Д. 283.
17. Грулев, М. [В.] В штабах и на полях Дальнего Востока: Воспоминания офицера Генерального штаба и командира полка о русско-японской войне / М. [В.] Грулев. – Москва : ГПИБ, 2007. – 272 с.
18. Знак отличия Военного ордена Св. Георгия: Списки пожалованным за русско-японскую войну 1904–1905 гг. – Москва : [б. и.], 2006. – 1496 с.
19. История русско-японской войны 1904–1905 гг. – Москва : Наука, 1977. – 384 с.
20. Козлов, Д. Ф. Краткая боевая история 117-го пехотного Ярославского полка. 1763–1913 / Д. Ф. Козлов. – Рогачев : Типография насл. Г. З. Залкинда, 1913. – 90 с.
21. Кулябин, А. [М.] «...И всё думаю: как мне его называть?» / А. [М.] Кулябин // Сокольская правда. – 2020. – 2 июня. – С. 5.
22. Обзор Вологодской губернии за 1904 год. – Вологда : Типография губернского правления, 1905. – IV, 58 с.
23. Русско-японская война 1904–1905 гг. Работа военно-исторической комиссии по описанию русско-японской войны. – Т. IV. Шахэ – Сандэпу. – Ч. 1. Сражение на реке Шахэ. – Санкт-Петербург : Типография А. С. Суворина, 1910. – VIII, 508 с.
24. Русско-японская война 1904–1905 гг. Работа военно-исторической комиссии по описанию русско-японской войны. Том V. Мукденское сражение. Часть 1. События, непосредственно предшествовавшие Мукденскому сражению, и самое сражение до приказа Главнокомандующего об отходе III и I армий к Хуньхэ. – [Санкт-Петербург : Государственная типография, 1910]. – X, 466 с.
25. Русско-японская война 1904–1905 гг. Работа военно-исторической комиссии по описанию русско-японской войны. Том V. Мукденское сражение. Часть 2. От отхода к р. Хуньхэ до сосредоточения на Сыпингайских позициях. – Санкт-Петербург : Государственная типография, 1910. – VIII, 356 с.
26. Соболев, Л. Н. Куропаткинская стратегия. Краткие заметки бывшего командира 6-го Сибирского армейского корпуса / Л. Н. Соболев. – Санкт-Петербург : Русская скоропечатня, 1910. – XII, 478 с.
27. Список населенных мест Вологодской губернии. – Вологда : Типография губернского правления, 1881. – 304 с.

S.A. Gladkikh

NATIVES OF KADNIKOV DISTRICT OF VOLOGDA PROVINCE IN BATTLES ON THE HILLS OF MANCHURIA (1904–1905)

The article studies the participation of the natives of Kadnikov district of Vologda province in the land battles of the Russo-Japanese war of 1904–1905. Statistics are provided, heroes' biographies and collective exploits of the military units in which they served are considered.

Kadnikov District of Vologda Province, heroes of the Russo-Japanese war.

С.И. Денисов
Брянский государственный университет
им. академика И.Г. Петровского

ПОЛИТИЧЕСКИЕ СКАНДАЛЫ В ВЕЙМАРСКОЙ ГЕРМАНИИ («ДЕЛО БАРМАТА» 1925 Г.) НА СТРАНИЦАХ СОВЕТСКОЙ ПРОВИНЦИАЛЬНОЙ ПЕЧАТИ

В статье анализируется освещение коррупционного скандала веймарской Германии в местной прессе СССР середины 20-х гг. минувшего столетия. Предметом исследования выступают материалы публикаций местных газет. Обращается внимание на стиль и тональность материалов, размещенных в региональной прессе по рассматриваемому событию. Отмечается, что в публикациях возможны были расхождения в изложении отдельных деталей и фактов в освещении дела Бармата.

По итогам рассмотрения автор приходит к выводам о том, что местные периодические издания активно способствовали формированию у советских граждан негативного отношения к политике буржуазных партий. Острой критике подвергалась политика социал-демократической партии Германии и ее реакция на действия лиц, замешанных в финансовых махинациях. Всеми возможными средствами, как словесными, так и зрительными, в местной прессе стремились обратить внимание на двуличную сущность западных политиков по вопросам борьбы с коррупцией в рассматриваемый период.

История Германии, Веймарская республика, Бармат, общественное мнение, местная пресса, «Всесоюзная кочегарка», «Звезда», «Красный Север», «Красное Знамя».

В российской историографии за последние три десятилетия время важное место занимает изучение периода двадцатых – тридцатых годов прошлого века. Среди проблем этого временного отрезка в силу ряда причин недостаточно исследованными длительное время являлись вопросы формирования у граждан советского государства нового общественного сознания.

Отечественная историография уделяла незначительное внимание непосредственно данной проблеме. Первые попытки рассмотрения данного вопроса были предприняты в публикации К. Радека. В своей работе автор клеймит социал-демократов веймарской Германии, обращая внимание на причастность их лидеров к финансовым махинациям [26].

Среди исследований последних десятилетий можно отметить отдельные работы, в той или иной степени затрагивающие отдельные аспекты данной тематики. Так, например, в одной из своих предшествующих публикаций автор обращал внимание на влияние местной прессы на формирование общественного мнения граждан Советского Союза [10].

В советской печати в течение всего 1925 г. одно из центральных мест занимало освещение коррупционного скандала, в котором были замешаны первые лица веймарской республики, видные деятели СДПГ, первый президент республики. В тесной связи с этой темой освещались процессы по делу о «германской ЧК» и дело о студенческой фашистской организации, готовившей покушение на лидеров СССР. В современной русскоязычной историографии из этих трех тем «дело Бармата» является наименее изученной. Косвенное упоминание об этом процессе есть лишь в публикации белорусского исследователя Г.А. Космач [17].

На основании историографического обзора можно сделать вывод о слабой изученности избранной темы и в то же время следует констатировать наличие определенного интереса к ее проблематике.

В рамках данной публикации будет рассмотрено освещение «дела Бармата».

Барматским скандалом или скандалом Бармат – Кутискер принято считать два изначально отдельно существовавших коррупционных скандала, которые разразились в середине 20-х годов прошлого века в период существования Веймарской республики в Германии [17]. В них оказались втянуты не только финансовые круги, но и представители государственных структур республики, лидеры и руководство СДПГ, а также отдельные представители партии Центра (министр почт Гефле). Они оказались замешаны в коррупции, военных спекуляциях, мошенничестве, взяточничестве и других финансовых преступлениях.

На основе естественной выборки была проанализирована местная периодическая печать СССР рассматриваемого периода. В представленной выборке использованы местные газеты из разных губерний страны: «Красный Север» (Вологда), «Красное Знамя» (Томск), «Всесоюзная кочегарка» (Донецк) и других губерний. Они представляли собой ежедневные объединенные издания партийных, советских и профсоюзных организаций. В них были размещены различные по стилю публикации, от краткой информационной заметки до аналитической статьи.

Уже в первой декаде декабря 1924 г. в газетах «Красное знамя» и «Красный Север» с разницей в одну неделю первые публикации под яркими заголовками «Преступная роль социал-соглашателей» [20, с. 1] и

«Второй интернационал на службе спекулянтов». Источником послужили материалы журналистского расследования коммунистической газеты «Роте Фане». В публикациях приводились свидетельства тесной связи руководства II Интернационала и общества «Бармат». В частности, отмечалось, что общество Барматов оказывало финансовую поддержку представителям II Интернационала, предоставило помещение для проведения совместного заседания представителей германской социал-демократической партии, представителей стачечного комитета в период проведения забастовки голландских транспортников в 1923 г. «Общество Бармат предоставило 50 000 гульденов стачечному комитету, после чего последний прекратил борьбу» [18, с. 1].

Обращается внимание на связь представителей законодательной и исполнительной власти республики с фирмой Бармат «...членом “наблюдательного совета” этой фирмы был социал-демократ Бауэр, а вождь социал-демократической фракции прусского ландтага Гельман до сих пор состоит членом этого “наблюдательного совета”» [20, с. 1]. Отдельно акцентируется внимание на службе в качестве личного секретаря одного из братьев Бармат сына президента республики и дружеских связях начальника берлинской полиции и лидера социал-демократической фракции рейхстага Вельса с братьями Бармат (Там же, с. 1).

В начале января газета «Красное знамя» информирует читателей об аресте руководителей концерна и конфискации деловой документации. Автор заметки указывает на тесную связь их концерна с фирмой Кутискера. Обращается внимание на роль концерна Бармат в успехе социал-демократов на прошедших выборах в рейхстаг [19, с. 1].

На протяжении февраля 1925 г. в региональной прессе публикуются материалы парламентского расследования по делу Бармата. Особая комиссия рейхстага обнаружила, что не один Бармат приложил свою руку к германской казне, а также «почтенным делом перекачивания золота из кармана налогоплательщиков в собственные занимались все воротилы германской промышленности. Только с 20 декабря 1924 г. тяжелой индустрии Рура выдано 645 миллионов золотых марок. В деле разграбления германской казны роли между лидерами социал-демократии и представителями буржуазных партий были распределены как нельзя лучше: на долю первых достались международные проходимцы Бармат и Кутискер – сравнительно мелкие сошки, а долю вторых – магнаты тяжелой и легкой промышленности» [5, с. 1]. В подтверждение сказанного приводятся сведения о сумме, которая была получена германским правительством в виде займа по плану Дауэса на восстановление экономики республики.

Следует отметить, что в разных публикациях упоминаются разные суммы средств. «Кругленькая цифра в 800 миллионов марок золотом была роздана правительством, без ведома рейхстага, крупнейшим промышленникам-миллионерам» (Там же, с. 1). Все эти огромные суммы золота были выданы тяжелой индустрии и химической промышленности Рурской области в виде возмещения за убытки, понесенные во время экономической борьбы в Руре. В публикации газеты «Вечернее радио» указывается несколько иная

сумма – 600 миллионов золотых рейхсмарок, которая была обещана представителям крупной стальной и угольной промышленности на покрытие убытков в период, когда Лютер занимал пост министра финансов, а Штреземан – канцлера [1, с. 1]. По мнению парламентских депутатов, в первую очередь от КПП, следует учредить парламентскую комиссию для расследования злоупотреблений представителей 4-х правительств. В этой публикации уже фигурирует сумма 800 миллионов. Печать подчеркивает, что выплата этих сумм является серьезнейшим нарушением основных прав парламента, а именно – бюджетного права рейхстага [2, с. 1].

Создание и деятельность парламентской комиссии по расследованию финансового скандала характеризуется как проявление лицемерия со стороны властей: «Социал-демократы лицемерно негодуют по поводу финансового скандала и требуют назначения парламентской следственной комиссии для привлечения виновных к ответственности. Как будто сами они не являются виновниками всей этой позорной истории, так ярко характеризующей разложение буржуазной Германии. Нет уж, отвечать придется одинаково как Штреземану и Лютеру, так и соц-демократическим вождям, – общее дело делали» (Там же, с. 1).

В этой связи отмечается, что все судебные процессы против коммунистов имеют своей целью отвлечь общественное мнение от финансовых скандалов, связанных с деятельностью правящих кабинетов. Иногда материалы о коррупционном скандале публиковались вместе с репортажами о процессе по делу «германской ЧК». «Германская социал-демократия хорошо понимает, что запуталась, застряла в грязном, зловонном болоте, а потому в отчаянии усиливает свои нападки против коммунистов... Особенно возмутителен процесс так называемой “германской чека”. Нет, германская чека, к сожалению, еще не пришла, но она придет, и перед ней-то придется ответ держать виновникам угнетения трудящихся масс Германии, в том числе и виновникам грандиозного финансового скандала» [2, с. 1; 23, с. 1].

Подробно рассматривается роль и действия Густава Бауера в и его связь с концерном Бармата в годы войны послевоенные годы в публикации «Бауэр – Бармат и К». При этом приводятся конкретные суммы, полученные политиком от предпринимателей, в том числе от Бармата [3, с. 1].

В дележе добычи участвовали Стиннес, Тиссен, Манесман и ряд других крупных промышленников-миллионеров. Из представителей правительства участвовал также в дележе германский посол в Париже фон-Геш. Выясняется, что угольный трест получил 100 миллионов марок золотом, химический трест – 50 миллионов марок и рейнские пароходства – 45 миллионов [25, с. 1].

Как свидетельствуют заголовки, данный скандал в советской региональной прессе по своим масштабам сравнивался с финансовым и политическим скандалом, разразившимся во Франции в конце XIX века в связи со строительством Панамского канала. «Правительственная панамы в Германии» – именно под таким заголовком был помещен в газете «Всесоюзная кочегарка» ряд заметок, посвященных данному событию.

В них опять упоминается имя бывшего канцлера Бауэра. «Бауэр привлекается к ответственности за спекуляцию и разглашение государственных тайн» [6, с. 1].

Газеты сообщают, что против бывшего рейхсканцлера социал-демократа Бауэра возбуждается уголовное дело за нарушение им существующих в Германии законов относительно валютных операций, а также за участие в спекуляции. Бауэр, пользуясь служебным положением, передавал Барматам секретные экономические сведения, которые давали возможность этим лицам «совершать выгодные спекулятивные сделки». ЦК социал-демократической партии постановил исключить из партии ее бывшего лидера, как уличенного во взяточничестве и спекуляции.

Следствие по делу Бармата на протяжении февраля обнаруживает ежедневно всё новые факты в отношении политических и парламентских деятелей, причастных к спекуляциям концерна Бармат. Член партии центра и бывший министр Геффле, уличенный в получении денежных сумм от Бармата, сложил полномочия депутата рейхстага и по требованию судебных властей «арестован по обвинению о получении от спекулянта Бармата взятка за предоставленный ему государственный кредит» [11, с. 1]. Проведенное расследование выявило круг лиц, причастных к финансовым преступлениям в почтовом ведомстве. Парламентская комиссия по обследованию займов финансовых операций германского управления почт представила обширный доклад, рисующий картину огромных хищений. «Более десяти крупных чиновников, ближайших помощников недавно арестованного бывшего министра почт Геффле, уличены во взяточничестве» [6, с. 1]. В апреле бывший министр почты Геффле умер в заключении. Загадочная смерть бывшего министра породила множество слухов. Его однопартийцы направили официальный запрос в правительство. Партия центра в запросе заявляет, что Геффле умер вследствие жестокого обращения с ним [13, с. 1].

В февральском номере газеты «Красный Север» обращается внимание на связь руководителя столичной полиции Рихтера с фигурантами дела. Из материала публикации следует, что Рихтер «совершал за счет Бармата увеселительные поездки, как по Германии, так и за границу». Здесь же обращается внимание на его соучастие в контрабанде мехов [22, с. 1].

Глава берлинской полиции, член социал-демократической партии Рихтер, проходивший изначально в качестве свидетеля по делу Бармата, под давлением свидетельских показаний был вынужден подать прошение об отставке со своего поста. Его выступление на заседании парламентской комиссии, как следует из материалов публикации, сопровождалось скандалом. «От роли свидетеля перешел к исполнению своих полицейских обязанностей. При помощи полиции он вывел из следственной комиссии ее членов депутатов-коммунистов, которые задавали не весьма лестные для социал-демократов вопросы» [7, с. 1]. В одной из ближайших публикаций были указаны подробности данного скандала. Изменяется место действия – парламентская комиссия прусского ландтага, и уточняются некоторые детали. «Коммунист Кольвиц назвал производимое комиссией расследование комедией. Председатель исключил Кольвица из заседания.

Однако Кольвиц отказался удалиться. Ввиду отсутствия парламентской стражи явившийся в качестве свидетеля полицей-президент Рихтер вызвал для удаления Кольвица полицейских». В ходе дальнейшего рассмотрения дела в этом заседании выяснилось, что Рихтер также серьезно причастен к делу Бармата. «Окончательно опороченный Рихтер подал прошение о предоставлении ему отпуска. Прошение было немедленно удовлетворено. Рихтер сдает обязанности своему заместителю. Прокуратура возбуждает против Рихтера дело, обвиняя его во взяточничестве и злоупотреблениях» [8, с. 1].

В то время, как следует из краткой информационной заметки в вологодской губернской газете, Рихтер был отстранен от должности по решению прусского правительства [23, с. 1].

В ходе проведения дальнейшего расследования бывший полицейский чиновник отказался давать показания полному составу комиссии в присутствии всего пленума комиссии, а может давать их только с глазу на глаз. «Просьба его была удовлетворена, и Рихтер признался в получении подарков от Бармата, однако сказал, что эти подарки не носили характера взятки» [24, с. 1]. Подобное высказывание стало поводом для ироничного заголовка заметки в газете «На эсдековском языке взятка именуется подарком» [16, с. 1].

В числе новых пособников Бармата упоминается редактор газеты «Форвертс» Даниксон и член партии Центр Гегерман [4, с. 1]. Фигуранты скандала, депутаты парламента, партийные функционеры, бывшие действующие члены правительства пытались снять выдвинутые против них обвинения. Так, официальное германское радио выступило с опровержением обвинения в причастности рейхсканцлера Ганса Лютера к выдаче субсидий рурским промышленникам, но в то же время подтверждает сам факт выдачи субсидий на общую сумму в размере 600–700 миллионов [6, с. 1]. Неделью спустя Лютер представил в рейхстаг обширное объяснение по поводу растраты им многомиллионной суммы денег, выданных, в виде компенсации, крупным промышленникам Рура. В своем выступлении Лютер указывает, что «ассигнование этих сумм было необходимо, т. к. германская промышленность в 1923 году находилась накануне гибели. Без государственных кредитов промышленность не выжила бы и сотни тысяч рабочих оказались бы в когтях голода» [9, с. 1].

В ходе дальнейшего обсуждения депутаты от различных политических партий подвергли резкой критике объяснения главы правительства. Так, националисты и крайние монархисты выступили против выдачи субсидий, так как они достались лишь представителям крупной индустрии, а не крупным землевладельцам.

Уже в середине марта один из братьев Бармат был освобожден из тюрьмы под залог в 500 марок благодаря поручительству отдельных влиятельных политиков. «На основании постановления суда, Генрих Бармат освобожден из тюрьмы под ничтожный залог в 500 марок. В политических кругах утверждают, что два видных деятеля социал-демократической партии дали поручительство за Бармата» [14, с. 1]. Уже в начале июня основные фигуранты по делу были освобождены из тюремного заключения. После смерти

бывшего министра почт арестованного, в связи с делом спекулянта Бармата, «судебные власти постепенно освобождают всех арестованных крупных спекулянтов. Вслед за Юлием Барматом освобожден его брат, Генрих и спекулянт Кутискер» [15, с. 1].

После этих публикаций местная пресса стала меньше внимания уделять данной теме. Непосредственно само расследование по делу продолжалось до 1927 г. и завершилось назначением мягкого наказания. Юлиус Бармат был приговорен к 11 месяцам тюрьмы [17], а его брат получил срок почти на половину меньше. После отбытия наказания братья покинули страну и были замешаны еще в одном подобном коррупционном деле в Бельгии. Этот коррупционный скандал внес свой вклад в развертывание антисемитской пропаганды внутри Германии.

Представители левых сил не остались в стороне. Они выступали с резкой критикой социал-демократов и политического строя республики. Каждый день в прессе появлялось множество статей о текущих коррупционных делах, обвинениях в коррупции и вызванных ими коррупционных скандалах. Слово «коррупция» становится все более популярным и часто используется для осуждения действий политических оппонентов, представляя коррупционные дела как необходимое следствие ценностей и системы правления, представляемой определенной политической группой. Помимо отдельных статей, существует также несколько попыток связать эти случаи друг с другом и описать их как части большего комплекса проблем. Это могло быть сделано в ежедневной прессе через серии статей и комментариев, а также в форме брошюр. Это быстро и дешево выпускаемые издания объемом около пятидесяти страниц, которые часто публиковались анонимно или под псевдонимом.

О резко негативном характере освещения данных событий в советской прессе свидетельствуют острые названия заголовков: «В социал-демократическом навозе», «Германские соглашатели убирают проворовавшихся собратьев», «Правительственная панاما в Германии», «Разложение германской социал-демократии».

Текстовые публикации дополняются яркими зрительными образами, которые наглядно свидетельствуют о тесной связи представителей германской политической элиты, и в первую очередь социал-демократов, с фигурантом данного дела. Сатирические карикатуры, лаконичный и запоминающийся текст создавали необходимый образ, воздействуя на большую читательскую аудиторию. Так, например, на первой странице номера газеты «Звезда» помещена карикатура под названием «Соглашательский аромат» с подписью «Крупный берлинский спекулянт Юлий Бармат, “подарками” которого соблазнились многие германские министры, принадлежавшие к социал-демократии» [12, с. 1]. «Лицом германской социал-демократии» в виде шаржа представлен Ю. Бармат [24, с. 2]. На неспособность рейхсканцлера эффективно управлять страной и вести диалог с ведущими политическими силами указывает карикатура «Германия на ухабе». Здесь Вильгельм Маркс представлен в виде незадачливого кучера, который не может справиться с лошадьми [21, с. 1].

Подводя итог рассмотрению темы, следует отметить, что в 20-е гг. XX в. роль региональной периодической печати СССР в освещении важных знаковых зарубежных, внутрисоюзных и местных событий была исключительно велика. Пресса в силу своей повседневности, широты и массовости распространения, возможностей подробного освещения происходящего формировала общественное мнение страны даже в большей степени, нежели радиопередачи и киносеансы.

Определенную нишу в этой информационно-пропагандистской работе заполняли региональные газеты. Следует обратить внимание на анонимность статей по вопросам освещения зарубежной тематики. Специалистов по этим вопросам в штатах редакций местных газет не было. В них публиковали проверенную и одобренную руководством информацию. Могли меняться тон публикации, подробность изложения материала, его расположение на страницах газет. Авторы могли обращать внимание на разные детали и факты в освещении темы.

Анализ газетных публикаций по вышеуказанной тематике дает возможность сделать заключение о том, что местная пресса успешно выполняла поставленные перед ней задачи по информационному сопровождению советских граждан о ключевых проблемах внутриполитической жизни Германии.

В заключение следует отметить, что именно газетные публикации по вопросам внутриполитической жизни зарубежных стран и внешней политики дают возможность охарактеризовать особенности процесса формирования общественного мнения, своеобразие пропагандистской работы, а также изучить отдельные ее инструменты [10, с. 71]. Одним из таких приемов было противопоставление условий жизни в СССР и на Западе. Резкой критике подвергались изъяны капиталистического общества, такие как коррупция, злоупотребление служебным положением и прочие. Всеми средствами, как словесными, так и зрительными, в местной прессе авторы стремились привлечь внимание на двуличную сущность западных стран в борьбе с коррупцией. Целенаправленно осуществлялось формирование резкого неприятия политики буржуазных правящих кругов.

Литература

1. Вечернее радио. – 1925. – № 26. – 3 февраля. – С. 1.
2. Вечернее радио. – 1925. – № 27. – 4 февраля. – С. 1.
3. Вечернее радио. – 1925. – № 31. – 9 февраля. – С. 1.
4. Вечернее радио. – 1925. – № 39. – 18 февраля. – С. 1.
5. Всесоюзная кочегарка. – 1925. – № 27. – 04 февраля. – С. 1.
6. Всесоюзная кочегарка. – 1925. – № 34. – 12 февраля. – С. 1.
7. Всесоюзная кочегарка. – 1925. – № 36. – 14 февраля. – С. 1.
8. Всесоюзная кочегарка. – 1925. – № 37. – 15 февраля. – С. 1.
9. Всесоюзная кочегарка. – 1925. – № 39. – 18 февраля. – С. 1.
10. Денисов, С. И. Вклад местной прессы в формирование позитивного образа СССР на международной арене в начале 30-х гг. XX века / С. И. Денисов. – DOI:10.33693/2658-4654-2021-3-2-65-71 // История и современное мировоззрение. – 2021. – Т. 3. – № 2. – С. 65–71.
11. Звезда. – 1925. – № 771. – 15 февраля. – С. 1.

12. Звезда. – 1925. – № 776. – 21 февраля. – С. 1.
 13. Звезда. – 1925. – № 830. – 30 апреля. – С. 1.
 14. Звезда. – 1925. – № 796. – 18 марта. – С. 1.
 15. Звезда. – 1925. – № 857. – 3 июня. – С. 1.
 16. Звезда. – 1925. – № 898. – 22 июля. – С. 1.
 17. Космач, Г. А. Начало политической карьеры В. Кубе в первые годы веймарской республики (1919–1923 гг.) / Г. А. Космач // Актуальные проблемы новой и новейшей истории Европы и США. – Минск, 2005. – URL: <http://elib.bspu.by/handle/doc/2241> (дата обращения 19.10.2021). – Текст : электронный.
 18. Красное знамя. – 1924. – № 283. – 10 декабря. – С. 1.
 19. Красное знамя. – 1925. – № 3. – 4 января. – С. 1.
 20. Красный Север. – 1924. – № 277. – 3 декабря. – С. 1.
 21. Красный Север. – 1924. – № 278. – 4 декабря. – С. 1.
 22. Красный Север. – 1925. – № 39. – 17 февраля. – С. 1.
 23. Красный Север. – 1925. – № 41. – 19 февраля. – С. 1.
 24. Красный Север. – 1925. – № 155. – 9 июля. – С. 2.
 25. Пролетарская правда. – 1925. – № 28. – 5 февраля. – С. 1.
 26. Радек, К. Б. От Бебеля к Бармату : как германская социал-демократия стала партией взяточников и спекулянтов / К. Б. Радек. – Москва ; Ленинград : Государственное издательство, 1925. – 42, [1] с.

S.I. Denisov

**POLITICAL SCANDALS IN WEIMAR REPUBLIC (THE «BARMAT CASE», 1925)
 IN THE SOVIET PROVINCIAL PRESS**

This article analyses the coverage of the Weimar Republic corruption scandal in the USSR local press in the mid-20s of the 20th century. The research focuses on the materials of local newspaper publications. The author considers the style and the tone of the articles published in the regional press on the events in question. It is noted that there can be discrepancies in the presentation of certain details and facts in the coverage of the Barmat case.

The author concludes that local periodicals actively contributed to a negative attitude of Soviet citizens towards bourgeois parties' policies. The policy of the German Social Democratic Party and its response to the actions of the those involved in the financial frauds were sharply criticised. Both by verbal and visual means, the local press tried to draw attention to the duplicitous nature of Western politicians in the fight against corruption within the monitored period.

German history, Weimar Republic, Barmat, public opinion, local press, All-Union Kochegarka, Zvezda, Krasny Sever, Krasnoye Znamya.

А.А. Исаев
Дальневосточный федеральный университет

ПРЕССА КАК СРЕДСТВО ПОЛИТИКО-ИДЕОЛОГИЧЕСКОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ НА НАСЕЛЕНИЕ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА СССР В 1930-Е ГГ.

В статье на основе архивных документов рассматривается роль периодической печати (газеты) как средства реализации политико-идеологического воздействия на население Дальнего Востока СССР в 1930-е гг. Анализируются ее методы и подходы, а также выявляются проблемные стороны, возникающие в ходе повседневной работы печати.

Дальний Восток, пресса, газета, рабселькоры, многотиражка, политико-идеологическая работа.

Периодическая печать в СССР являлась главным источником информации, благодаря которому властные структуры распространяли важную и нужную для населения информацию с определенным вектором и политической окраской. Помимо информирования, газета должна была идейно мобилизовать рабочих и служащих на борьбу за выполнение экономических, социальных, политических и оборонных задач, а также формировать их мнения и суждения в правильном для власти русле.

Исследование вопросов работы прессы и ее роли в процессе политико-идеологического воздействия на население началось еще в ходе получения первого опыта его развития. В 1930-е гг. стали появляться первые исследования, носившие, как правило, описательный характер с некоторой степенью первичного анализа [28; 29]. В полной мере изучение системы партийно-политического просвещения происходило в 1950–1980-е гг. В это время выходит в свет целый ряд научно-исследовательских работ, в которых печать рассматривается как важное средство, стимулирующее население страны на трудовые подвиги в условиях социалистической модернизации [1; 2; 31].

В постсоветский период в связи с открытием архивных фондов в исторических исследованиях происходил пересмотр устоявшихся положений. Происходит постепенное развитие научно-исторического интереса к различным аспектам развития печати и расширение тематического поля исследований роли ее влияния на массовое сознание, выявление и анализ достижений, проблемных полей и просчетов [3; 30; 35]. Однако выявление роли газеты как средства политико-идеологического воздействия на население Дальнего Востока СССР в 1930-е гг. до сих пор не нашло отражение в исторических исследованиях.

Исходя из этого, целью данной работы является анализ архивных материалов, посвященных развитию печати как основному средству политико-идеологического воздействия на население Дальневосточного региона в 1930-е г. Методической основой исследования являются традиционные исторические методы.

Важным из них является метод системного анализа, который способствует рассмотрению деятельности прессы как элемента системы политико-идеологической работы среди населения. Исследование опирается на корпус документальных исторических источников, выявленных в фондах региональных (ГАПК, ГАХК) и федеральных (РГАНИ, РГАСПИ) архивов. Основными видами документов, использованных в данной работе, являются политические донесения, информационные, объяснительные и докладные записки, отчеты, стенограммы совещаний, решения, резолюции, постановления центральных и региональных органов власти, касающиеся работы прессы на Дальнем Востоке в исследуемый период.

В 1930-е гг. работа печатных органов полностью координировалась агитационно-пропагандистским отделом ЦК ВКП(б). Ему подчинялись подотделы печати, входящие в агитпропотделы при губернских и уездных (краевых, областных, городских, районных) комитетах партии. Их оперативная деятельность включала в себя подбор кадров, проведение съездов работников печати и анализ деятельности редакций газет [34, с. 55]. Вместе с тем, работники подотдела следили за соответствием публикуемого материала политической конъюнктуре, поэтому она проходила обязательное согласование и одобрение. При этом учитывались рекомендации ЦК ВКП(б), который подмечал прямую необходимость не ограничиваться общими формулировками, а детально вникать в суть рассматриваемых вопросов и глубоко анализировать происходящие в стране явления [5, л. 29]. Для этого редакторам областных и районных газет направлялись соответствующие телеграммы-инструкции о необходимости освещения в номерах газет конкретных тематических областей с необходимым для власти уклоном [33, л. 41].

В условиях социально-экономических преобразований в стране, начатых с конца 1920-х гг., одним из важных функций прессы становится освещения сущности проводимых модернизационных преобразований, выявлению успехов и проблем, определения зна-

чимости итогов и результатов. Каждой центральной газете предписывалось освещать на своих страницах определенную и только профильную информацию¹.

На Дальнем Востоке СССР, как и во всей стране, пресса являлась важнейшим элементом в формировании и развитии поля коммуникативной зависимости исходя из специфики регионального развития. В региональной прессе, основу которой составляли областные газеты («Тихоокеанская звезда» (г. Хабаровск), «Красное Знамя» (г. Владивосток), «Коммунар» (г. Уссурийск), «Советский Сахалин» (г. Александровск-на-Сахалине) и «Амурская правда» (г. Благовещенск)), публиковалась самая актуальная информация общесоюзного и регионального характера, отражающая специфику хозяйственно-экономического, социального и политического характера. Вместе с тем, значительное место отводилось как районной печати (печатный орган районных комитетов партии), так и фабрично-заводским газетам (стенные газеты, многотиражки и т.д.), которые являлись самым доступным источником информации, особенно в отдаленных районах [4, л. 68; 6, л. 45; 9, л. 9–10].

В материалах газетных статей подробно разъяснялись постановления и распоряжения партии и правительства, а также освещались основные аспекты партийно-политической работы в дальневосточном регионе. На конкретных примерах из жизни трудящихся (ударников, стахановцев) газеты стимулировали у читателей выработку и развитие трудового энтузиазма. Особое место отводилось превознесению авангардной роли партийцев в промышленно-хозяйственной деятельности [5, л. 31]. Газеты на своих страницах выступали против расхитителей социалистической собственности, вскрывали практику приписок, остро реагировали на срывы плановых показателей и нарушителей трудовой дисциплины. Статьи на данные тематики получали широкое обсуждение на рабочих собраниях и в трудовых коллективах почти во всех районах региона [20, л. 1–2; 23, л. 28–29]. Так, к примеру, в трудовом коллективе мастерской «Комсомольский швейник» ежедневно проводились читки региональных и общесоюзных газет. Ра-

ботники знакомились с событиями в Испании и Китае, жизнью советского народа. После читки проходили оживленные обсуждения полученной информации [26, л. 12].

В то же время по результатам различных проверок краевой, областной и районной печати дальневосточного региона отмечалось, что пресса не всегда должным образом помогала партийным организациям в реализации выполнений решений партии и правительства. Газеты далеко не всегда справлялись с задачей по стимулированию населения на выполнение и перевыполнение конкретных хозяйственно-экономических планов [8, л. 3–4; 21, л. 82].

Региональная пресса недостаточно популяризировала успехи и достижения местных работников (передовиков производства, технических новаторов, рационализаторов и изобретателей) [4, л. 24]. Часто, вместо выявления успехов и проблемных сторон в развитии социально-экономических и политических сфер, газеты занимались общей агитацией, не вникая в их суть. При освещении различных мероприятий часто отсутствовала критика и самокритика [5, л. 30]. Многие проблемы рассматривались в общих чертах, без конкретных примеров. Так, в статьях часто не фигурировали конкретные имена виновников аварий, срывов плановых показателей, прогульщиков и других дезорганизаторов производства [8, л. 2–3, 5; 21, л. 82; 25, л. 68].

Основной проблемой большинства областных и районных газет являлось то, что они недостаточно освещали практическую агитационно-пропагандистскую работу партийных организаций на местах. Партийная жизнь целого региона часто освещалась только в форме коротких информационных заметок [16, л. 4–7]. В газетных публикациях отсутствовали материалы о работе партийных кабинетов, «красных уголков», изб-читален и других политико-просветительских учреждений. Несистемно освещалась работа курсов и кружков по партийно-политическому просвещению [25, л. 66–68]. Деятельность первичных партийных организаций районов не имела должного отражения на страницах многих районных газет [27, л. 11]. Статьи по политико-идеологическим вопросам теоретического характера печатались только в связи с различными историческими датами и политическими событиями [5, л. 20]. Однако даже в ходе политических событий общесоюзного значения региональная пресса на своих страницах не популяризировала их и не разъясняла их значение для населения. Так, в ходе обсуждения проекта конституции летом – осенью 1936 г. Шкотовская районная газета «Ленинский Луч» на своих страницах не размещала информацию об этом. Член Приморского областного исполнительного комитета Чаплыгин отмечал, что «я просмотрел все 7 номеров газеты “Ленинский Луч”, вышедшей в августе месяца, и ни в одном из этих номеров я не нашел статей, посвященных ходу обсуждения конституции в районе» [12, л. 4]. Подобная ситуация наблюдалась и в ходе всесоюзного обсуждения текста принятой в 1936 г. конституции. В протоколе совещания редакторов районных газет и многотиражек Приморской области от 27–29 июля 1937 г. говорилось, что «газета “Сихотэ-Алинская правда” совсем не занимается пропагандой

¹ В своем указании от 25 января 1930 г. ЦК ВКП(б) определяло, что газета «Правда» – освещает вопросы, делая упор на работу партийных органов по руководству, ходу, выполнению производственных планов и под этим углом проводит самокритику и критику печати; «Комсомольская Правда» – организация рабочей молодежи в социалистическом соревновании и ударническом движении вокруг вопросов выполнения хозяйственных планов и проверки под этим углом работы комсомольских организаций; «Известия» – освещают в особенности роль советов в выполнении планов промышленности и сельского хозяйства; «За индустриализацию» – берет все вопросы выполнения промфинплана, работы хозорганов по основным отраслям производства; «Экономическая жизнь» – особое внимание уделяет транспорту (ЖД и водному транспорту); «Труд» – освещает работу профорганов в выполнении обращений ЦК, организации социалистических соревнований и ударничества; «Гудок» – мобилизуется вокруг выполнения хозяйственных задач и заданий по трудовой дисциплине на транспорте; «Рабочая газета» – о роли пролетарской общественности; «Голос текстилей» – то же, что «Труд» по линии текстильной промышленности; «Постройка» – делает упор на ход подготовки строителей. Вся крестьянская печать ставила вопросы посевной кампании так же оперативно, как общая рабочая печать, проводила борьбу с кулачеством за коллективизацию («Крестьянская газета», «Беднота», «Социалистическое земледелие», «Сельхозрабочий» и др.). [25, л. 89–90].

Сталинской Конституции. В ней нет ни одной пропагандистской статьи, кроме отдельных отрывков из материалов “Правды”. Газета допускает большую политическую ошибку, не ведя пропаганды Сталинской Конституции. Газета не воспитывает у трудящихся района чувства советского патриотизма» [14, л. 125].

Для ликвидации подобных недостатков партийно-политическое руководство постоянно требовало сосредоточить внимание прессы на повышении революционной бдительности трудящихся, мобилизации населения на борьбу за выполнение политических и хозяйственных задач. Особо указывалось на необходимость всестороннего освещения вопросов партийной жизни и опыта лучших партийных работников [19, л. 11–12]. Реализация данных требований происходит после принятия постановления политбюро ЦК ВКП(б) «О постановке партийной пропаганды в связи с выпуском “Краткого курса истории ВКП(б)”» от 14 ноября 1938 г. Постепенно наблюдалось увеличение числа газетных статей по теоретическим вопросам марксизма-ленинизма, консультации, тексты лекций лучших пропагандистов и «ответы» на «вопросы» читателей. [32, л. 121–121 об]. Так, только с ноября 1938 г. по конец января 1939 г. в Приморской краевой газете «Красное Знамя» было опубликовано 32 статьи по вопросам партийной пропаганды [17, л. 16–19]. За 1939 г. было опубликовано 26 теоретических статей, 15 консультаций, 11 ответов на вопросы читателей и 59 статей по обмену опытом партийной пропаганды. Из 63 опубликованных статей и консультаций только 26 было местных авторов [18, л. 21].

Однако при этом многие статьи и материалы, публикуемые в региональной и районной печати, продолжали носить общий, беспредметный характер в форме общих лозунгов. Они не затрагивали актуальные вопросы практической работы партийных организаций районов, предприятий и организаций, а также не создавали общественное мнение против нарушителей устава ВКП(б) [23, л. 36–37; 24, л. 2–3]. Некоторые руководители партийных комитетов и партийных ячеек на производстве недооценивали роль газеты как важного средства политико-идеологического воздействия на население, самоустранились от руководства ею и не следили за ее содержанием. Вместе с тем, многие газеты выходили нерегулярно по причине материально-технических трудностей (нехватки соответствующих помещений, бумаги, печатного оборудования) [8, л. 6, 23; 23, л. 9].

Большой приток переселенцев на Дальний Восток в 1930-е гг. способствовал увеличению спроса на газеты. Исходя из этого, в отдел печати Далькрайкома ВКП(б) периодически поступали просьбы об увеличении тиража газет. Однако долгое время по материально-техническим причинам тираж газет оставался прежним. В то же время доставка прессы до подписчика была долгой в связи со слабой транспортной инфраструктурой региона. Вследствие этого отмечался отказ от подписки. Многие производственники отмечали: «бесполезно выписывать – все равно не получаем» [7, л. 72].

Особой проблемой являлось обеспечение газетными сезонными рыболовными промыслами, большинство из которых находилось в малодоступных отдаленных

районах края [10, л. 78]. Это приводило к тому, что многие работники не получали последнюю информацию о новых формах социалистического труда (ударничество, соцсоревнования, встречные планы и т.д.). Подобное положение отмечалось и в городах края. Так, рабочий трамвайного парка г. Владивостока слесарь стахановец Остафьев говорил: «Я не получаю газеты, приходится просить. Я хочу знать, как развернуто стахановское движение в стране, какие новые опыты стахановцев» [15, л. 26]. Чернорабочий вагонного депо станции Хабаровск-2 Цимерин говорил: «в бригаде нашей давно газеты не читали, сам я тоже не выписываю газет, интересуюсь международным положением и внутренним, как дальше будет протекать жизнь рабочих и колхозников, а об этом нам не рассказывают» [25, л. 46].

Ошибки политического и технического характера являлись хронической, постоянной проблемой районной печати. Подавляющее большинство газетных работников не имели специальной подготовки. Низкий уровень ответственности редакционных работников приводил к тому, что они иногда не занимались проверкой свежих выпусков газет перед их выпуском, направленной на выявление грамматических, стилистических, смысловых неточностей, ошибок и описок [22, л. 40–41]. Это в свою очередь приводило к ошибочным представлениям политического и социально-экономического характера среди населения [4, л. 29–30; 8, л. 7]. Так, к примеру, в одном из номеров Шкотовской районной газеты «Ленинский Луч» за 1938 г. была опубликована статья под заголовком: «Не мешайте пьянствовать киномеханику» [16, л. 47–48]. Из текста получалось, что райком ВКП(б) ратует, за то, чтобы люди занимались пьянством. Газета Гродковского района «Пограничный колхозник» в 1933 г. пыталась мобилизовать трудящиеся массы издательским лозунгом, помещенным на первой странице: «Душа вон, кишки на бок, план должен быть выполнен» [4, л. 32].

Периодически отмечалось размещение на страницах газет совершенно неудовлетворительных клише портретов руководителей партии и правительства. Многие редакторы газет и уполномоченные Главлита не проявляли должного внимания к иллюстрациям в газетах, не следили за качеством клише и не принимали соответствующих мер при осуществлении их правки. Исходя из этого, отдел печати и издательств ЦК ВКП(б) всем заведующим отделами печати и издательств, печатной пропаганды, агитации и печати крайкомов и обкомов ВКП(б) давал указания не помещать клише портретов руководителей партии и правительства и передовых работников района, завода и т.д. на линолеуме, дереве, жести, картоне и других суррогатных материалах [13, л. 1].

Одним из важных элементов, сковывавших общее развитие печати, являлось отсутствие обратной связи с читателем. Письма, направляемые в редакции газет, несли в себе информацию об истинном положении в социально-экономической и политической жизни населения. Вместе с тем, эта информация показывала наиболее актуальные для рассмотрения в печати темы, незаслуженно обойденные редакторами и журналистами. Отсутствие внимания к письмам трудящихся

способствовало снижению доверия к печати и всем публикуемым в ней материалам со стороны населения. Вследствие этого ослабевало значение газеты как политико-идеологического рупора [11, л. 6].

Таким образом, значительные проблемы материально-технического и кадрового характера существенно сковывали развитие региональной прессы. Низкий уровень квалификации работников, их формальный подход к работе, отсутствие контроля и помощи со стороны вышестоящих инстанций, недооценка некоторыми партийными и хозяйственными руководителями значения прессы продолжали оказывать негативное влияние на ее состояние и развитие.

Однако, несмотря на многочисленные проблемы, пресса играла важнейшую роль как в информировании, так и в развитии политико-идеологического воздействия на население. Отражая на своих страницах социально-политическую активность широких слоев населения, которая определялась партийными установками, пресса стимулировала развитие социалистической модернизации страны. Вместе с тем, при помощи прессы партийно-политическое руководство стремилось выработать в массовом сознании определенный психологический климат, который в свою очередь определял реакции населения, столь необходимые для властных структур в конкретный период времени.

Литература

1. Бессалаев, Б. И. Особенности партийного руководства печатью в годы первой пятилетки / Б. И. Бессалаев // Вопросы теории и методов идеологической работы. Выпуск 6. Партийное руководство идеологической работой / редколлегия: П. К. Курочкин. – Москва : Мысль, 1976. – С. 239–250.
2. Борзенков, А. Г. Партийная печать – активный организатор социалистического соревнования в колхозной деревне Западной Сибири (1929–1932 годы) / А. Г. Борзенков // Бахрушинские чтения. Сборник научных трудов / редколлегия: Л. М. Горюшкин [и др.]. – Новосибирск, 1974. – С. 63–67.
3. Гаврилюк, И. Л. Развитие фабрично-заводской и районной печати в Нижнем Поволжье в 1920–1930-е годы / И. Л. Гаврилюк // Вестник Волжского государственного университета. Серия 4. – 2007. – Вып. 12. – С. 179–183.
4. Государственный архив Приморского края (далее ГАПК). Ф. П-1. Оп. 1. Д. 11.
5. ГАПК. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 20.
6. ГАПК. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 84.

7. ГАПК. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 108.
8. ГАПК. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 255.
9. ГАПК. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 259.
10. ГАПК. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 260.
11. ГАПК. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 442.
12. ГАПК. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 512.
13. ГАПК. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 513.
14. ГАПК. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 638.
15. ГАПК. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 639.
16. ГАПК. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 759.
17. ГАПК. Ф. П-68. Оп. 2. Д. 4.
18. ГАПК. Ф. П-68. Оп. 2. Д. 11.
19. ГАПК. Ф. П-68. Оп. 2. Д. 14.
20. ГАПК. Ф. П-68. Оп. 2. Д. 35.
21. ГАПК. Ф. П-68. Оп. 2. Д. 49.
22. ГАПК. Ф. П-68. Оп. 2. Д. 50.
23. ГАПК. Ф. П-68. Оп. 2. Д. 67.
24. ГАПК. Ф. П-68. Оп. 2. Д. 69.
25. Государственный архив Хабаровского края (далее ГАХК). Ф. П-2. Оп. 11. Д. 234.
26. ГАХК. Ф. П-2. Оп. 11. Д. 250а.
27. ГАХК. Ф. П-35. Оп. 3. Д. 104.
28. Душенков, И. Повысим авангардную роль большевистской печати / И. Душенков. – Иркутск : Партиздат, 1933. – 61 с.
29. За большевистскую партийную печать. Материалы для докладчиков и пропагандистов ко дню печати. – Москва : Мособлисполком, 1932. – 31 с.
30. Макаров, А. А. Периодическая печать в процессе агитационно-пропагандистского обеспечения массовых репрессий 1934–1938 гг. (на материалах Красноярского края) / А. А. Макаров // Известия Алтайского государственного университета. – 2007. – № 4–2. – С. 102–105.
31. Примиский, Ф. Д. Роль газеты «Правда» в развитии социалистического соревнования в сельском хозяйстве в первой пятилетке (1929–1932 гг.) / Ф. Д. Примиский // Ученые записки. Харьковский университет. Том 107. Труды кафедры истории КПСС. – 1960. – Т. 8. – С. 203–216.
32. Российский государственный архив новейшей истории (далее РГАНИ). Ф. 3. Оп. 34. Д. 41.
33. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 120. Д. 69.
34. Страшников, П. А. Формирование системы советских органов и учреждений партийно-государственной пропаганды и агитации в начале 20-х гг. / П. А. Страшников // Вестник социально-педагогического института. – 2013. – № 1 (6). – С. 55–56.
35. Якимов, О. Д. Печать Восточной Сибири в 1930-е годы / О. Д. Якимов // Вестник Северо-Восточного федерального университета им. М.К. Аммосова. – 2011. – Т. 8, № 3. – С. 54–61.

A.A. Isaev

THE PRESS AS A MEANS OF POLITICAL AND IDEOLOGICAL INFLUENCE ON THE POPULATION OF THE FAR EAST OF THE USSR IN THE 1930S

The article examines archival documents and reveals the role of the periodical press (newspapers) as a means of implementing political and ideological influence on the population of the Far East of the USSR in the 1930s. Its methods and approaches are analyzed, as well as the problematic aspects that arise during the daily work of the press are identified.

The Far East, the press, the newspaper, the wall newspaper, labor organizations, multi-circulation, political and ideological work.

В.В. Кулачков
*Брянский государственный
инженерно-технологический университет*

СОВЕТСКАЯ КООПЕРАЦИЯ В ПЕРИОД НОВОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ (НА МАТЕРИАЛАХ БРЯНСКОЙ ГУБЕРНИИ)

Статья посвящена рассмотрению состояния советской кооперации в период новой экономической политики преимущественно на материалах Брянской губернии. В изучаемый период кооперация постепенно превращалась из относительно самостоятельной дореволюционной структуры в систему, практически полностью контролируемую государством. Одновременно благодаря временным уступкам советской власти наблюдался рост самостоятельности и активности граждан, который отражался и в кооперативной сфере. Исследователи, которые занимаются данной темой, среди прочего отмечают ценный вклад кооперативных структур в социокультурную сферу. Ряд ученых обоснованно считают, что превращение кооперации в часть государственной системы было закономерным и неизбежным явлением, что дает возможность выделить как позитивные, так и отрицательные стороны в ее развитии. В связи с вышесказанным изучение развития кооперации и отношения к ней крестьян имеют важное значение при изучении эпохи новой экономической политики. Очевидно, что советское государство активно использовало кооперативные структуры для достижения своих целей. Следует отметить достаточно эффективную работу кооперации в сферах культурно-просветительной работы, поддержке бедноты, развитии социокультурной сферы деревни. При этом развитие кооперации затрудняли такие факторы как растраты и хищения, дефицит квалифицированных кадров, проигрыш экономической конкуренции частной торговле. Кроме того, акцент российских крестьян на внутреннее обеспечение усиливался нестабильностью в настоящем и неуверенностью в будущем, что вызывалось переходным характером новой экономической политики.

Советская страна, новая экономическая политика, деревня, конкуренция, советская кооперация, Брянская губерния.

В 1920-е гг. достаточно активно развивалась советская кооперация, которая постепенно превращалась из относительно самостоятельной дореволюционной структуры в систему, практически полностью контролируемую государством. Однако в изучаемый период благодаря уступкам большевиков наблюдался рост активности граждан, в том числе и при организации кооперативов. Так, по мнению А.Ю. Давыдова, «...вынужденное смягчение большевистской диктатуры способствовало быстрому возрождению самостоятельных общественных начал. Данное обстоятельство еще раз убеждает, что нэп никак не может рассматриваться в качестве составной части тоталитарной истории. Люди проявляли себя как творцы, деятели; сами организовывали свои коллективы, сами ими управляли» [11, с. 51]. Целью данной статьи является рассмотрение развития советской кооперации в период новой экономической политики на региональном материале.

В статье преимущественно используются материалы Брянской губернии, решение об образовании которой официально было принято 1 апреля 1920 г., но ранее этот вопрос дискутировался на заседании Брянского уисполкома 16 сентября 1918 г. [2]. В декабре 1926 г. к Брянской губернии были присоединены Новозыбковский, Клинецовский и Стародубский уезды упраздненной Гомельской губернии. В Брянской гу-

бернии стало насчитываться более 2 млн жителей, 8 уездов, 54 волости. Однако в конце 1920-х гг. реализация на практике кампании по районированию привела в итоге к образованию Западной области с центром в Смоленске. В результате 1 октября 1929 г. Брянская губерния была упразднена, а через год ликвидированы и округа [2].

Теоретической и методологической основой для данной статьи стали принципы объективности, системности, альтернативности, историзма и конкретности. В работе использовались положения основных теоретико-методологических подходов, к которым относятся цивилизационный и формационный подходы, модернизационная теория, «новой локальной истории». Однако у каждого из них есть свои достоинства и недостатки, поэтому необходимо их применять в совокупности для достижения цели статьи. В результате значительно увеличивается пространство научного поиска, что, в свою очередь, способствует более беспристрастному и объективному постижению прошлого.

В современной историографии исследователи в целом позитивно оценивают развитие советских кооперативных структур, несмотря на их подчиненность государству. В частности, исследователи отмечают их ценный вклад в социокультурную сферу. Так, по мнению А.А. Панарина, «...развитие демократических

принципов кооперативного движения в середине 1920-х гг. способствовало повышению роли кооперации в социальной жизни Северного Кавказа. Несмотря на существующие недостатки и проблемы, результаты культурно-просветительской работы кооперации благотворно отразились на развитии социальной сферы сельских районов региона, способствовали повышению образованности и культурного уровня населения» [26, с. 89]. В свою очередь Е.В. Дианова отмечает, что «...в 1920-е гг. антирелигиозная работа была включена в общую культурно-просветительную деятельность кооперации. Кооперативные организации должны были принимать участие в проведении различных вечеров антирелигиозного содержания. Большие надежды возлагались на комсомол и учащуюся молодежь, антирелигиозная пропаганда была важным элементом общественно-политического воспитания молодых кадров потребкооперации, входила в программу обучения школ кооперативной грамоты» [15, с. 468]. Автор данной статьи также уделяет внимание развитию кооперации в 1920-е гг. и в целом положительно оценивает кооперативное движение [20].

В 1990-е годы была защищена докторская диссертация Е.В. Демчик, посвященная изучению деятельности частного капитала города в 1920-е гг. на материалах Сибири [12]. В ее статьях указывается на отсутствие реальных альтернатив дальнейшего развития страны из-за уничтожения частного предпринимательства в конце 1920-х гг., проводится основательный анализ социальной группы нэпманов как весьма разнородной и неустойчивой [13; 14]. В работах Е.Д. Твердюковой уделяется внимание изучению потребительской кооперации на материалах Петрограда – Ленинграда, рассматривается развитие коммерческой рекламы в советских газетах периода нэпа [32; 33]. Кроме того, указанный автор уделила внимание изучению деятельности ломбардов в эпоху нэпа и проблемам рабочего кредитования в советской журнальной сатире [34; 35]. Е.Д. Твердюкова пришла к выводу, что «юмор помогал маленькому человеку приспособиться к непростым жизненным ситуациям, стоически воспринимать советскую реальность. Для историков же публикации в сатирической прессе служат важнейшей частью информационной мозаики, помогающей понять трудности, с которыми сталкивался обыватель в повседневной жизни в эпоху НЭПа» [35, с. 322].

Одновременно ученые отмечают, что эволюция кооперации, прежде всего, была основана на активности и самостоятельности населения. Так, Н.С. Жданова приходит к выводу, что «исторический опыт 1920-х гг. свидетельствует, что особенностью формирования кредитной кооперации является положение о том, что как финансовый институт она должна развиваться “снизу”, опираясь на крепких платежеспособных пайщиков, за счет активной финансовой и правовой помощи со стороны государства, при использовании привлеченных средств населения на производственные и социальные нужды, соблюдении принципов организации традиционной кооперации» [17, с. 44–45].

Ряд ученых придерживаются обоснованного мнения, что превращение кооперации в часть государственной системы было закономерным и неизбежным

явлением. Так, А.П. Шекшеев приходит к выводу, что «...пережившая в советское время множество реорганизаций кооперация на Енисее развивалась в русле НЭПа общими тенденциями. Как и в целом по Сибири, советское государство рассматривало ее в качестве собственной организации по проведению классовой социально-экономической политики, рычагов внеэкономического изъятия доходов деревни на нужды крупной промышленности» [36, с. 41–42]. Н.В. Воробьев отмечает, что «...в период нэпа советское государство лишь ослабило, но не прекратило вмешательство во внутренние дела кооперации, что делало возможным ее новое огосударствление» [5, с. 89].

С.М. Стасюкевич придерживается мнения, что «...формализация фундаментальных кооперативных принципов привела к тому, что сельскохозяйственная кредитная кооперация, в отличие от дореволюционного времени, так и не стала самостоятельным и действенным инструментом накопления средств населения и их инвестирования в производство» [31, с. 71]. Исследователь И.А. Боркун считает, что «на завершающем этапе новой экономической политики стало очевидно, что кооперация не получила развитие как высокоэффективная и притягательная для крестьянина форма производства, не стала механизмом, обеспечивающим достижение главной цели – прочной “смычки” крестьянства и промышленного рабочего класса» [1, с. 66]. В западной историографии также уделяется внимание изучению советской страны в период новой экономической политики, в том числе рассматривается и состояние кооперативного движения [37; 38].

Таким образом, в современной историографии выделяются как позитивные, так и отрицательные стороны в развитии кооперативных структур. Несомненно то, что молодое советское государство активно использовало кооперацию для достижения своих целей. В связи с этим изучение развития кооперации на региональном материале и отношение к ней крестьян актуальны при изучении эпохи новой экономической политики.

Следует сказать, что кооперативные структуры достаточно эффективно занимались культурно-просветительной работой. Так, в периодических изданиях Брянского губернского союза потребительных обществ содержится информация о подписке на популярные газеты и журналы. Например, в 1923 г. население было проинформировано об условиях подписки на еженедельную газету «Смоленская деревня», журналы «Крестьянка» и «Работница» [18, с. 25]. К аудитории двух последних журналов, само собой, относились женщины, что способствовало повышению их общественной активности. В инструкции Брянского губкома по перевыборам за 1925 г. есть сведения, что «необходимо выдвигать работниц и крестьянок в выборные контрольные органы и аппараты потребительской кооперации» [6, л. 11]. В архивных материалах Центрального кооперативного совета от 20 февраля 1926 г. сохранилось указание, что «международный женский день в системе молочной кооперации должен быть днем смотра ее достижений в работе по вовлечению крестьянок» [27, л. 10].

В Брянской губернии государственные финансовые органы также поддерживали кооперативные организации. Например, «...Брянским отделением государственного банка принималась подписка от кредитных, сельскохозяйственных товариществ и потребительских обществ на учредительские и крестьянские паи Западного общества сельскохозяйственного кредита» [18, с. 25]. Данное общество действовало на территории Брянской, Смоленской и Витебской губерний, т.е. охватывало своим влиянием большую территорию. Периодически публиковались статьи, которые рассказывали об успехах в развитии сельскохозяйственной кооперации. В частности, одна из них под названием «Больше внимания сельскохозяйственной кооперации» после перечисления позитивных достижений содержала вывод, что «наша сельскохозяйственная кооперация занимает вполне определенное и прочное положение как в центре, так в частности в Брянской губернии» (Там же, с. 9). Верно отмечает С.А. Есиков, что «...вовлекая в свою орбиту крестьянские хозяйства, кооперация постепенно, незаметно разрушала натуральную замкнутость, втягивала их в рыночные отношения» [16, с. 139–140].

Однако локальные исследования деревни 1920-х гг. показывают на конкретных примерах, что даже в относительно благополучной ситуации бедные крестьяне с трудом добивались изменения своего социального статуса [9, с. 32–33]. При этом, как и в любом деле, не обходилось без существенных недостатков. Поэтому жители деревни не оставались в стороне и высказывали в письмах свое отношение к кооперативным структурам – как положительное, так и отрицательное. В частности, крестьянин П. Заикин (дер. Гаськово Веинской волости Козельского уезда Калужской губернии) был настроен пессимистично, но надеялся на позитивное развитие событий: «У нас с начала революции был организован кооператив и существовал до 1920 г., в это время были многолавки. В 1920 г. кооперация лопнула и в настоящее время ее трудно организовать. Крестьяне говорят, что у нас была кооперация, она провалилась и теперь провалится, спрашивать с некого. Но, надеюсь, в будущем кооперацию организуют» [28, л. 4].

Эволюция кооперативного движения осложнялась различными факторами, одним из которых был дефицит квалифицированных кадров. Так, в архивных материалах за 1923 г. по Брянской губернии о роли потребительской кооперации указывалось, что «нужно выбирать честных товарищей, могущих разбираться в кооперативной работе» [7, л. 1]. Однако низкий уровень грамотности и отсутствие опыта деятельности крестьян в условиях рынка создавало прецеденты так называемого «нерыночного поведения» в условиях сохранявшихся административных структур власти. Весьма характерным является случай, произошедший в Сухиничском союзе кооперативов Калужской губернии в 1925 г., когда был открыт кредит на сумму 40 тыс. руб., но из-за нерасторопности управленцев деньги так и не пошли на кооперативные нужды [29, л. 42–43].

Существовали проблемы и в сфере кооперативного кредитования, что способствовало недовольству крестьян. Так, 21–22 февраля 1926 г. был проведен 16

Стародубский волостной съезд Советов рабочих и крестьянских депутатов, на котором заслушали доклад товарища Филиппова, посвященный развитию кооперации. По итогам прозвучал пессимистический вывод о том, что, если бедняк вступает пайщиком и получает кредит, то потом ему приходится, прежде всего, его погашать, а не развивать свое хозяйство [8, л. 1, 14].

Архивные данные подтверждают растраты и хищения в кооперации. В частности, в 1926 г. были сделаны весьма печальные выводы после изучения злоупотреблений в системе сельскохозяйственной кооперации: «В Орловской губернии было выявлено 47 % растрат и хищений, в Смоленской – 51 %, в Калужской – 38 %. По сумме растрат на одно товарищество выделялась Орловская губерния – максимальная сумма – 48 314 р., на 1 товарищество – 1380 р.; в Смоленской максимум – 16 218 р., на 1 товарищество 954 и т.д.» [30, л. 37–37 об.].

В средствах массовой информации также появлялись сведения о закабалении крестьян из-за кредитования. Например, в 1928 г. А. Исаков (Брянская губерния) прислал сообщение под названием «Как работает наша кредитка». Автор сообщал, что «во многих случаях бедняк не получает кредита из-за отсутствия у него хорошего (в смысле хозяйственной мощности) поручителя. Но когда поручитель имеется, бедняку приходится “благодарить” этого поручителя разного рода угощением, отработками и т.п.» [25, с. 41]. В материалах к XV Брянской губернской конференции, прошедшей в 1928 г., указывалось, что «практика выделения фондов кооперирования бедноты из прибылей кооперативных организаций себя, бесспорно, оправдала. ...Поставить задачей текущего хозяйственного года кооперирование 75 % всей бедноты к концу хозяйственного года» [21, с. 15].

При этом в средствах массовой информации встречались заметки о трагических случаях, которые происходили в кооперативной среде. Так, в газете «Наша деревня» от 6 апреля 1928 г. № 55 (291) была размещена заметка «Убит тов. Сомкин» (Автор – Георгий). В ней содержится информация, что «В г. Сухиничи убит и ограблен на 1000 руб. председатель Дубровского П.О., Бежицкого уезда тов. Сомкин. Тов. Сомкин всегда стоял на страже интересов кооперации и всячески внедрял кооперативные идеи в широкие крестьянские массы. Убийцы еще не обнаружены. Пайщики требуют, по выявлению преступников, применить к ним самое суровое наказание» [22, с. 4]. Скорее всего, это было банальное убийство с целью ограбления, но в угоду идеологическим реалиям 1920-х гг. в газете данное убийство было связано с кооперативным движением.

В сборник «Голос народа. Письма и отклики рядовых советских граждан о событиях 1918–1932 гг.» также включены письма крестьян на кооперативную тематику [10]. В частности, в письме крестьянина С.П. Романова из деревни Ниж. Акимовка (п/о Жиздра Брянской губернии) в «Крестьянскую газету» (было получено 30 мая 1929 г.) предлагалось «преобразовать кооперацию в огромный, в масштабах государства, распределительный механизм на базе строгого учета и контроля» [10, с. 239]. Составители сборника

в связи с этим предложением делают обоснованный вывод о том, что такая практика уже использовалась в эпоху военного коммунизма и это привело к плохим последствиям в виде чрезмерной бюрократизации [10, с. 238–239]. С ростом бюрократизма был непосредственно взаимосвязан рост хищений. Так, В.П. Булдаков отмечает, что «сами кооператоры в 1929 г. под считали, что за последние два года в сельской сети более половины организаций было поражено растратами, которые ежегодно составляли более 10 млн рублей, а всего за два последних года было разворовано 22 млн» [3, с. 447].

Одновременно в периодической печати встречались критические заметки о том, что выборы кооперативных структур проводились с различными нарушениями. Например, в газете «Наша деревня» на пере выборах кооперации Жиздринского уезда наблюдались случаи подпайвания пайщиков и угощения баранками. В связи с этим автор Г. Звон опубликовал стихотворение про кооперацию «Во что обходится “угощение”»:

Сегодня щедр Иван Кузьмич.
В надежде на прощенье,
Поставит четверть в магарыч,
Он ради угощенья.
За Кузьмичем есть недочет,
Грехов за Ванькой тыща,
Но коль сивуха потечет,
Никто грехов не взыщет.
Кузьмич на ять узнал «народ»,
Припас все с позаранку
Семену водкой смазал рот,
Илье воткнул баранку.
Забыл Игнат за что серчал,
От пьянки слиплись очи.
- Кого? Ивана Кузьмича!
Иди, Кузьмич, ворочай!
За Кузьмича лес пьяных рук,
(Опять в кооп пролез паук)
Скребет Степан в затылке.
Грош этим пайщикам цена,
Которые не видят ни рожна,
Из-за баранок и бутылки [23, с. 3].

Также следует сказать, что государственные кооперативные структуры, как правило, проигрывали экономическое соревнование частной торговле. Так, в вышеупомянутой газете «Наша деревня» за подписью автора «Пайщик» помещена заметка «Почему идут к частнику». В ней рассказывается о том, что «Яровщинское потреббщество закупает у частников 14 процентов к общей закупке товаров, а Улемльское, у которого обороты больше, закупает у частника 40 проц. товаров. Почему же кооператоры идут за товарами к частнику? Они объясняют этом тем, что губпотребсоюз сократил кооперативам отпуск товаров. Наше мнение таково: частник-то покупает товар у наших же организаций, не ездит ведь за товарами за границу? Так почему бы губпотребсоюзу не построить работу свою так, чтобы товар шел больше в низовую сеть только неходовой товар давать частнику» [24, с. 4].

Таким образом, кооперативное движение в Брянской губернии фактически находилось под полным контролем советской власти, что подразумевало выполнение государственных задач. При этом нацеленность российского крестьянства на обеспечение своих непосредственных нужд усиливалась временным характером новой экономической политики [4, с. 66]. Очевидно, что кооперативные структуры не были в достаточной степени самостоятельны, однако по идее должны были стимулировать предприимчивость крестьянского населения. Поэтому можно согласиться с И.С. Кузнецовым в том, что «фактически к концу 20-х гг. под названием кооперации действовала бюрократизированная, огосударствленная структура, которая могла лишь отталкивать крестьян» [19, с. 83].

Литература и источники

1. Боркун, И. А. Кооперация и государственная продовольственная политика в период нэпа: хлебозаготовительный кризис 1927/28 гг. / И. А. Боркун // Вестник Саратовского госагроуниверситета им. Н.И. Вавилова. – 2014. – № 8. – С. 62–66.
2. Брянская губерния – предшественница Брянской области. – URL: <http://www.puteshestvie32.ru/content/guberniya>, свободный (дата обращения: 28.09.2019). – Текст : электронный.
3. Булдаков, В. П. Утопия, агрессия, власть. Психосоциальная динамика постреволюционного времени. Россия, 1920–1930 гг. / В. П. Булдаков. – Москва, 2012. – 756 с.
4. Виола, Л. Крестьянский бунт в эпоху Сталина: Коллективизация и культура крестьянского сопротивления / Л. Виола. – Москва, 2010. – 366 с.
5. Воробьев, Н. В. Правовое регулирование деятельности городской и рабочей потребительской кооперации России в 1917–1925 гг. / Н. В. Воробьев // Вестник Томского государственного университета. – 2009. – № 329. – С. 84–89.
6. ГАБО (Государственный архив Брянской области). Ф. П-4. Оп. 1. Д. 1068.
7. ГАБО. Ф. П-6. Оп. 1. Д. 1649.
8. ГАБО. Ф. П-10. Оп. 1. Д. 215.
9. Гагарин, А. Хозяйство, жизнь и настроения деревни (По итогам обследования Починковской волости Смоленской губернии) / А. Гагарин. – Москва ; Ленинград, 1925. – 112 с.
10. Голос народа. Письма и отклики рядовых советских граждан о событиях 1918–1932 гг. / ответственный редактор А. К. Соколов. – Москва : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 1997. – 328 с.
11. Давыдов, А. Ю. Самодельные городские кооперативы в годы нэпа / А. Ю. Давыдов // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. – 2014. – № 164. – С. 44–52.
12. Демчик, Е. В. Частный капитал города в 1920-е гг.: от возрождения к ликвидации: На материалах Сибири : специальность 07.00.02 : автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора исторических наук / Демчик Е. В. – Санкт-Петербург, 1999. – 39 с.
13. Демчик, Е. В. Частный капитал и государственная власть в Сибири на исходе нэпа / Е. В. Демчик // Историко-экономические исследования. – 2006. – Т. 7, № 2. – С. 110–123.
14. Демчик, Е. В. Нэпманы: социально-профессиональные характеристики (на материалах Сибири) / Е. В. Демчик // Информационный бюллетень ассоциации история и компьютер. – 2014. – № 41. – С. 197–206.
15. Дианова, Е. В. Кооперация на антирелигиозном фронте 1920-х гг. / Е. В. Дианова // Государство, общество,

церковь в истории России XX–XXI вв. Материалы XIV международной научной конференции (г. Иваново, 18–19 марта 2015 г.). – Иваново, 2015. – С. 462–469.

16. Есиков, С. А. Российская деревня в годы нэпа: К вопросу об альтернативах сталинской коллективизации (по материалам Центрального Черноземья) / С. А. Есиков. – Москва : РОССПЭН, 2010. – 244 с.

17. Жданова, Н. С. Сельскохозяйственная кредитная кооперация на Алтае в 1920-е гг. / Н. С. Жданова // Экономическая история Сибири XX – начала XXI вв. Сборник статей по материалам IV Всероссийской научной конференции (г. Барнаул, 26–27 июня 2015 г.). – Барнаул, 2015. – С. 34–45.

18. Кооперативная жизнь. Ежемесячный кооперативный и экономический орган Брянского губернского союза потребительных обществ. – 1923. – № 9. – С. 9, 25.

19. Кузнецов, И. С. На пути к «великому перелому». Люди и нравы сибирской деревни 1920-х гг. (Психоисторические очерки) / И. С. Кузнецов. – Новосибирск, 2001. – 233 с.

20. Кулачков, В. В. Восприятие деятельности кооперативных организаций крестьянством Западного региона России в 1920-е гг. / В. В. Кулачков // Новейшая история России. – 2014. – № 2 (10). – С. 56–63.

21. Материалы к XV Брянской губернской конференции ВКП (б). – Брянск, 1928. – 31 с.

22. Наша деревня. – 6.04.1928. – № 55 (291). – С. 4.

23. Наша деревня. – 6.01.1928. – № 3 (237). – С. 3.

24. Наша деревня. – 13.01.1928. – № 6 (240). – С. 4.

25. Новая деревня. Двухнедельный научно-популярный иллюстрированный журнал для земледельцев. – 1928. – № 8. – С. 41.

26. Панарин, А. А. Роль кооперации в социальном развитии сельских районов Северного Кавказа в середине 1920-х гг. / А. А. Панарин // Вестник Армавирского государственного педагогического университета. – 2018. – Т. 1, № 1. – С. 82–93.

27. РГАЭ (Российский государственный архив экономики). Ф. 396. Оп. 1. Д. 347.

28. РГАЭ. Ф. 396. Оп. 3. Д. 311.

29. РГАЭ. Ф. 7018. Оп. 2. Д. 452.

30. РГАЭ. Ф. 396. Оп. 1. Д. 154.

31. Стасюкевич, С. М. Деньги для крестьянства: сельскохозяйственный кредит на Дальнем Востоке в условиях нэпа / С. М. Стасюкевич // Новый исторический вестник. – 2014. – № 4 (42). – С. 63–75.

32. Твердюкова, Е. Д. Потребительская кооперация и ее роль в снабжении продовольствием населения Петрограда – Ленинграда в годы нэпа (1921–1928) / Е. Д. Твердюкова // Научный диалог. – 2018. – № 9. – С. 318–330.

33. Твердюкова, Е. Д. «Двигатель... накладных расходов»: коммерческая реклама в советских газетах периода нэпа / Е. Д. Твердюкова // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. – 2014. – Т. 4, № 2. – С. 212–223.

34. Твердюкова, Е. Д. «Банки для бедных»: деятельность ломбардов Петрограда – Ленинграда в первое после революционное десятилетие. 1918–1928 / Е. Д. Твердюкова // Новейшая история России. – 2016. – № 1 (15). – С. 33–46.

35. Твердюкова, Е. Д. Отражение проблем рабочего кредитования в советской журнальной сатире периода нэпа / Е. Д. Твердюкова // Частное и общественное в повседневной жизни населения России: история и современность. Материалы международной научной конференции (г. Санкт-Петербург, 15–17 марта 2018 г.). – Санкт-Петербург, 2018. – С. 318–323.

36. Шекшеев, А. П. Потребительская и сельскохозяйственная кредитная кооперация на Енисее в 1920-е гг. / А. П. Шекшеев // Сибирский архив. – 2019. – Т. 2, № 8. – С. 1–45.

37. Ball, A. Russia's last capitalists; the Nepmen. 1921–1929 / A. Ball. – Berkeley ; University of California Press, 1990. – 226 с.

38. Russia in the Era of NEP: Explorations in Soviet Society and Culture. – Indiana, 1991. – 344 p.

V.V. Kulachkov

**SOVIET COOPERATION IN THE PERIOD OF THE NEW
ECONOMIC POLICY
(based on the materials of the Bryansk province)**

The article considers the state of Soviet cooperation in the period of the new economic policy. It is mainly based on the materials of the Bryansk province. During the period under study, cooperation gradually turned from a relatively independent pre-revolutionary structure into a system that is almost completely controlled by the state. At the same time, thanks to temporary concessions to the Soviet government, there was an increase in amateur activity and activity of citizens, which was reflected in the cooperative sphere. Researchers who deal with this topic note the valuable contribution of cooperative structures to the socio-cultural sphere. A number of scientists reasonably believe that the transformation of cooperation into a part of the state system was a natural and inevitable phenomenon, which makes it possible to identify both positive and negative sides in its development. In connection with the above, the study of the development of cooperation and the citizens' attitude towards it are of great importance in studying the era of new economic policy. It is obvious that the Soviet state actively used cooperative structures to achieve its goals. It should be noted that the cooperation is quite effective in the fields of cultural and educational work, support for the poor, and the development of the socio-cultural sphere of the village. At the same time, the development of cooperation was hampered by such factors as embezzlement and misappropriation, a shortage of qualified personnel, and the loss of economic competition to private trade. In addition, the Russian peasants' focus on internal security was reinforced by the situation of present instability and future uncertainty, which was caused by the transitional nature of the new economic policy.

Soviet country, new economic policy, village, competition, Soviet cooperation, Bryansk province.

С.С. Лазарев
Санкт-Петербургский государственный университет

КАК СТАТЬ СВЯТЫМ? ВТОРАЯ ПЕТИЦИЯ О КАНОНИЗАЦИИ ЭДУАРДА ИСПОВЕДНИКА

Данная статья посвящена анализу причин и стратегии второй петиции о канонизации Эдуарда Исповедника. Автор приходит к выводу о том, что успех канонизации был обусловлен поддержкой со стороны духовенства и королевской власти.

Эдуард Исповедник, канонизация, святость, Генрих II Плантагенет, Вестминстерское аббатство.

Канонизация Эдуарда Исповедника 7 февраля 1161 г. представляет собой уникальный случай первого папского признания англосаксонского святого в период, когда процедуры папской канонизации еще не были институционализированы. Но святым Эдуард Исповедник стал только со второй попытки. Первая петиция о его канонизации провалилась по ряду причин: противостояние между королевской и церковной властью в Англии, начиная с 1139 г., когда произошли аресты епископов, раскол в Вестминстерском аббатстве по вопросу о святости Эдуарда Исповедника, а также дестабилизирующие обстоятельства политического климата Англии, которые были вызваны борьбой между королем Стефаном и императрицей Матильдой. Совокупность этих причин повлияли на решение папы Иннокентия II, чтобы отклонить первую петицию о канонизации Эдуарда Исповедника, сославшись на неубедительность доказательств о святости короля, которые предоставил Осберт из Клера [11, р. 87–88].

По прошествии более двадцати лет в Рим была отправлена вторая петиция о канонизации Эдуарда Исповедника. За эти годы мнение Вестминстерского аббатства об Эдуарде Исповеднике претерпело метаморфозы. В 1158 г. новым аббатом стал Лоуренс, который поддержал заявление монастыря о святости Эдуарда Исповедника. Поддержка Лоуренсом культа Эдуарда Исповедника была неоспоримой и придавала вес аргументам в пользу признания папой святости этого короля. Но почему Лоуренс решил поддержать петицию о канонизации Эдуарда Исповедника? В чем заключались мотивы такого поведения? Ф. Барлоу предположил, что на аббата частично повлиял Осберт из Клера, а также собственное расследование Лоуренса в поисках доказательств святости Эдуарда Исповедника, прежде чем поддержать петицию [12, р. 162]. Возможно, другой причиной были идеи о доходах, которые можно было бы получить от паломничества, особенно когда они составляли важную часть дохода церковью и монастырями в Средние века [4, р. 605]. Следует отметить, что Вестминстерское аббатство к 1161 г. не пользовалось своим положением предпочтительного места захоронения королевских особ и, следовательно,

но, зависело от других источников дохода, поэтому Лоуренсу было важно найти новые пути, чтобы спасти свое аббатство.

Но если причины поддержки Лоуренса достаточно явные, то остается понять, почему он выбрал именно Эдуарда Исповедника в качестве святого покровителя Вестминстера. Как правило, церкви тесно отождествляли себя со своими основателями или святыми, вдохновившими на строительство церкви. Таким классическим примером является случай с Сен-Дени, где возникновение базилики связано с мученической смертью святого Дионисия Парижского. Вестминстерское аббатство более проблематично, так как у апостола Петра, которому посвящена церковь, не было физической связи с этим местом. Вопросы основателя Вестминстерского аббатства не менее сложны. Самое раннее свидетельство об основании Вестминстерского аббатства взято из «Пролога о строительстве Вестминстера» («Prologus de constructione Westmonasterii»), автором которого был монах Сулькард. Монах описал основание Вестминстера как дело рук неназванного жителя Лондона и его супруги. Супруги получили поддержку от короля Этельберта I и начали строительство [18, р. 82–83]. Однако не все восприняли анонимную лондонскую пару как истинных основателей аббатства. Вильгельм Мальмсберийский утверждал, что епископ Меллит был ответственным за основание Вестминстера [19, р. 140–141, 178].

Король Этельберт I был тоже проблемным кандидатом, так как его святость уже была признана в Англии. В случае его канонизации это принесло больше пользы часовне Святого Мартина в церкви Святых Петра и Павла в Кентербери, где находится место его захоронения, а не Вестминстеру. Поэтому было бы безрассудно придавать такой престиж тем, кто отклонил бы любую просьбу о передаче тела аббатству. Подобным образом выбор не мог пасть и на Меллита, похороненного в аббатстве Святого Августина в Кентербери. Еще одной альтернативой для Лоуренса оставалась Матильда, жена Генриха I и дочь королевы Шотландии святой Маргариты, внучатой племянницы Эдуарда Исповедника. В отличие от тех святых, связанных с основанием Вестминстера, Матильда пред-

почла быть похороненной в Вестминстерском аббатстве, как и ее родственник король Эдуард, когда королевские похороны в Вестминстере не были обычной практикой. Как и в случае с ее святым предком, поступали сообщения о чудесах, связанных с ее гробницей [16, р. 194–195]. Она также была ближе в живой памяти, чем Эдуард Исповедник, предполагая, что у нее могли быть популярные последователи во время второй петиции о канонизации ее предка. Еще одним пренебрежением к Эдуарду Исповеднику, по словам Ф. Барлоу, был недостаток чудес, приписываемых ему в периоды 1066–1134 и 1138–1163 гг., что делает его святость более уязвимой, чем святость Матильды [12, р. 154, 161].

Но если у Матильды были более веские основания для создания успешного культа, то почему Лоуренс вместо этого решил выбрать Эдуарда Исповедника? Ответ на этот вопрос заключается в том, что Лоуренс в короле Эдуарде нашел фигуру, удовлетворяющую многим требованиям. Если он не смог канонизировать основателя своего аббатства, он мог воздать должное человеку, руководившему его реконструкцией. Другой важной деталью, которая связывала Вестминстер и Эдуарда Исповедника, является единоличное владение аббатством реликвиями короля. Использование этих реликвий в качестве визуальных символов могло помочь аббатству создать новую точку притяжения для паломников, а также создать новый способ демонстрации святости Эдуарда Исповедника, раскрывая сакральный потенциал хранившихся реликвий. Более того, у Вестминстера к этому времени было уже два письменных отчета о жизни и чудесах Эдуарда Исповедника – анонимное «Житие короля Эдуарда, который покоится в Вестминстере» и «Житие блаженного Эдуарда, короля Англии» Осберта из Клера.

В 1160 г. Лоуренс и аббатство стали предпринимать первые шаги, чтобы добиться канонизации Эдуарда Исповедника. В аббатстве хранилось письмо с указаниями папы Иннокентия II о процедуре подачи петиции и ее успешном одобрении. Одним из необходимых требований было то, что петиция должна была исходить от всего королевства, а не от одного Вестминстера, как было в случае с первой петицией. Для этого Лоуренс сначала заручился поддержкой архиепископов Теобальда и Роджера, а также помощью от Ричарда, епископа Лондонского. Затем Лоуренс разослал письмо епископам и многим аббатствам [15, р. 320–321]. В ответ Лоуренс получил письма, которые подтверждали святость Эдуарда Исповедника. На основании этих писем Лоуренс сделал следующие выводы в своем циркуляре: Эдуард Исповедник, будучи королем, был мягок и милосерден, он правил своим королевством с помощью законов, смягчавших суровость суда, он любил церковь, перестроил и обогатил Вестминстерское аббатство, был щедр ко многим религиозным домам и очень почитал святого апостола Петра и римскую церковь, он оставался девственным, хотя и был женат, а тело осталось нетленным; а также он творил чудеса, исцелял больных и имел дар пророчества [3, р. 279]. Реакция на этот циркуляр была благосклонной. Согласно одному из прошений, архиепископ Теобальд и многие епископы поддержали

стремление Лоуренса подать петицию о канонизации Эдуарда Исповедника [3, р. 316–317].

Осенью 1160 г. Лоуренс отправился в Нормандию, чтобы заручиться поддержкой английского короля Генриха II Плантагенета [15, р. 321], а затем в Париж к кардиналам Генриху и Отгону, которые были папскими легатами. С собой Лоуренс взял облачение, в котором был похоронен Эдуард Исповедник (извлечено в 1102 г. при открытии гробницы), чтобы подтвердить нетленность плоти короля. Ткань осталась целой, чистой и невыцветшей [3, р. 311–312].

Необходимо отметить, что аббат Лоуренс принял еще один важный шаг с целью усиления святости Эдуарда Исповедника, а именно – заказал новое житие у своего родственника Элреда из Риво. В «Житии святого Эдуарда, короля и исповедника» («*Vita sancti Edwardi, regis et confessoris*») есть пассаж, который так и не был полностью объяснен в предыдущих двух житиях. Незадолго до своей смерти Эдуарду было видение двух монахов, которых он знал во время изгнания в Нормандии. Монахи сказали Эдуарду, что Англия должна пострадать за свои грехи. Эдуард отчаялся и спросил их, получит ли Англия когда-нибудь прощение. Ответ был в форме аллегии: искупление для англичан наступит, когда зеленое дерево, срезанное посередине ствола и отодвинутое на три фарлонга (единица измерения расстояния), снова соединится без посторонней помощи и принесет плоды [14, col. 771–773]. Это видение было включено во все предыдущие жития, хотя ни анонимная биография, ни та, что написана Осбертом из Клера, не могли решить загадку: аноним выражал отчаяние, в то время как Осберт надеялся, что ответ придет сам [13, fol. 55r–55v; 5, р. 107–109]. В свое житие Элред из Риво добавил важный элемент: толкование аллегии. Он объяснил, что дерево было Англией, которая раскололась, когда вошли норманны, что символизировало разделение двух королевских домов. Генрих I был тем, кто соединил два королевских дома благодаря браку с Матильдой Шотландской. Дерево расцвело с рождением императрицы Матильды и принесло плоды, когда она родила будущего Генриха II Плантагенета [14, col. 774]. Таким образом, Генрих II был не только родственником Эдуарда, но и королем, чье правление Эдуард предсказал перед своей смертью. Очень заманчиво думать, что Лоуренс предложил объяснение Элреду, уже использовав этот аргумент, чтобы убедить Генриха в том, что его долг – поддержать прошение того, кто предсказал его правление. Со своей стороны, Элред без угрызений совести дал бы объяснение; десятью годами ранее в «Генеалогии английских королей» («*Genealogia Regum Anglorum*») он уже упоминал Генриха II как надежду Англии (Там же, col. 777). Таким образом, выражение такой идеи стороны Лоуренса было сильным средством, чтобы Генрих II был верным культу Эдуарда Исповедника. Но важно понимать, что житие Элреда из Риво было написано после канонизации Эдуарда Исповедника [6, р. 98], поэтому требовался другой способ привлечения Генриха II к канонизационной кампании.

Интересно, что Генрих II мало интересовался своим англосаксонским предшественником. Как предположил Б. Шольц, сотрудничество Генриха II с Вестминстер-

ским аббатством в деле с канонизацией было продолжением политики Вильгельма Завоевателя и Генриха I, почитавших Эдуарда Исповедника как короля, через которого англосаксонское правление перешло к герцогам Нормандии, что выразилось в щедрых пожертвованиях аббатству и символической церемонии коронации над могилой короля Эдуарда [17, р. 55]. Внимание Генриха II, опиравшегося на наследие своего деда Генриха I, к канонизации Эдуарда Исповедника следует связывать с политикой установления полного королевского контроля в церковных и светских делах. Такое обоснование является вполне убедительным, так как в XI–XII на латинском Западе шла борьба за инвеститура, поэтому королевской власти требовались различные формы и способы, устанавливающие превосходство их власти над церковной. Одним из таких инструментов стала канонизация королей, поэтому нередко XII столетие называют «веком святых правителей» [10, s. 50; 7, р. 113]. Кроме того, немалую роль играли представления о божественном происхождении и сакральности королевской власти на формирование идеи о верховенстве королевской власти [2, с. 172]. Аргументация этой идеи строилась на описании источника власти: королевская исходит непосредственно от Бога, а власть папы – от апостола Петра, поэтому, согласно такой идее, власть короля или императора была выше. Таким образом, для Генриха II канонизация Эдуарда Исповедника была удачным способом, чтобы урезать независимость английской церкви и ограничить притязания папства, особенно в тот момент времени, когда Генрих II формулировал положения «Кларендонских конституций» [1]. Но важно понимать, что в это время идея о превосходстве королевской власти находилась еще в зачаточном состоянии, только в позднее Средневековье эта идея будет кристаллизована.

Когда канонизация стала выгодной и королевской власти, Генрих II лично обратился с письмом к папе о канонизации Эдуарда Исповедника, подчеркивая свое родство со святым [3, р. 310]. После была отправлена делегация к папе. Александр III обстоятельно обсудил этот вопрос на секретном собрании с делегацией. Ему показали письмо папы Иннокентия II, доказательства, сборник чудес, предположительно принадлежавший Осберту из Клера, а также свидетельские письма, которые соответствовали требованиям Иннокентия II, и без большой задержки была издана булла о канонизации [15, р. 321–322]. Английская церковь узнала об успешной канонизации Эдуарда Исповедника из краткого письма, датированного 7 февраля 1161 г. В нем говорится, что, хотя обычно такие трудные дела решались на торжественном собрании, папа с общего согласия кардиналов был рад согласиться с петицией короля Генриха II и Вестминстерского аббатства. Поэтому было постановлено, что Эдуарда следует канонизировать, внести в список святых и причислить к лику святых исповедников. Кроме того, в булле о канонизации сообщалось, что провозглашение святого должно было произойти на торжественном церковном соборе [8, р. 93]. Сделав эту уступку угасающей традиции, папа Александр III действовал самостоятельно, реализовывая идею об исключительном праве папы римского на канонизацию в том виде, как это сде-

лал впоследствии Иннокентий III, когда причислил Кунигунду Люксембургскую к лику святых [9, р. 82, 105]. Это собрание Лоуренс провел в Вестминстере, где после чтения канонизационной буллы была отслужена месса в честь нового святого. Но перенесение мощей пришлось отложить, так как король все еще находился за пределами Англии. Таким образом, вторая петиция о канонизации увенчалась успехом.

Но в чем заключались обстоятельства и причины успешной канонизации Эдуарда Исповедника? Ответ на этот заключается в том, что по иронии именно политические события, но уже не в Англии, а за ее пределами, привели к канонизации Эдуарда Исповедника [17, р. 50–54; 12, р. 162]. После смерти папы Андриана IV в 1159 г. конклав большинством голосов избрал нового понтифика, которым стал Александр III (Орландо Бандинелли). Но не все его признали своим верховным понтификом. Несогласное меньшинство выбрало своего папу, которым стал Виктор IV (Оттавиано ди Монтичелли). Таким образом, избрание нового папы в 1159 г. привело к схизме. Генрих II Плантагенет в этой борьбе поддержал папу Александра III, что стало важным инструментом, способствовавшим легитимации власти папы и успешной канонизации Эдуарда Исповедника. Мотивация одобрения Александром III культа святого Эдуарда Исповедника достаточно ярко прослеживается в письме Генриха II. В этом письме король выразил преданность папе и напомнил ему о своей поддержке, а затем попросил об одолжении одобрить петицию о канонизации в обмен на его верность [3, р. 310]. Учитывая, что папство находилось в нестабильном положении из-за раскола и полагалось на поддержку английского короля, Генрих II выбрал удачный момент для канонизации Эдуарда Исповедника.

Подводя итоги, можно отметить, что канонизация Эдуарда Исповедника не могла состояться без поддержки духовенства и королевской власти. Во время второй петиции Вестминстерское аббатство стремилось поддержать притязания на святость своего самого известного благодетеля Эдуарда Исповедника, чтобы получить доходы от паломничества. Интерес королевской власти к канонизации Эдуарда Исповедника был обусловлен с поиском новых форм и средств легитимации своей собственной власти, что было связано с последствиями политического развития Англии после нормандского завоевания, и обоснованием божественного происхождения королевской власти. Последнее особенно было важно для Генриха II Плантагенета, так как в период составления и подачи второй петиции о канонизации он формулировал основные положения «Кларендонских конституций», с помощью которых король пытался не только ограничить юрисдикционные права клира (неподсудность священнослужителей светскому суду в случаях уголовного преступления), но и стремился построить иную социальную иерархию, в которой король стоял во главе как в светских, так и в церковных делах.

Литература

1. Лазарев, С. С. Кларендонские постановления: Генрих II, Томас Бекет и противостояние, о котором все говорят / С. С. Лазарев // Гуманистическое наследие в культуре и

образовании : материалы XII Международной научно-практической конференции (Уфа, 14 декабря 2017 г.). – Уфа : Издательство БГПУ, 2018. – Т. 3. – С. 53–55.

2. Лазарев, С. С. Эдуард Исповедник vs. Томас Бекет: Культы святых в контексте борьбы церковной и светской власти в Англии XI–XII веков / С. С. Лазарев // Проблемы истории и культуры средневекового общества : материалы XXXVIII всероссийской научной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых «Курбатовские чтения» (Санкт-Петербург, 12–14 ноября 2018 г.) : сборник / под редакцией А. Ю. Прокопьева. – Санкт-Петербург : Скифия-принт, 2018. – С. 170–175.

3. Barlow, F. *Edward the Confessor* / F. Barlow. – Berkley, Los Angeles : University of California Press, 1970. – 375 p.

4. Bell, A. R. *The medieval pilgrimage business* / A. R. Bell, R. S. Dale // *Enterprise & Society*. – 2011. – Vol. 12, Issue 3. – P. 601–627.

5. Bloch, M. *La vie die S. Édouard le Confesseur par Osbert de Clare* / M. Bloch // *Analecta Bollandiana*. – 1923. – Vol. XLI. – P. 5–131.

6. *Chronicon Angliae Petriburgense* / ed. by J. A. Giles. – Londini : veneunt apud D. Nutt, 1845. – 178 p.

7. Folz, R. *Les saints rois du Moyen Âge en Occident (VIe–XIIIe siècles)* / R. Folz. – Bruxelles : Société des Bollandistes, 1984. – 248 p.

8. *The History of Westminster abbey* by John Flete / ed. by J. A. Robinson. – Cambridge : Cambridge University Press, 1909. – 151 p.

9. Kemp, E. W. *Canonization and Authority in The Western Church* / E. W. Kemp. – London : Geoffrey Cumberlege, 1948. – 196 p.

10. Klauser, R. *Der Heinrichs- und Kunigundenkult im mittelalterlichen Bistum Bamberg* / R. Klauser. – Bamberg : Selbstverlag des Historischen Vereins, 1957. – 211 s.

11. *The Letters of Osbert of Clare, Prior of Westminster* / Ed. by E. W. Williamson. – Oxford : Oxford University Press, 1998. – 232 p.

12. *The Life of King Edward who Rests at Westminster* / ed by F. Barlow. – Oxford : Clarendon Press, 1992. – 172 p.

13. London, British Library, Harley MS 526, ff. 38r–57v.

14. *Patrologiae Cursus Completus. Tomus CXCIV / Accurante J.-P. Migne*. – Lutetia Parisiorum, 1855. – 1296 col.

15. *Ricardi de Cirencestria Speculum Historiale de gestis Regum Angliae. Vol. 2: AD. 872–1066* / ed. by J. E. B. Mayor. – Cambridge : Cambridge University Press, 2012. – 447 p.

16. *Rogeri de Wendower. Chronica, sive Flores historiarum. Vol. 2* / ed. by H. O. Coxe. – Londini : Sumptibus societatis, 1841. – 445 p.

17. Scholz, B. W. *The canonization of Edward the Confessor* / B. W. Scholz // *Speculum*. – 1961. – Vol. 36, № 1. – P. 38–60.

18. Scholz, B. W. *Sulcrad of Westminster: «Prologus de constructione Westmonasterii»* / B. W. Scholz // *Traditio*. – 1964. – Vol. 20. – P. 59–91.

19. *Willelmi Malmesbiriensis monachi de gestis pontificum Anglorum libri quinque* / ed. by N. E. S. A. Hamilton. – Cambridge : Cambridge University Press, 2012. – 660 p.

S.S. Lazarev

HOW TO BECOME A SAINT? THE SECOND PETITION FOR THE CANONIZATION OF EDWARD THE CONFESSOR

This article analyses the reasons and strategy of the second petition for the canonization of Edward the Confessor. The author concludes that the success of the canonization was due to the support from the clergy and the royal authorities.

Edward the Confessor, canonization, sainthood, Henry II Plantagenet, Westminster abbey.

С.А. Лебедев

Вологодский государственный университет

ФИНАНСОВЫЕ УЧРЕЖДЕНИЯ ВОЛОГОДСКОГО РЕГИОНА В 1920-Е ГОДЫ

*Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-28-00325,
<https://rscf.ru/project/22-28-00325/>*

В статье исследовано становление и развитие финансовых учреждений на территории Вологодского региона в 1920-е гг. Изучены направления деятельности банков, их взаимодействие, влияние органов власти на развитие региональной банковской системы.

История банков, экономическая политика, история региональной экономики.

Советская банковская система отличалась своей структурой, целями и задачами деятельности как от дореволюционной, так и от современной. Большой интерес вызывает период 1920-х гг., когда финансовая сфера претерпела несколько трансформаций. Финансовые учреждения, действовавшие в масштабах всего РСФСР-СССР, исследованы довольно подробно, в то время как местные финансовые организации изучены фрагментарно. Это касается и банковских учреждений Вологды. Представляется важным изучить становление системы банковских учреждений региона, финансовой инфраструктуры, выявить основные направления деятельности банков и другие элементы.

Хронологические рамки исследования охватывают период с 1922 по 1929 гг. В 1922 г. в Вологде открылась контора Госбанка РСФСР, первое банковское учреждение, работавшее в рамках НЭП, в 1929 г. был проведен ряд реформ, преобразивших всю банковскую систему Вологды.

Территориальные рамки исследования обозначены термином «Вологодский регион». В его границы попадают территории Вологодской губернии, административным и финансовым центром региона была Вологда, где открывались конторы крупных банков, местные финансовые и административные учреждения.

Советская банковская система неоднократно становилась объектом изучения историков, экономистов, специалистов в области права. Стоит отметить ряд работ, созданных советскими экономистами и государственными деятелями. Г.Я. Сокольников, нарком финансов 1923–1926 гг., в своих публикациях довольно подробно характеризовал проводимые под его руководством денежные реформы 1920-х гг., объяснял цели и задачи новой экономической политики [33]. Его работы не переиздавались в советское время, а вновь доступны для широкого круга читателей они стали в 1990-х гг. А.Г. Зверев, нарком финансов СССР в 1938–1946 гг., министр финансов СССР в 1946–1960 гг., характеризовал роль и место кредита в фи-

нансовой системе СССР, объяснял отличия социалистического и капиталистического кредитования, рассматривал участие банковских учреждений в перераспределении национального дохода [13]. В «Истории финансов СССР 1917–1950-х годов» В.П. Дьяченко в целом характеризовал историю финансов СССР 1917–1950-х гг., выделял основные цели деятельности и методы работы соответствующих органов на разных этапах развития советской экономики [11].

Отдельно стоит упомянуть крупные многотомные работы. В «Истории социалистической экономики СССР», изданной в 1976–1980-х гг. под редакцией И.А. Гладкова и построенной по проблемно-хронологическому принципу, характеризуется развитие экономической системы Советского государства, отдельных отраслей хозяйства, в том числе и кредитной системы [25]. «История Госбанка России», изданная в 2010 г. под редакцией Ю.А. Петрова и С.В. Татаринова, охватывает период с учреждения главного государственного банка до настоящего времени. Помимо анализа развития и деятельности самого Госбанка, исследуется также вся система банковских учреждений, государственная политика в области финансов [14].

Развитию банковских, финансовых организаций Вологды посвящено не так много исследований. На стыке источников и историографии находятся публикации руководителей и работников вологодских финансовых учреждений, вышедшие в профильных изданиях на рубеже 1920–1930-х гг. (А.П. Орлова, С. Синельникова, А.Н. Бачурихина). Деятельность банковских учреждений Вологодского региона указанного периода изучена весьма слабо, исследования касаются в основном начала XX века (Т.Я. Лебединская, Н.С. Смирнова), носят обзорный характер (Н.И. Шаванова), посвящены истории конкретных банков (Д.Л. Усов).

История финансовых учреждений Вологодского региона неплохо обеспечена источниками. Первый вид – законодательные источники («Нормальные уставы» кредитных организаций, постановления ор-

ганов советской власти). Второй вид – это делопроизводственные материалы (протоколы заседаний местных органов власти, собраний пайщиков и учредителей, переписка правления банков с отделениями, отделений различных банков). Третий вид – статистические документы (годовые отчеты различных учреждений, главные книги, губернские и краевые статистические сборники, контрольные цифры народного хозяйства). Четвертый вид – материалы периодической печати: журналы «Кооперация Севера» (издавался в Вологде с 1921 по 1928 г.), «Хозяйство Севера» (издавался в Архангельске с 1923 по 1936 г.), газеты «Красный Север» (издается в Вологде с 1917 г.) и «Северянин» (издавалась в Вологде в 1922 г.).

Часть вышеупомянутых материалов отложились в фондах Государственного архива Вологодской области (далее – ГАВО) и Вологодского архива новейшей политической истории (далее – ВОАНПИ). Наибольший интерес представляют профильные фонды ГАВО: Р-228 «Вологодское губернское общество сельскохозяйственного кредита» (1923–1930 гг.), Р-589 «Вологодское отделение кооперативного банка» (1917–1930 гг.), Р-418 «Вологодское общество взаимного кредита» (1925–1930 гг.), Р-1836 «Вологодский губернский коммунальный банк» (1923–1931 гг.). Архивный материал этих четырех фондов позволяет проследить становление и развитие банковской сети Вологды.

В ВОАНПИ материалы о финансовых учреждениях региона находятся в фондах П-6199 «Первичная организация Коммунистической партии Советского Союза (КПСС) Вологодского областного отделения Спецбанка г. Вологда» (1924–1959 гг.), П-1865 «Ячейка ВКП(б) финансового отдела Вологодского окружкома партии» (1923–1932 гг.), П-1350 «Первичная организация КПСС финансово-банковских учреждений г. Вологды Вологодского района Вологодской области» (1926–1989 гг.). Стоит отметить, что документов дореформенного (1920-е гг.) периода эти фонды содержат весьма немного, они затрагивают скорее политический аспект работы банковских учреждений. Тем не менее, они дают некоторые сведения по личному составу банковских работников, содержат выступления руководителей финансовых организаций, касающиеся проблем в работе учреждений, вопросов мобилизации средств населения.

В развитии банковской системы Вологодского региона уместно выделить несколько этапов. Первый – это период с 1922 по 1925 гг. – время становления банковской сети региона, когда начали работать основные финансовые организации. Второй – период 1926–1929-х гг. – можно назвать предреформенным. В это время сеть банковских учреждений стабилизируется и оптимизируется.

Функционировать банковские учреждения Вологды в 1920-е гг. были вынуждены в весьма непростых условиях: промышленность региона была неразвита, сельское хозяйство характеризовалось как относительно бедное, пути сообщения были развиты также довольно слабо [2, с. 91].

Важной вехой развития банковской сети в целом стало издание в 1922 г. Декрета «О кредитной кооперации» [21], закрепившего право граждан РСФСР

образовывать кредитные кооперативы. Организации, деятельность которых охватывала всю губернию, учреждались с «предварительного разрешения Губернского Исполнительного Комитета... по предварительному заключению Губернских Финансовых Отделов или областных учреждений Народного Комиссариата Финансов» (Там же).

Деятельность губфинотделов строилась на основании Декрета СНК «Об организации Финансовых Отделов Губернских и Уездных Комитетов Советов Рабочих, Крестьянских и Красноармейских Депутатов» и Положения «Об организации финансовых отделов губернских и уездных исполкомов» 1919 г. Полномочия губфинотделов были весьма широкими, в числе прочего они могли распределять кредитные средства, выделенные на местные нужды [26].

За период 1922–1925 гг. сформировалась система банковских учреждений Вологодского региона. Туда вошли Отделение Госбанка РСФСР (позднее – СССР), «Северный сельскохозяйственный банк», Вологодский коммунальный банк, отделение Всекобанка, Вологодское общество взаимного кредита. Отчасти схожие с банковскими функциями задачи выполняла сеть сберегательных касс.

Отделение Госбанка было открыто в Вологде 16 февраля 1922 г. Оно обеспечивало финансовую сторону работы органов государственной власти, а также кредитовало сельское хозяйство и кооперативы. Перед Госбанком и его отделениями ставилась задача с помощью кредита способствовать развитию товарообмена между городом и деревней [33, с. 127].

В средствах остро нуждалась коммунальная сфера. Была выдвинута идея привлечь частные капиталы к учреждению Вологодского коммунального банка [29, л. 5]. 27 декабря 1922 г. состоялось заседание Губэкса. Была отмечена актуальность мысли о создании коммунального банка (Там же, л. 2). Ранее, летом 1922 г., из-за отсутствия нужных средств учреждение банка было отложено (Там же, л. 6), хотя слухи об открытии городского банка распространялись по Вологде [37, с. 3]. На итоговом совещании представители Губэкса предложили следующее: 51 % уставного капитала коммунального банка должен был принадлежать губисполкому, горсовету, уисполкому; минимальная сумма уставного капитала должна была составить 100 000 рублей, при этом органы власти выделяют будущему городскому банку хлеб по курсу 1,3 пуда=1 золотому рублю. Планировалось использовать банк и для размещения резервных средств губисполкома и других органов власти. Для привлечения частных лиц планировалось назначить максимально низкую цену акции банка [29, л. 9].

18 января 1923 г. был принят Декрет «О коммунальных банках», согласно которому данные банки могли кредитовать местное коммунальное хозяйство, предоставлять населению кредит на нужды городского строительства всех видов; обслуживать краткосрочным кредитом местные предприятия, при этом не менее 50 % акций банка должен был оставлять за собой губисполком [20].

В созданную в январе 1923 г. комиссию для учреждения городского коммунального банка вошли представители губфинотдела, горкоммунотдела, Бир-

жевого комитета, губернского экономического совета. Для создания уставного капитала было решено выпустить акции ценой 20 золотых рублей за штуку. Это стало началом деятельности Вологодского коммунального банка.

С началом 1920-х гг. было связано возрождение системы сельскохозяйственных банков. 21 декабря 1922 г. был издан Декрет ВЦИК и СНК «О восстановлении сельского хозяйства и сельскохозяйственной промышленности и об организации для крестьянства сельскохозяйственного кредита», согласно которому в сельской местности создавалась сеть обществ сельскохозяйственного кредита, учредителями которых должны были стать Госбанк, Наркомзем, Всероссийский кооперативный банк и другие государственные и кооперативные учреждения, граждане, заинтересованные в развитии сельского хозяйства [19]. 29 декабря 1922 г. на заседании Губсоюза было решено, что на территории Вологодской губернии следует создать местный сельскохозяйственный банк [23, л. 4]. 30 марта 1923 г. «Северный сельско-хозяйственный банк» был внесен [4, л. 14] в список обществ, которые должны были начать работать в текущем году.

В состав учредителей банка вошли представители Отделения Госбанка СССР, губернских органов власти, Всекобанка, производственных и потребительских кооперативов, Вологодского коммунального банка, городского совета, Молочно-хозяйственного института [23, л. 40]. Из общей суммы учредительного капитала 50 % должны были дать Госбанк и Наркомзем, 10 % – государственные кооперативные организации, 25 % средств – крестьянские хозяйства, 15 % – область Коми и Северо-Двинская губерния, на территории которых также должен был работать банк. Помимо Правления в Вологде, были открыты агентства в Вельске, Тотьме и Каргополе, а также 113 первичных кредитных кооперативов [10].

Появление на территории региона кооперативного банка также было вызвано насущными потребностями. В 1921 г. кооперативы Вологды заявили о потребности в обеспечении их деятельности кредитом [16, с. 2]. В 1922 г. после опубликования декрета «О кредитной кооперации» представители вологодских кооперативов начали планировать учреждение соответствующего финансового органа, который смог бы заниматься и торгово-посредническими, и комиссионными операциями [3, с. 1].

Появление Банка потребительской кооперации (Покобанка, позднее – Всекобанка) в 1922 г. давало надежду на то, что подобные организации можно будет учредить на территории губернии [36, с. 3]. Представители кооперации отмечали, что в отсутствие местных кооперативных банков имеет смысл поддержать Покобанк, который работал с кооперацией на всей территории РСФСР [1, с. 17].

В мае 1923 г. на заседании правления Всекобанка было решено [6, л. 4], что учреждение должно принять участие в восстановлении сельского хозяйства посредством приобретения учредительных паев обществ с/х кредита, распространения крестьянских паев через кооперативные организации и отделения банка [7, л. 5]. Летом 1923 г. Губсоюз приобрел паи Всекобанка на

сумму в 3700 золотых рублей, осенью – на 1600 золотых рублей [27, с. 141].

22 марта 1924 г. было открыто Вологодское агентство Всероссийского кооперативного банка. Оно кредитовало исключительно кооперативные организации, прием вкладов производился от государственных, кооперативных, партийных, профессиональных и частных организаций, а также от частных лиц [17, с. 65]. С августа 1924 г. оно приступило к кредитованию кооперативной сети, при этом кредит предоставлялся только пайщикам Всекобанка, кредит открывался постоянный, но с использованием его в определенные сроки [22, с. 27]. Решение отделения о выдаче кредита подтверждало правление Всекобанка (Там же, с. 29).

В сентябре 1925 г. состоялись первые учредительные заседания Вологодского общества взаимного кредита, было избрано правление, принят Устав организации. Членами организации могли быть [5, л. 5]: физические и юридические лица, занимающиеся торговлей, промыслом, промышленностью; собственники строений, застройщики, владеющие строениями в районе деятельности общества; лица, имеющие как минимум трехлетний опыт работы в финансовой сфере. Минимальный размер членского взноса составлял 25 рублей [35]. Первоначальный взнос для члена общества взаимного кредита составлял 10 % от суммы кредита, на который он рассчитывал.

Таким образом к середине 1920-х гг. сформировалась система банковских учреждений Вологодского региона. Часть организаций являлась филиалами банков, действовавших на территории всей страны, часть – местными учреждениями.

Важным для развертывания банковской деятельности являлось установление твердой валюты, что хорошо заметно на примере работы Отделения Госбанка – за 1924 г. в сравнении с 1923 г. сумма ссудных операций которого увеличилась практически вдвое, оборотный увеличился в три раза [34, с. 66].

Г.Я. Сокольников, наркомфин СССР в 1923–1926 гг., отмечал, что «Советское государство к 1925/26 решило... хотя бы в черне, основные проблемы построения советской финансовой системы и имеет... заново построенную кредитную организацию» [33, с. 240].

Источники позволяют сравнить направления работы и масштабы деятельности отдельных банковских учреждений региона ближе к концу периода (табл. 1).

Данные таблицы 1 показывают, что направления деятельности основных банковских учреждений пересекались, что неизбежно вызывало конкуренцию между ними. Наиболее весомую роль в кредитовании региона играло Отделение Госбанка, которое вело самостоятельные операции, выделяло большой объем средств на кредитование кооперативов, государственной торговли, выступало одним из учредителей других банковских организаций. Вторым по объему деятельности являлся «Сельско-хозяйственный банк», опиравшийся в том числе на широкую низовую сеть. По-настоящему профилированными учреждениями можно назвать Коммунальный банк и отделение Всекобанка, работавшие в основном с кооперативными организациями.

Кредитование основными банками Вологды отдельных отраслей в 1924–1925 году, руб. [30, л. 73]

Кредитование за период октябрь 1924 г. – январь 1925 г., руб.					Кредитование за период январь – апрель 1925 г., руб.			
	Гос. торговля	Кооп. орг.	Частн. торг.	Отд. лица	Гос. торговля	Кооп. орг.	Частн. торг.	Отд. лица
Госбанк	534 516	1 139 367	500	-	790 892	1 431 433	29 573	
С/х банк	292 383	500 137	113 026	-	307 549	801 428	105 068	
Комбанк	-	223 001	-	-	-	512 415	-	
Всекобанк	119 257	714 318	1749	-	116 673	756 586	2000	4040

Значительную роль в банковской системе играли разного рода органы власти. Они инициировали открытие банков, они вносили крупную долю паевого капитала, влияли на их операции. Иногда это приводило к весьма противоречивым последствиям. Совет труда и обороны в 1922 г. разъяснял местным экономическим совещаниям, что те не имеют права вмешиваться в операционную деятельность отделений Госбанка РСФСР [8, с. 2], хотя они могли информировать Правление банка о действиях отделений, идущих в разрез с местными интересами.

Весной 1925 г. председатель Отделения Госбанка, характеризуя работу в I квартале 1924/25 г., говорил, что банк оказывался между молотом и наковальней – с одной стороны, Губком и Губисполком требовали выделения дополнительных кредитных средств для местной кооперации, оказавшейся в трудной ситуации, с другой стороны, подобные меры дополнительной поддержки со стороны Отделения кардинальным образом шли в разрез с политикой Правления банка [9, л. 55].

Особенно сильно влияние экономической политики государства сказалось на Обществе взаимного кредита. К 1928 г. порядка 28 % открытых организацией кредитов приходилось на долю частной розничной торговли [24, с. 2]. В процессе свертывания НЭПа началось наступление на частную торговлю, что в итоге привело к тому, что созданное изначально по инициативе снизу Общество взаимного кредита в 1930 г. было признано банкротом.

Банковские учреждения региона пытались различными путями привлекать средства населения, од-

нако относительно бедное сельское хозяйство и недостаточно развитая промышленность не всегда были готовы их дать. Так, 17 июня 1923 г. на заседании III Сессии Совета Северного общества сельскохозяйственного кредита был заслушан доклад «О мерах по размещению крестьянских паев общества» [12, л. 43]. Для ускорения реализации крестьянских паев было решено, что каждый кредитный кооператив обязан был приобрести в Обществе с/х кредита крестьянских паев на сумму в 10 % от открытого ему в обществе кредита (паи начислялись кооперативам в ссуду сроком на два года); при выдаче кооперативам долгосрочных ссуд в основные капиталы 25 % суммы выдавалось крестьянскими паями; при выдаче целевых ссуд доля крестьянских паев составляла от 5 до 15 % (Там же, л. 44). Таким образом, учредители Общества применяли и принудительные способы привлечения капитала.

Руководители отделения Всекобанка в 1925 г. также отмечали [18, л. 47], что работа по привлечению местных средств в капитал банка шла очень тяжело: задолженность Правлению превышала количество привлеченных местных средств более, чем в 10 раз. В таких условиях развернулась конкуренция (Там же, л. 47 об.) за привлечение средств между банковскими учреждениями.

Период 1926–1929 гг. можно назвать предреформенным. Сеть кредитных учреждений стабилизируется и оптимизируется. Период взрывного роста кредитных оборотов в губернии и в целом по стране оканчивается 1925 годом, что видно из приведенной таблицы 2:

Таблица 2

Динамика основных операций по балансам банков 1924–1927 гг. в % к предшествующему году [15, с. 75]

Год	Учетно-ссудные операции		Текущие счета и вклады	
	По 5-ти главным банкам СССР	По 4-м кредитным учреждениям губернии*	По 5-ти главным банкам СССР	По 4-м кредитным учреждениям губернии
1924 г.	+201,1	+150,1	+377	+208,4
1925 г.	+114,2	+106,6	+108,1	+85,3
1926 г.	+34	+10,7	+0,5	-7,6
1927 г.	+27,3	+15,7	+0,6	-8,5

* – Отделение Госбанка, Вологодский коммунальный банк, отделение Всекобанка, «Северный сельскохозяйственный банк».

Наблюдаемое в таблице 2 снижение темпов роста объема банковских операций можно объяснить слабым развитием промышленности на территории губернии, тем, что местные предприятия зачастую кредитовались центральными банками. Отмечается, что увеличение баланса банковских учреждений происходило не за счет роста вкладов и привлечения новых пайщиков, а благодаря поступлению средств из центральных отделений крупных всесоюзных банков [15, с. 79].

Начавшийся процесс размежевания клиентов банков привел к тому, что деловые отношения между Госбанком, Всекобанком и Сельхозбанком осложнились. Например, Госбанк и Всекобанк пытались поделить между собой кооперативную клиентуру [28, л. 22]. Развернулась борьба за средства для проведения операций (Там же, л. 21). Для расширения деятельности банковские учреждения стремились удешевлять кредит для своих профильных клиентов, проводились мероприятия, направленные на снижение управленческих расходов.

Определенные выводы о специализации учреждений можно сделать из приведенной ниже таблицы 3.

Таблица 3 показывает, что удельный вес Госбанка в 1927–1928 гг. в кредитовании местной клиентуры остается почти без изменений, при этом происходит увеличение его доли в кредитовании госучреждений. Роль Госбанка весьма велика и в работе с кооперацией. Отделение Госбанка продолжает оставаться «банком для банков», выделяя ссуды другим кредитным учреждениям. Роль Коммунального банка растет за счет повышения доли кредитования жилищной кооперации. Можно отметить, что это единственный по настоящему профильный банк из трех. Баланс Коммунального банка достиг к 1928 году 1 097 352 рублей, увеличившись в два раза за 4 года, чистая прибыль при этом составила 18 805 рублей [32, с. 16]. Доля отделения Всекобанка повышается только в отношении кредитования кустарной и лесной кооперации, которые традиционно были его клиентами. При этом можно говорить о том, что основные группы

клиентов начинают распределяться между отдельными учреждениями [15, с. 83].

Особняком стоит Общество сельскохозяйственного кредита, работавшее с соответствующей отраслью хозяйства губернии. Несмотря на постоянный рост объемов кредитования (в 1926/27 г. целевое кредитование «Сельско-хозяйственного банка» достигло размера в 3020,7 тыс. рублей [31, с. 39]), оно не могло привлечь достаточный объем паевого капитала от крестьян, что привело к зависимости Общества сельскохозяйственного кредита от целевых ассигнований центра. Это выразилось в падении с годами доли его собственного капитала в итоговом балансе.

Таким образом, за период 1920-х гг. сформировалась банковская система Вологды. В непростых условиях слабого развития промышленности, небогатого сельского хозяйства кредитные учреждения выполняли поставленные перед ними задачи. В начальный период НЭПа их деятельность была направлена на восстановление пришедших в упадок за период Гражданской войны отраслей экономики региона, привлечение местных капиталов. С установлением крепкой валюты их деятельность начала расширяться, что видно из приведенных выше данных, основные группы клиентов и направления деятельности учреждений становились более узкоспециализированными. Проблемой, с которой не удавалось справиться на всем протяжении 1920-х гг., оставалась сильная зависимость банков от органов власти и центральных правлений, которая выражалась как в недостаточной доле собственных капиталов в оборотных средствах, так и в административных решениях, напрямую влиявших на работу учреждений.

Рубеж 1920–1930-х гг. можно назвать поворотным для развития финансовых учреждений Вологодского региона. В это время, с одной стороны, шли масштабные преобразования в банковском секторе (кредитная реформа), с другой стороны, шли административно-территориальные преобразования, закончившиеся упразднением Вологодской губернии и образованием Северного края.

Таблица 3

Удельный вес банков в кредитовании отраслей хозяйства [15, с. 83]

Отрасли народного хозяйства	Госбанк		Коммунальный банк		Всекобанк	
	На I/X-27	На I/X 28	На I/X-27	На I/X 28	На I/X-27	На I/X 28
Гос. промышленность	90,3	91,3	9,7	8,7	-	-
Гос. торговля	94,4	95,3	5,6	4,7	-	-
Прочие гос. учреждения	22	23,8	78	76,2	-	-
Кооперация вся	38,3	37,4	10	15,7	51,3	46,9
В том числе						
Потребительская	34,6	45,9	-	-	65,4	54,1
С/х	33,2	31	-	-	66,8	69
Кустарная и лесная	70,9	48,5	7,9	5,6	21,2	45,9
Жилищная	-	-	100	100	-	-
Кредитные учр. (для Госбанка)	100	100	-	-	-	-
Прочие учр. и лица	25,8	33,3	74,2	66,7	-	-
Итого по всем отраслям	63,4	63,8	13,8	15,4	22,8	20,8

Литература

1. Банк потребительской кооперации // Кооперация Севера. – 1922. – № 12. – С. 17.
2. Вологодская область. – Вологда : Издание Вологодского губернского экономического совещания, 1923. – 104 с.
3. Восстановление кредитной кооперации // Кооперация Севера. – 1922. – № 2. – С. 1.
4. ГАВО. Ф. Р-228. Оп. 1. Д. 4.
5. ГАВО. Ф. Р-418. Оп. 1. Д. 1.
6. ГАВО. Ф. Р-589. Оп. 1. Д. 14.
7. ГАВО. Ф. Р-589. Оп. 1. Д. 6.
8. Госбанк и ЭКОСО / Экономическая жизнь // Северянин. – 1922. – № 17. – С. 2.
9. Доклад о деятельности и ходе работ по операциям Вологодского отделения государственного банка за I квартал 1924/25 года / ВОАНПИ. Ф. П-6199. Оп. 1, Связка 1. Д. 16. Л. 55.
10. Доклад о работе Северного общества С/Х кредита за декабрь 1924, за январь и февраль 1925 года / ВОАНПИ. Ф. П-6199. Оп. 1, Связка 1. Д. 16. Л. 41.
11. Дьяченко, В. П. История финансов СССР (1917–1950 гг.) / В. П. Дьяченко. – Москва : Наука, 1978. – 495 с.
12. Заседание III сессии Совета Северного Общества с/х кредита // ГАВО. Ф. Р-228. Оп. 1. Д. 4.
13. Зверев, А. Г. Национальный доход и финансы СССР / А. Г. Зверев. – Москва : Финансы, 1970. – 312 с.
14. История Банка России, 1860–2010. В 2 томах. Том 2. Государственный банк СССР. Центральный банк Российской Федерации (Банк России) / Банк России ; редакторский совет: Г. И. Лунтовский (предисловие) [и др.] ; ответственный редактор: Ю. А. Петров, С. В. Татаринцов. – Москва : РОССПЭН, 2010. – 679 с.
15. Контрольные цифры народного хозяйства Вологодской губернии на 1927–28 год / Вологодский губплан. – Вологда : Северный печатник, 1928. – 156 с.
16. Кооперативный кредит // Кооперация Севера. – 1921. – № 1. – С. 2.
17. Кооперация Севера. – 1924. – № 9–10. – С. 65.
18. Краткий доклад о работе Вологодского отделения Всекобанка за время с 1 января по 1 апреля 1925 года / ВОАНПИ. Ф. П-6199. Оп. 1, Связка 1. Д. 16. Л. 47–47 об.
19. О восстановлении сельского хозяйства и сельскохозяйственной промышленности и об организации для крестьянства сельскохозяйственного кредита: Декрет Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета Советов от 21.12.1922 № 1046, Совета Народных Комиссаров от 21.12.1922 № 1046. – Текст : электронный // www.lawmix.ru : сайт. – URL: <https://www.lawmix.ru/zakonodatelstvo/2575412> (дата обращения: 09.06.2023).
20. О коммунальных банках : Декрет ВЦИК и СНК от 18.01.1923. – Текст : электронный // www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_1494.htm (дата обращения: 09.06.2023).
21. О кредитной кооперации : Декрет Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета Советов и Совета Народных Комиссаров от 24.01.1922 № 110. – Текст : электронный // www.lawmix.ru/zakonodatelstvo/2575994 (дата обращения: 09.06.2023).
22. О кредитовании кооперативов Вологодским Отделением Всекобанка // Кооперация Севера. – 1924. – № 16. – С. 27–29.
23. Об организации общества «Северный Сельскохозяйственный банк» // ГАВО. Ф. Р-228. Оп. 1. Д. 6.
24. Отчет Вологодского общества взаимного кредита за операционный период с 1-го октября 1927 по 1-е октября 1928 года. – Вологда : Типография Н. В. Знаменского, 1928. – 14 с.
25. Переход к НЭПу. Восстановление народного хозяйства СССР 1921–1925 / История социалистической экономики СССР // АН СССР, Институт экономики ; [редколлегия: И. А. Гладков (ответственный редактор) и др.]. – Москва : Наука, 1976. Т. 2. – 480 с.; Создание фундамента социалистической экономики в СССР (1926–1932 гг.) / История социалистической экономики СССР // АН СССР, Институт экономики ; [редколлегия: И. А. Гладков (ответственный редактор) и др.]. – Москва : Наука, 1976. – Т. 3 – 535 с.
26. Положение «Об организации финансовых отделов губернских и уездных исполкомов» : сборник декретов и постановлений по народному хозяйству. Выпуск 2 (25 октября 1918 г. – 15 марта 1919 г.). – Москва, 1920. – Текст : электронный // docs.historyrussia.org : сайт. – URL: <http://docs.historyrussia.org/ru/nodes/153021#mode/inspect/page/3/zoom/4> (дата обращения: 09.06.2023).
27. Приобретение паев Всекобанка // Кооперация Севера. – 1923. – № 17–18. – С. 141.
28. Протокол № 6 заседания бюро ячейки № 21 при Госбанке от 27 июня 1927 года / Ф. П-3408. Оп. 1, Связка 1. Д. 1В. Л. 21–22.
29. Протоколы заседаний правления Волкомбанка // ГАВО. Ф. Р-1836. Оп. 1. Д. 20.
30. Протоколы партийных собраний ячейки № 15 – Сельхозбанк // Вологодский архив новейшей политической истории. Ф. П-6199. Оп. 1, Связка 1. Д. 16.
31. Работа Вологодского сельхозбанка и кредитной сети // Кооперация Севера. – 1927. – № 12–13. – С. 39.
32. Сводная ведомость оборотов Вологодского коммунального банка за 1927/28 год / Вологодский коммунальный банк. – Вологда, 1928. – С. 16.
33. Сокольников, Г. Я. Новая финансовая политика: на пути к твердой валюте / Г. Я. Сокольников. – Москва : Наука, 1991. – 336 с.
34. Усов, Д. Л. Формирование и функционирование современной банковской системы России : учебное пособие / Д. Л. Усов. – Вологда : ВоГТУ, 2011. – 140 с.
35. Устав Вологодского общества взаимного кредита и список частноторговцев // ГАВО. Ф. Р-418. Оп. 1. Д. 26.
36. Финансовый кризис потребкооперации и Покобанк // Кооперация Севера. – 1922. – № 7–8. – С. 3.
37. Экономическая жизнь // Северянин. – 1922. – № 14. – С. 3.

S.A. Lebedev

FINANCIAL INSTITUTIONS OF THE VOLOGDA REGION IN THE 1920-S

The article examines the formation and development of financial institutions on the territory of the Vologda region in the 1920s. The directions of the banks' activities, their cooperation, the influence of the authorities on the development of the regional banking system were studied.

History of banks, economic policy, history of the regional economy.

Р.А. Малахов
Вологодский государственный университет

РАЗДЕЛЕННОЕ ПРАВО СОБСТВЕННОСТИ РУКОВОДИТЕЛЕЙ ПРЕДПРИЯТИЙ И ОРГАНОВ ВЛАСТИ НА ЕВРОПЕЙСКОМ СЕВЕРЕ РОССИИ В 1930-Е ГОДЫ

Автор статьи разделяет точку зрения о том, что в Советском Союзе осуществлялось первоначальное накопление. В настоящей работе исследованы формы и приемы реализации разделенного права собственности руководителями предприятий и органов власти. Территориальные рамки исследования включают Европейский Север России. Хронология работы объясняется тем, что 1930-е гг. являлись важным периодом становления процесса первоначального накопления. Источниками статьи являлись делопроизводственные документы региональных органов власти.

Исследование показало, что руководящие работники органов власти и предприятий постепенно становились ключевыми участниками процесса реализации разделенного права собственности. В этот период в стране начала формироваться новая система управления собственностью.

Завод, колхоз, кооператив, разделенное право собственности, райисполком, райком ВКП(б), совхоз, чиновничество.

Автор статьи исходит из тезиса о том, что в советский период осуществлялось первоначальное накопление [1]. В этой связи ключевой научной проблемой становится вопрос о собственности. В Советском Союзе существовало разделенное право собственности на средства и результаты производства. Его обладателями являлись группы управленцев. Формальное владение собственностью оставалось за государством, распоряжение и пользование за руководителями предприятий и ответственными работниками органов власти.

В задачу настоящей работы входит исследование форм и приемов реализации разделенного права собственности руководителями предприятий и органов власти. Территориальные рамки исследования включают Европейский Север России. Хронология работы объясняется тем, что 1930-е гг. являлись важным периодом становления процесса первоначального накопления. Источниками статьи являлись делопроизводственные документы региональных органов власти.

Прежде всего, обратим внимание на реализацию разделенного права собственности производственными руководителями. Широкое распространение у данных работников получило самостоятельное распоряжение частью денежных средств предприятий. Об этом свидетельствуют, например, материалы Вологодской городской партийной контрольной комиссии. Так, в 1932 г. директор Вологодского вагоноремонтного завода (ВРЗ), несмотря на тяжелое финансовое положение предприятия, принял решение о выдаче денег заводскому кооперативу в качестве оборотных средств с целью поддержки последнего, хотя это было нарушением кредитных правил. Этот факт рассматривался в августе 1932 г. на объединенном

заседании президиума Вологодской городской контрольной комиссии ВКП(б) и коллегии городской РКИ. В ходе обсуждения вопроса «О нарушении кредитных правил дирекцией ВРЗ и правлением ТПО ВРЗ» анализировалась деятельность администрации вагоноремонтного завода и заводского потребительского кооператива. В протоколе этого заседания отмечалось, что «при напряженном финансовом положении предприятия ВРЗ, значительной задолженности предприятия отделению Госбанка, перебои в своевременной выдаче зарплаты рабочим, дирекция ВРЗ в лице т. Заварова и бухгалтера Моторина, взамен жесткого расходования средств по прямому назначению и четкого выполнения директив Партии и Правительства по расходованию средств и решительного проведения финансовой дисциплины встали на путь явного нарушения кредитных правил – скрытой формой 8 июня выдали ТПО ВРЗ авансы в качестве оборотных средств 30 000 руб. Получив эти деньги ТПО ВРЗ в лице члена Правления тов. Корнилова израсходовали их в качестве оборотных средств и лишь 16 июня пытались скрытым видом через отделение Госбанка вернуть эти деньги в погашение взятой ссуды у ВРЗ, что отделением Госбанка было опротестовано и в проводке отказано». Заседание решило: «За нарушение кредитных правил и злоупотребление государственными средствами, директору ВРЗ т. Заварову и бухгалтеру Моторину и члену правления ТПО ВРЗ и бухгалтеру Куташову поставить на вид, одновременно предупредить, что при повторении подобных действий будут приняты более строгие меры...» [2, л. 274–275].

Финансовое положение указанного кооператива действительно было крайне сложным. Об этом сообщалось даже в местной прессе. Например, на первой

странице газеты «Красный Север» (органе Вологодского горкома ВКП(б), горсовета и горпрофсовета) от 9 декабря 1932 г. была опубликована статья «Безобразия в работе ТПО ВРЗ», в которой указывалось: «Финплан выполнен на 62 процента. Финансовое положение кооператива напряженное. Собственных средств недостаточно, в результате кооператив работает на заемные средства, которые на 1 октября составляют 292 000 руб., из них госкредита 77 000 руб. Дебиторская задолженность выразилась на 1 октября 32 г. в 54 000 руб., а кредиторская в 156 000 руб. Из-за плохого маневрирования товарооборотом, порчи товаров и растрат кооператив потерпел убыток на сумму 21 328 руб.» [8, с. 1]. Следовательно, финансовая поддержка кооператива за счет средств вагоноремонтного завода была экономически оправдана, несмотря на возникшие противоречия в кругу городских чиновников. Руководители предприятий проявили в данном случае самостоятельность в распоряжении финансами, что может рассматриваться как обладание ими правом собственности, в частности правом распоряжения.

Далее обратим внимание на то, как руководство одной из кооперативных организаций, реализуя разделенное право собственности, использовало банковские кредиты не по назначению и создавало собственную продовольственную базу без получения кредита для этой цели. В декабре 1932 г. инспекторы Вологодской городской контрольной комиссии РКИ гг. Рычков и Андреев подготовили «Материал Вологодской Гор. КК РКИ о результатах обследования Вологодского Закрытого Военного кооператива (ЗВК), его финансового состояния, торговой деятельности, работы общественного питания, производственных предприятий и Коопсельхоза», в котором отметили, что «чистая прибыль от товаров за 6 месяцев работы кооператива... 64 025 р. По общественному питанию за это же время получен убыток 34 471 руб. ...Задолженность по зарплате на 1 сентября 40 300 руб. объясняется нерентабельным расходованием кредитов на сельскохозяйственные производственные цели, вкладывая последние не по назначению... Правление ЗВК встало на оппортунистический путь по созданию собственной продовольственной базы без получения на это кредита... полученная продукция от собственной продбазы, коопсельхоза полностью не удовлетворила требования пайщиков, полное отсутствие хозяйственного расчета (имеемые контокоррентные счета в Госбанке, секция общественного питания и Коопсельхоза обезличены) привело к убытку общественного питания...» [2, л. 329, 334, 344.]. Видимо, руководство данного кооператива подобными действиями пыталось снизить финансовую зависимость предприятия, принимая самостоятельные решения о направлении заемных денежных средств и действуя, по мнению партийных чиновников, вопреки принципам «хозрасчета».

С конца 1920-х гг. власть обязывала предприятия перейти к работе на принципах хозяйственного расчета. Однако не все руководители считали это приемлемым и эффективным. Например, в декабре 1931 г.

уполномоченный Вологодского линейного поста Архангельского водного отделения транспортного отдела ОГПУ т. Скрыбин сообщил в Вологодский горком ВКП(б) о том, что «несмотря на целый ряд директивных распоряжений центра о переходе всех производственных единиц на хозрасчет, Вологодское Райуправление Речного транспорта со всеми подведомственными ему затонами до сего времени в работе не перестроилось и хозрасчет во всех отраслях производства отсутствует. Начальник РУРТ-а тов. Баранов и директор Вологодского затона тов. Петров по целому ряду резолюций, скопившихся за 7 месяцев... ничего не предприняли, ссылаясь на неимение прикрепленных СУРТ-ом за Райуправление пароходов, на невыделение баланса и оборотных средств и на передачу и закрепление за Райуправлением имущества и ценностей, а сами в этом отношении совершенно бездействуют... Отсутствие хозрасчетной реформы приводит к перерасходу материалов и денежных средств и снимает ответственность за таковое с лиц, ведающих непосредственно производством...» [3, л. 226]. «Бездействие» указанных руководителей следует рассматривать как уход от самостоятельного управления предприятиями в сложных экономических условиях производственной деятельности. В этом осуществлялось право этих руководящих работников распоряжаться собственностью.

Руководители предприятий распоряжались не только финансами, но и производственными ресурсами. Так, директор одного из вологодских совхозов создал строительную контору под своим контролем. В марте 1932 г. Вологодская городская контрольная комиссия-РКИ провела совещание «по вопросу о дальнейшем строительстве в совхозе “Молочное”». В протоколе этого заседания отмечалось, что «директор совхоза “Молочное” тов. Самосюк без ведома и согласия краевых и центральных органов отдал приказ 31 января 1932 г. об организации в совхозе самостоятельной строительной конторы для ведения строительства хозяйственным способом, непосредственно совхозом, изъяв все строительство в совхозе из Сельстроя, чем создал... неразбериху... Отсутствие взаимных расчетов между Совхозом и Севсельстроем и прекращение снабжения последнего, в силу изданного приказа о передаче работ, денежными средствами, отразилось на ходе строительства... непосредственное руководство строительством из краевой конторы Сельстроя осуществлено плохо с большими переборами, что приносило вред ходу строительства и убытки государству... считать необходимым организацию в г. Вологде краевого оперативного отделения Севсельстройтреста с полным техническим руководством совхозным строительством, укомплектовав аппарат отделения сильными работниками, о чем срочно поставить вопрос перед Горкомом партии и Край КК-РКИ...» [2, л. 56–57]. Следовательно, руководитель совхоза с целью решения насущных производственных задач вступил в противоречие со строительным трестом, изъяв из его ведения строительство в сельскохозяйственном предприятии. Партийные органы, признав неэффективность прежней системы

управления строительством в совхозах, решили создать новую организацию в составе другого треста, контроль над которым должен быть более действенным.

Некоторые руководители предприятий проявляли самостоятельность в использовании результатов производства. Так, директор одного из вологодских маслозаводов распределял продукцию по своему усмотрению, обменивал ее на необходимые товары. В сентябре 1933 г. состоялось заседание партийной коллегии Вологодской городской контрольной комиссии ВКП(б), на которой было заслушано дело бывшего директора маслозавода совхоза «Молочное». В протоколе заседания указывалось: «будучи директором маслозавода в октябре месяце 1932 г. вместо оперативного руководства всей деятельностью вверенного ему завода, продолжал преступную практику бывшего директора комбината... занимался разбазариванием молочной продукции, отпускал по своим запискам, как организациям, так и частным лицам, причем некоторым организациям продукты отпускались в порядке товарообмена. От Вологодского ИТУ получено взамен отпущенных молокопродуктов стекло, махорка и др. промтовары, из которых часть по распоряжению пом. зава распределялась между работниками завода, за что 10 июля 33 г. нарсудом гор. Вологды... приговорен к 1 г. 4 м. исправительных трудовых работ... На заседании партийной коллегии предъявленные обвинения подтвердились, что признал и сам... Постановили: За разбазаривание молочных продуктов в порядке товарообмена... объявить строгий выговор с предупреждением». Данное решение было «утверждено президиумом городской контрольной комиссии» [4, л. 45]. Представленный пример показывает реализацию директором совхоза права распоряжения собственностью.

Результатами сельскохозяйственного производства распоряжались и руководители колхозов. Например, в 1940 г. некоторые председатели колхозов Вологодской области из-за низкой закупочной цены капусты приняли решение о прекращении уборки ее с поля или раздачи колхозникам. Об этом в декабре 1940 г. начальник управления НКВД по Вологодской области майор государственной безопасности Кондаков и начальник экономического отдела областного УНКВД старший лейтенант государственной безопасности Ковригин сообщили первому секретарю Вологодского обкома ВКП(б) П.Т. Комарову. В «специальном сообщении «О состоянии торговли в Вологодской области» они отмечали, что из-за низких закупочных цен на незерновую продукцию «председатель колхоза “Маяк” Вологодского района Собенин оставил на поле необранными 10 тысяч кочанов капусты, несмотря на то, что имел договор с заготконторой райпотребсоюза на сдачу капусты государству в счет децзаготовок... председатель колхоза “Прибой” Семеновского сельсовета Хазов, член ВКП(б), после выполнения госпоставок отказался от поставки капусты по договору, мотивируя тем, что цена на овощи низка и заявляя: “лучше раздам капусту колхозникам по трудодням”» [5, л. 100]. Следовательно, для ряда руководителей экономической целесообразность была

важнее требований нормативных документов. Кроме того, они принимали решения по своему усмотрению, тем самым демонстрируя определенную самостоятельность распоряжения результатами производства.

В 1930-е гг. в условиях тяжелого положения с продовольственным обеспечением распределение продуктов являлось одним из ключевых элементов в реализации разделенного права собственности. Обратим внимание на следующий типичный пример. В проекте постановления объединенного заседания президиума Вологодской городской контрольной комиссии ВКП(б) и коллегии РКИ, касающегося результатов проверки в октябре 1933 г. торговой деятельности Вологодского отделения Северной краевой конторы государственного объединения розничной торговли, отмечалось: «Систематическое и организованное самоснабжение и разбазаривание фондов сала, рыбной путины и заготовок под ширмой созданного Коопбюро при отделении на правах членства с ежемесячным взносом с зарплаты каждого сотрудника 10 %, за период с 15 февраля по 1 октября 33 г. отпущено разных товаропродуктов по разрешениям управляющего Тюрина и его заместителя Сухарева (карамели... печенья... масла растительного... яиц... мыла хозяйственного... рыбы разной...) всего на сумму 15 288 р. ...Проводились через коопбюро товарообменные операции, отпускали колхозам (Осаново, “Дружный”) кондитерские изделия, махорку, мыло и др., а от них получали с/х продукты (картофель и др.). Оборот Коопбюро выразился в 21 380 р. (равен магазину), в результате основные фондовые и остродефицитные продукты шли вместо потребителя (рабочему, колхознику) аппарату ГОРТ. Торговая сеть в большом количестве нерентабельна (дает убыток, на хозрасчет не переведена). Из 36 торговых точек 12 или 33 % нерентабельных... Краевая контора Севгорт достаточного контроля не вела и практической помощи в оздоровлении работы отделения не оказывала... Партийная и профсоюзная ячейки, на глазах которых творились безобразия, примиренчески относились к этому и решительной борьбы за улучшение и направление госторговли не вели...» [4, л. 69–70].

На предпринимательский характер деятельности руководителей предприятий обратил внимание еще в середине 1950-х гг. американский исследователь Дэвид Грэнник. Он пришел к выводу о том, что в Советском Союзе 1930-х гг. «правила отсутствовали, критерии успеха были неясными. Чиновники всех уровней (в весьма ограниченном смысле) являлись “политиками”, а преуспевающий директор должен был реализовать как политические, так и производственные установки; он должен в своей заводской практике учитывать политические критерии руководства. Он был предпринимателем, деятельность которого сводилась к совершенствованию способов выполнения заданий партии» [7, с. 203–204].

Особое место в системе коллективной собственности занимали руководящие работники органов власти. Они напрямую не были связаны с производством, но принимали ключевое участие в распоряжении собственностью. Например, партийные чиновники фак-

тически использовали финансы и иные ресурсы промышленных предприятий. В мае 1933 г. директор Емецкого леспромхоза Н.И. Седов направил в Северный краевой комитет ВКП(б) заявление, в котором, характеризуя свои взаимоотношения с руководителями района, отмечал, что «районные организации свои расходы в большинстве своем проводят за счет леспромхоза. Посылая своих уполномоченных по району для проверки той или иной кампании, расходы относятся за счет леспромхоза... выписали зарплату инструктору райкома т. Соколову, в то же время ему было переведено по ведомости леспромхоза, через сберкассу... На содержание газеты “Штурм” перевел 1000 руб., еще предлагали перевести 100 руб., на что имеется решение райкома за подписью секретаря... По мнению райкома, леспромхоз не только должен отпускать средства на их расходы, но даже доставлять дрова для отопления бесплатно, что и делаем... Наши районные руководители Белин и Командиров докатились даже до того, что если директор не дал ехать прикрепленную к нему лошадь, на другой лошади не хотим ехать... Когда же стал отказывать... тогда они решили снять меня со снабжения в закрытом магазине ответственных работников района, теперь приходится сидеть полуголодным с семьей в 6 человек» [9, с. 239–241]. В результате рассмотрения крайкомом партии указанной информации секретарь Емецкого райкома с декабря 1931 г. Н.Н. Командиров (1904 г.р., член партии с 1923 г.) не подвергся негативным санкциям. Более того, его деятельность на этом посту руководством оценивалась положительно. Это следует из характеристики, данной ему в январе 1935 г. секретарем Севкрайкома ВКП(б) В. Ивановым (Там же, с. 242). Данный пример показывает процесс распоряжения партийными чиновниками государственной собственностью и позволяет сделать вывод о допущении крайвыми чиновниками указанной деятельности секретаря райкома ВКП(б).

Не только партийные, но и другие руководящие районные работники распоряжались результатами сельскохозяйственной деятельности на подконтрольных им территориях. Так, в 1940 г. в Харовском районе Вологодской области председатель райпотребсоюза и председатель райисполкома при согласовании с секретарем райкома партии распределяли фуражный овес по колхозам. Об этом в декабре 1940 г. временно исполняющий обязанности прокурора Вологодской области т. Резанов сообщил первому секретарю Вологодского областного комитета ВКП(б) П.Т. Комарову. В докладной записке было указано, что «в Харовском районе установлено преступное нарушение постановления ЦК ВП(б) и СНК СССР “Об уборке урожая и заготовке с/х продуктов” от 1 августа 1940 г. ...Председатель райсоюза тов. Миролюбов по согласованности с председателем исполкома райсовета тов. Тихоновым распределили данное количество фуражного овса по колхозам: “Боевик” – 3 тонны, “Гудок” – 3 тонны, “Ударник” – 3 т., им. Ленина – 4 тонны, “Се-

верная деревня” – 3 тонны. С указанных выше колхозов получены деньги – стоимость овса по продажной цене, а зерно зачтено в уплату зернопоставок 1940 г. ...овес не передан в связи с вмешательством уполнаркомзаг и прокурора. В своих объяснениях по данному вопросу председатель РПС... и председатель исполкома райсовета... пишут, что это сделали с целью оказания помощи отстающим колхозам. Кроме того, тов. Тихонов пишет, что было согласовано с секретарем РК ВКП(б) т. Ершовым и последний тоже не возражал...» [6, л. 109]. Следовательно, районные руководители реализовывали разделенное право собственности на зерно путем его распределения между колхозами.

В декабре 1940 г. начальник управления НКВД по Вологодской области майор государственной безопасности Кондаков и начальник экономического отдела областного УНКВД старший лейтенант государственной безопасности Ковригин направили первому секретарю Вологодского обкома ВКП(б) П.Т. Комарову «специальное» сообщение «О состоянии торговли в Вологодской области», в котором отмечали: «В Нюксенском районе в течение 1940 года было организовано 3–4 однодневных колхозных базара. Цены на отдельные продукты на этих базарах устанавливались зав. райторготделом Березинным...» [5, л. 101]. Значит, руководитель торгового отдела районного исполкома самостоятельно устанавливал цены на колхозном базаре. Это обстоятельство демонстрирует его возможности по управлению экономикой колхозов и распоряжению колхозной собственностью.

Таким образом, в 1930-е гг. руководящие работники органов власти и предприятий постепенно становились ключевыми участниками процесса реализации разделенного права собственности. В этот период в стране начала формироваться новая система управления собственностью.

Литература и источники

1. Безнин, М. А. Первоначальное накопление капитала в Советской России: приглашение к научной дискуссии / М. А. Безнин, Т. М. Димони // Вопросы истории. – 2020. – № 7. – С. 22–42.
2. Государственный архив Вологодской области (ГАВО). Ф. П-1858. Оп. 2. Д. 207.
3. ГАВО. Ф. П-1858. Оп. 2. Д. 16.
4. ГАВО. Ф. П-1858. Оп. 2. Д. 321.
5. ГАВО. Ф. П-2522. Оп. 2. Д. 324.
6. ГАВО. Ф. П-2522. Оп. 2. Д. 462.
7. Дэвис, Р. У. Великобритания и Соединенные Штаты: анализ развития советской экономики в межвоенный период / Р. У. Дэвис // Россия XIX–XX вв. Взгляд зарубежных историков. – Москва : Наука, 1996. – С. 197–216.
8. Красный Север. – 1932. – 9 декабря (№ 278). – С. 1.
9. Холодный дом России: Документы, исследования, размышления о региональных приоритетах Европейского Севера / редактор-составитель С. И. Шубин. – Архангельск : Издательство Поморского педуниверситета им. М. В. Ломоносова, 1996. – 320 с.

R.A. Malakhov

**DEVIDED OWNERSHIP OF ENTERPRISES AND AUTHORITIES
IN THE EUROPEAN NORTH OF RUSSIA IN THE 1930S**

The author of the article shares the point of view that primitive accumulation was carried out in the Soviet Union. The paper studies the forms and methods of realizing the divided property right by the heads of enterprises and authorities. The territorial scope of the study includes the European North of Russia. The chronology of the work is explained by the fact that the 1930s were an important period in the formation of the process of primitive accumulation. The sources of the article are the office documents of regional authorities.

The study proves that the executives of government bodies and enterprises gradually became the key participants in the process of realizing the divided property right. A new property management system was formed in the country during this period.

Factory, kolkhoz (collective farm), cooperative, devided ownership, rayispolkom (district executive committee), raykom VKP(b) (district party committee of the all-union communist party), sovkhoz (state-run farm), bureaucracy.

А.С. Столетова
Вологодский государственный университет,
Вологодская государственная молочнохозяйственная
академия им. Н.В. Верещагина,
Северо-Западный институт (филиал) Университета им. О.Е. Кутафина (МГЮА)

«СЕЙЧАС ПОСТОЯННО ВСПОМИНАЮ ВАШИ СЛОВА: “ПИСАТЬ ТОЛЬКО ПРАВДУ!”»: О МОНОЛИТНОСТИ ТВОРЧЕСТВА И МИРОВОЗЗРЕНИЯ А.А. РОМАНОВА И А.Я. ЯШИНА

В настоящей статье с помощью впервые публикуемых эпистолярных данных характеризуется тактичное, доброжелательное отношение поэта Александра Романова к личности и творчеству Александра Яшина. Письма являются ценным источником личного происхождения и представляют значительный интерес для исследователей, так как позволяют непредвзято проследить специфику истории писательского движения середины XX в.

Русский Север, А.Я. Яшин, А.А. Романов, «деревенская проза», литературное творчество, идеологическая кампания, цензура, критика, газета, писательская организация.

Александр Александрович Романов (18.06.1930 – 5.05.1999), как и большинство вологодских литераторов, являлся носителем традиционной «крестьянской» линии в своем творчестве. Родился будущий писатель в д. Петряево Сокольского уезда Вологодской губернии. Деревенская бытность, которую описывали В. Белов, В. Астафьев, Ф. Абрамов, Н. Рубцов, находила живой отклик и отзвук в лирике автора. Критическая направленность произведений А.Я. Яшина также была созвучна с мировидением поэта. Многочисленные публицистические и литературные заметки А. Романова, посвященные развитию литературного движения в Вологодской области [1; 2; 3; 4; 6; 7; 8; 10], статья с характерным названием «Народные корни литературы: из истории Вологодской писательской организации», а также письма к А. Яшину за 1950–1960-е гг. [12] (хранящиеся в фонде Российской государственной библиотеки), констатируют монолитность мировоззрения писателей. Однако отметим, что в данной работе мы остановимся на этапе 1950-х гг., ставя перед собой цель рассказать в последующих публикациях о дружеской взаимосвязи авторов в период 1960-х.

С 1952 г. по направлению обкома комсомола А. Романов работал в редакции областной молодежной газеты «Вологодский комсомолец». Первая книга «Признание друзьям» была опубликована в 1956 г. В 1959 г. поэт был принят в Союз писателей СССР. С 1960 г. – обучался на 2-годичных литературных курсах в Москве, на семинаре, которым руководили Я. Смеляков, М. Луконин, критик А. Макаров [11, с. 478]. Вместе со своими единомышленниками и собратьями по перу на протяжении 1950-х гг. А. Романов трудился над созданием писательской организации, а в начале 1960-х гг. выступал членом бюро вологодского областного литературного объединения. Это время было наполнено чередой творческих встреч, семинаров молодых, начинающих авторов [15; 16]. Как писали З. Яшина, М. Яшин: «Для создания Вологодского отделения Союза писателей было много благоприятных оснований: прежде всего одаренная молодежь, талантливые писатели и постоянное по-

полнение их рядов, затем умные, энергичные, сердечные руководители их, какими были С. Викулов и позднее А. Романов, далее – свое, Вологодское книжное издательство, своя молодежная газета «Вологодский комсомолец», свой «Красный Север», литературные альманахи... Культурные мероприятия, издания, областные совещания, литобъединения поддерживались обкомом партии и обкомом комсомола» [18, с. 2]. Историю участия А. Яшина в организации Вологодского отделения Союза писателей следует начать с 1948 г., когда на литературном вечере в Вологодском педагогическом институте состоялась его первая встреча со студентами С. Викуловым, В. Дементьевым и А. Романовым (Там же). Позже подобные встречи стали регулярными, что, как отмечал Александр Романов, «всегда было праздником и уроком» [11, с. 471]. А. Романов вспоминал, что «Александр Яковлевич приезжал из Москвы нарочно, чтобы помочь начинающим землякам разобраться в своих рукописях и в самих себе. Он внимательно следил за литературным движением в своем исконно поэтическом крае» [2, с. 3; 5, с. 1]. Молодые авторы проявляли уважение, отзывчивость, поддержку в сложное время критики, идеологического давления власти. Даже в одностороннем публикуемом эпистолярном наследии прослеживается творческая и дружеская взаимосвязь писателей (см. подборку писем А. Романова за 1954–1957 гг.). Александр Яковлевич отвечал помощью в публикационном деле, составлял рекомендации, знакомил с именитыми литераторами, часто приезжал на родину, где участвовал в литературной деятельности [14, с. 77–97]. «Горячо вскидывая руки перед молодым, подающим надежды земляком, он вопрошал: “Где мысль? Дай свежую, глубокую мысль!”», – отмечал А. Романов [11, с. 475–476]. Он же свидетельствовал о том, как неожиданно и решительно А. Яшин организовал в Москве их поездку к В. Солоухину [9, с. 3].

Насколько трепетно относился Александр Романов к Александру Яшину можно проследить через следующее признание: «...в Петряеве вынул из яшин-

ской книги сигнальную травинку. Она и засохшая зеленела. Поцеловал ее и вновь вернул на прежнее место, к стихотворению “Родные слова”» [9, с. 3].

Александр Яшин и Александр Романов выступали не только за сохранение языковых и культурных традиций, но и за правдивое бытописание жизни деревень Русского Севера (см. письмо № 1, 5). В этом начинании 1950-х гг. они поддерживали друг друга. В 1956 г. в «Литературной Москве» был опубликован рассказ А. Яшина «Рычаги» о партийно-бюрократическом укладе жизни, в 1957 г. – злободневная повесть А. Яшина «В гостях у сына», отражающая болезни общественной морали [14, с. 50–51]. Вместе с тем, создавался прочный литературный круг авторов-сподвижников, напрямую дискутирующих с цензурой. В данном ряду нельзя не назвать В. Овечкина [13], В. Белова [17], Ф. Абрамова, А. Солженицына и т.д. В 1960-е гг. их проза будет наполнена остротой и бескомпромиссностью.

Выходя за рамки исследуемого периода, отметим, что А. Романов в течение длительного времени являлся главой писательской организации в Вологде (1964–1973, 1978–1980). Все это время и на протяжении своей жизни он чтит заветы А. Яшина. На рубеже 1960–1970-х гг. будут изданы поэмы «Северяновна» (1968), «Земля» (1969), «Черный хлеб» (1975), а также книги «Черный хлеб» (1975), «Северные поэмы» (1979), «Дни прозрения» (1985), «Русь уходит в нас» (1987), «Избранное» (1990), «Сторожевой луч» (2000).

Публикуемая подборка писем из Ф. 647. К. 21. Ед. хр. 55. Российской государственной библиотеки [12] содержит 5 писем Александра Романова к Александру Яшину за 1954–1957 гг. (см. документы 1–5). Письма, раскрывающие основные темы переписки, публикуются с незначительными сокращениями, не влияющими на содержание. Их текст оформлен в соответствии с современными правилами пунктуации и орфографии, стилистическая специфика документов сохранена. Нечитаемый текст рукописей выделен знаком <...>

**Письма Романова Александра Александровича
в адрес Яшина Александра Яковлевича
за 1954–1957 гг.**

№ 1

*Письмо А.А. Романова к А.Я. Яшину
от 22 октября 1954 г.*

Здравствуй, Александр Яковлевич!

<...> Сейчас постоянно вспоминаю Ваши слова: «Писать только правду!». Приложу все свои силы, все, что во мне есть, чтобы писать только так. С благодарностью вспоминаю все Ваши советы, резкие, но правильные слова. С Викуловым вчера разговаривали. Он сейчас работает над чем-то большим и серьезным. Видно, что он захвачен замыслом.

В Вологде – прежняя тишина, все так, как было. Очень бы хотелось узнать о судьбе присланных стихов. <...>

22 октября 1954 г.

Рукой А. Яшина оставлена надпись: «5 стихов из 6 стал в “Молодой колхозник”».

Источник: Российская государственная библиотека (РГБ). Отел рукописей. Ф. 647. К. 21. Ед. хр. 55. Л. 1.

№ 2

*Письмо А.А. Романова к А.Я. Яшину
от 2 февраля 1955 г.*

Здравствуй Александр Яковлевич!

Это Вас беспокоит Романов А. из Вологды. После той нашей встречи в октябре 1954 г. я много думал и писал. Писал преимущественно лирику. Тянет меня к ней. Но что получается? Как получается?

Вот посылаю 5 стихотворений, написанных недавно. Очень хочется знать Ваше мнение о них. Прошу хотя бы коротко ответить мне об этих стихах.

Живем мы в Вологде в последнее время интересней: оживляем литературное объединение, готовим литературный сборник. Уже провели обсуждение рассказов одного молодого инженера. Оно прошло активно: разговор шел о положении дел в деревне.

С Сергеем Викуловым¹ встречаюсь часто, постоянно. Он мне говорил, что Вы сообщили ему, что мои стихи будут использованы в «Молодом колхознике» Так ли это? <...>

2 февраля 1955 г.

Источник: РГБ. Отел рукописей. Ф. 647. К. 21. Ед. хр. 55. Л. 4.

№ 3

*Письмо А.А. Романова к А.Я. Яшину
от 3 октября 1955 г.*

<...> Был недавно в командировке в одном районе, видел, как идет разукрупнение некоторых колхозов, вспомнил вашу правильную речь на II съезде писателей². Есть хорошие сдвиги!

3 октября 1955 г.

Источник: РГБ. Отел рукописей. Ф. 647. К. 21. Ед. хр. 55. Л. 10.

№ 4

*Письмо А.А. Романова к А.Я. Яшину
от 2 января 1956 г.*

Здравствуй, уважаемый Александр Яковлевич!

Извиняюсь, что с небольшим опозданием, но от всей души поздравляю Вас с Новым годом, желаю в 1956 году всего самого хорошего!

К 1 января я вернулся из одной командировки, и мне в редакции показывают журнал «Молодой колхозник» № 12, в котором опубликованы мои стихи. Я был очень рад! И так благодарен Вам! Благодарен за все – и за поучительное для меня редактирование стихов, и за то, что они появились в свет. Вы писали, чтобы я не обижался за правку своих стихов. Я, конечно, не обижаюсь, а, наоборот, так внимательно, так вдумчиво вникаю сейчас в нее, как никогда раньше.

¹ С.В. Викулов – ответственный секретарь Вологодского отделения Союза писателей РСФСР в 1961–1964 гг.

² Крупнейшим литературно-политическим событием, в котором принял участие А. Яшин, явился II Всесоюзный съезд советских писателей, состоявшийся в Москве 15–26 декабря 1954 г. Выступивший в прениях утреннего заседания 21 декабря Александр Яковлевич произнес совсем не то, что ожидала власть от областного литератора. Подробнее см.: Столетова А.С. Александр Яшин: становление идеологии деревенской прозы и писательское поле Русского Севера: монография / А.С. Столетова; М-во науки и высш. образ. РФ, Вологод. гос. ун-т. Вологда: ВоГУ, 2018. С. 49.

ше, и думаю, что в дальнейшем буду писать точнее, экономнее, чем до сих пор.

После того как я посмотрел № 12 журнала, сразу почувствовал новую уверенность в своих силах, сразу захотелось работать еще лучше, еще напряженнее. Вы, я знаю, понимаете меня, и расписывать об этом много нечего – лучше дело делать.

Александр Яковлевич, я скоро буду в Москве, и очень хотелось бы с Вами встретиться. Я Вам предварительно позвоню по телефону.

Привет от Сергея Викулова. Мы здесь, в Вологде, провели областное совещание молодых литераторов. На нем были К. Коничев, Л. Хаустов. Участники совещания искренне жалели, что не было Вас и Сергея Орлова. Еще раз желаю Вам всего доброго, еще раз благодарю Вас.

2 января 1956 г.
А. Романов.
Вологда.

Источник: РГБ. Отел рукописей. Ф. 647. К. 21. Ед. хр. 55. Л. 12.

№5

*Письмо А.А. Романова к А.Я. Яшину
от 6 мая 1957 г.*

Здравствуй, дорогой Александр Яковлевич!

Извиняюсь, что пишу с опозданием. Но не писать не могу. Я, как и мои товарищи, был взволнован и Вашим рассказом «Рычаги», и его обсуждением³. Прочитал его сразу же, как только в руки попала «Литературная Москва».

Рассказ произвел на меня сильное впечатление, потому что в нем заложен особый, так редко встречающийся в литературных произведениях заряд. Рассказ поразил прежде всего откровенностью изображения, он правдив по своей сути, верно показывает один из характерных отсталых колхозов Севера и главное – одну из характерных черт многих людей – двуличность. И описание всего этого, столько раз виденное своими глазами, вызывало во мне вновь чувство ожесточенной злости к таким горе-правителям.

И тысячу раз, по-моему, не прав критик Друзин⁴, который сказал, что этот рассказ написан бесстрастно, с равнодушием к судьбам людей. Нет, наоборот, и роман Дудинцева, и ваш рассказ, рассказы Жданова и другие написаны с горечью душевной, с болью в сердце. Это скрыть нельзя даже от самого неискущенного читателя.

Правда, рассказ местами излишне сгущен, в нем использованы кое-какие устаревшие детали. Например, доска почета и доска позора (красная и черная). Таких досок, сколько я как газетчик не ездил по нашим районам, не видел, хотя хорошо помню из детства. <...> Может быть следовало бы ввести другие детали, характеризующие сегодняшнюю атмосферу

³ Подробнее см.: Столетова А.С. Александр Яшин: становление идеологии деревенской прозы и писательское поле Русского Севера: монография / А.С. Столетова; М-во науки и высш. образ. РФ, Вологод. гос. ун-т. Вологда: ВоГУ, 2018. С. 98–111.

⁴ Валерий Павлович Друзин (26 октября [8 ноября] 1903 года, Сестрорецк Санкт-Петербургской губернии – 28 декабря 1980 года) – советский литературовед, критик и педагог, редактор.

колхозной жизни (все-таки замечается некоторый, хотя пока очень медленный, подъем экономики).

Я, конечно, понимаю невысказанную подлинную цель и критика Друзина <...>, об этом мы с вами предполагали при встрече зимой в Москве. Меня раздражает то, что многие критики просто делают карьеру. <...>

6 мая 1957 г.

Источник: РГБ. Отел рукописей. Ф. 647. К. 21. Ед. хр. 55. Л. 16.

Литература

1. Ответственность писателя [Интервью с ответственным секретарем Вологодского отделения Союза писателей РСФСР А. А. Романовым] // Красный Север. – 1966. – 10 апреля. – С. 7.

2. Романов, А. Будут новые книги / А. Романов // Красный Север. – 1966. – 24 декабря. – С. 3.

3. Романов, А. Долг перед партией и народом / А. Романов // Красный Север. – 1969. – 25 марта. – С. 3.

4. Романов, А. Дороги творческие / А. Романов // Красный Север. – 1966. – 14 сентября. – С. 3.

5. Романов, А. Он стоял у истоков / А. Романов // Вологодский комсомолец. – 1986. – 27 мая. – С. 1.

6. Романов, А. Писатели и художники снова в пути / А. Романов // Красный Север. – 1968. – 23 июня. – С. 3.

7. Романов, А. Поэты и «Вологодский комсомолец» / А. Романов // Вологодский комсомолец. – 1966. – 4 мая. – С. 3.

8. Романов, А. Совесть и работа / А. Романов // Вологодский комсомолец. – 1981. – 19 августа. – С. 2.

9. Романов, А. Травинка / А. Романов // Красный Север. – 1996. – 21 сентября. – С. 3.

10. Романов, А. Чтоб слышала вся страна... / А. Романов // Вологодский комсомолец. – 1960. – 4 февраля. – С. 1.

11. Романов, А. Народные корни литературы: из истории Вологодской писательской организации / А. А. Романов // Литературная Вологда. – Вологда: Книжное наследие, 2007. – С. 461–483.

12. Российская государственная библиотека (РГБ). Отел рукописей. Ф. 647. К. 21. Ед. хр. 55.

13. Столетова, А. С. «Я все время чувствую тебя за своей спиной как старшего товарища, советчика и большого друга»: о близости убеждений и творческом единении писателей А. Я. Яшина и В. В. Овечкина / А. С. Столетова // Вестник Вологодского государственного университета. Серия: Исторические и филологические науки. – 2022. – № 2. – С. 14–21.

14. Столетова, А. С. Александр Яшин: становление идеологии деревенской прозы и писательское поле Русского Севера: монография / А. С. Столетова; Министерство науки и высшего образования Российской Федерации, Вологодский государственный университет. – Вологда: ВоГУ, 2018. – 143 с.

15. Столетова, А. С. Образование и деятельность Вологодской писательской организации в 1950–1960-е гг. / А. С. Столетова // Вопросы территориального развития. – 2013. – Вып. 1 (1). – URL: <http://vtr.isert-ran.ru/article/1313/full> (дата обращения: 09.06.2023). – Текст: электронный.

16. Столетова, А. С. Роль А.Я. Яшина в становлении Вологодской областной писательской организации / А. С. Столетова // Ярославский педагогический вестник. – 2014. – № 2. – Т. 1. – С. 301–306.

17. Столетова, А. С. Русская деревня в жизни и творчестве В.И. Белова в 1960-е гг. / А. С. Столетова. – DOI: 10.31166/VoprosyIstorii201812Statyi03 // Вопросы истории. – 2018. – № 12. – С. 111–119.

18. Яшина, З. От всего сердца: к 20-летию Вологодской писательской организации / З. Яшина, М. Яшин // Вологодский комсомолец. – 1981. – 19 августа. – С. 2.

A.S. Stoletova

**«NOW I OFTEN REMEMBER YOUR WORDS: “WRITE ONLY THE TRUTH!”»:
A.A. ROMANOV’S AND A.Ya. YASHIN’S WORKS AND WORLD VIEWS INTERRELATION**

The article shows a tactful, benevolent attitude of the poet Alexander Romanov to the personality and creative activity of Alexander Yashin. It is based on the epistolary data published for the first time. The letters are a valuable source of personal origin and are of considerable interest to researchers, as they help to impartially trace the specifics of the writing movement history of the middle of the 20th century.

Russian North, A.Ya. Yashin, A.A. Romanov, «village prose», literary creativity, ideological campaign, censorship, criticism, newspaper, writers' organization.

УДК 82-6

5.9.1. Русская литература и литературы народов Российской Федерации

Э.И. Гарифуллина

Московский государственный областной университет

ВЗАИМОСВЯЗЬ ТЕАТРА И ПОЛИТИКИ В ЭПИСТОЛЯРНОМ НАСЛЕДИИ А.И. ГЕРЦЕНА: «ПИСЬМА ИЗ ИТАЛИИ И ФРАНЦИИ» И ПИСЬМО М.С. ЩЕПКИНУ

В статье анализируются тексты «Писем из Италии и Франции» А.И. Герцена и его письмо известному русскому актеру М.С. Щепкину на предмет экспликации многоаспектной взаимосвязи театральной и политической сфер, существующей в сознании писателя.

А.И. Герцен, письмо, эпистолярный жанр, театр, «Письма из Италии и Франции», русский европеизм.

В некотором смысле антагонистическими аспектами отношения Александра Ивановича Герцена к современной ему социокультурной реальности являются, с одной стороны, искренний патриотизм, несколько не приглушенный вынужденной эмиграцией в Европу, с другой – внимание литератора к происходящим на Западе активным социально-политическим процессам, свидетелем которых он являлся. Большая в сравнении с основной массой либералов-западников радикальность критической оценки Герценом политической ситуации на Родине мотивировала его воспринимать либеральные проявления в западной культуре в первую очередь как возможные пути политической борьбы. Следует отметить, что взаимосвязь культурных и политических мотивов представляется характерной и для движения западничества в целом: искусство одновременно является отражением актуального для общественной мысли того времени стремления к преобразованиям и инструментом для изложения общественными деятелями политических взглядов. Вызывает интерес специфика этой взаимосвязи в миропонимании Александра Ивановича.

О театре

Одной из ключевых культурных сфер в фокусе непрерывного и внимательного наблюдения Александра Ивановича является театр, высказывания о котором при высокой частотности имеют весьма разнородный характер (что в целом соответствует эпистолярной манере автора). Следует отметить, что театральная сфера как элемент Герценовской картины мира в том или ином ракурсе является предметом множества научных работ. К примеру, исследователь С.В. Савинков выделяет в мировоззрении Герцена «позицию зрителя», в качестве одного из аргументов важности которой выдвигается следующее утверждение: «...В более широком контексте эта позиция являлась для Герцена выражением одной из двух возможных позиций жизненных (жизненной позиции

созерцателя и жизненной позиции деятеля)» [7, с. 10]. В дальнейшем намеченная автором антиномия «актер, деятельное лицо, пассионарий – зритель, наблюдатель, субпассионарий» получила развитие в работах других исследователей, небезосновательно распространившись на плоскость политических и философских воззрений Герцена.

Особое внимание литератора к театральной сфере подчеркивает исследовательница В.А. Лебедева в работе «Образ театра в художественных мемуарах А.И. Герцена». Анализируя фрагменты автобиографической хроники «Былое и думы» с театральной тематикой, она отмечает: «Не случайно оценка и России, и Европы впервые появляется именно в описании театра» [6, с. 42] – и далее: «Образ театра в “Былом и думах” становится средством выражения позиции автора “Былого и дум” как западника» (Там же, с. 43). В дальнейшей научной работе Валентина Александровна на базе более полного и глубокого анализа текста художественных мемуаров Герцена делает следующее заключение: «Образ театра в художественных мемуарах Герцена приобретает особенное значение. Театр становится некоей метафорой, которая организует систему персонажей» [1, с. 12], подтверждая его множеством примеров и наблюдений. Данный вывод представляется закономерным проявлением Герценовского стремления использовать театральную форму как инструмент для изложения его политических взглядов.

Немалый интерес для уточнения и дополнения существующей в мировоззрении Герцена взаимосвязи театральной и политической сфер представляют эпистолярные заметки литератора на данную тему. При этом разнородность эпистолярного материала позволяет составить более объемную картину интересующего нас сопряжения: при условии единства темы искренность рассуждений частного характера дополняется большей логической завершенностью высказываний в открытых письмах.

Письмо к М.С. Щепкину

Одним из первых писем Герцена после его приезда в Париж, касающихся театральной тематики, является письмо личному знакомому литератора русскому актеру М.С. Щепкину. Исследователь Л.Р. Ланский в обширной и подробной работе «Герцен и Франция» отмечает: «В своем известном письме из Парижа, адресованном М.С. Щепкину, Герцен с горечью констатировал, что большинство парижских театров, приспособившихся к низменным вкусам “материальной силы, силы сегодняшнего дня” – богатой буржуазии (“мещанства”, по терминологии Герцена), – довело себя до позорного падения (XXIII, 19–23)» [5, с. 277]. В контексте данного исследования анализ текста письма представляется тем более интересным, поскольку размышления, высказанные в частном письме актеру, получили развитие в публичных «Письмах из Италии и Франции»: по замечанию Р.Л. Ланского, «эту же мысль (об упадке театра. – Э. Г.) он [Герцен] развивает и в “Письмах из avenue Marigny”» (Там же, с. 280).

Письмо, датированное 23 марта (11 апреля) 1847 года, состоит из двух листов и обладает занимательными стилистическими особенностями: в конце первого листа Герцен пишет: «Ну, думаете вы, наконец-то конец-то. А я беру другой лист» [3, с. 22] – и следующий лист начинается с приветствия, вопроса о здоровье и предложения сигарки, что является ничем иным как своеобразной стилистической игрой с адресатом. Попутно отметим, что этот и подобные приемы, используемые Герценом в личных письмах, сближают его эпистолярные тексты с публицистическими и даже художественными.

Письмо Герцена содержит множество рассуждений, уже в самом начале Герцен заявляет о своем намерении поговорить на тему театра в общих чертах, не решая никаких практических вопросов: «Я давно собирался говорить с вами – вы догадываетесь, о чем – о здешних театрах и о главных представителях» (Там же, с. 19) Герцен рассуждает о дороговизне билетов, актерских талантах, большом количестве времени, которое парижане проводят в театрах, большом количестве самих театров, а более всего – о театральных вкусах мещан. Примечательно, что столь невысоко оценивая притязания парижан, Герцен, однако, дает положительную оценку актерским талантам и сокрушается об их несоответствии низкому качеству пьес. Еще одна выразительная особенность позиции литератора, нашедшая выражение в письме, – видя в мещанских взглядах основу упадка культуры, он, тем не менее, не распространяет негативную оценку на народные массы, проводя четкую грань между непристойными и безвкусными водевилями для мещан и представлениями для людей низких сословий: «Чем беднее здесь человек, тем он далее от мещанина в хорошую сторону» (Там же, с. 21). Во втором листе, завершая тему театра, Александр Иванович сообщает немало подробностей своей частной жизни, что в целом ему не свойственно, – этот эпистолярный факт эксплицирует Герценовское восприятие данного письма как личного, несмотря на почти полную уверен-

ность литератора в том, что письмо станет известно кругу его московских друзей.

Таким образом, данный эпистолярный текст представляет собой развернутое рассуждение Герцена о собственных свежих впечатлениях от театральной жизни Парижа. Несмотря на отсутствие какой бы то ни было утилитарной функции, письмо, тем не менее, содержит не только множество оценочных суждений, но и попытку обоснования автором сложившейся ситуации социально-политическими причинами.

Следует отметить, что обрывочные высказывания о театральной жизни присутствуют в большинстве писем Герцена на Родину в первой половине 1847 года, а также в фрагментах, написанных его супругой Натальей Александровной; кроме того, в конце мая литератор излагает в письме С.И. и Т.А. Астраковым намерение составить заметку о театре для печати [3, с. 22]. Указанные наблюдения, несомненно подкрепляя суждение о значительности театральной сферы для Герцена, тем не менее не будут проанализированы в данной работе в силу фрагментарности, вторичности содержания, малого объема.

«Письма из Франции и Италии»

Одним из наиболее значительных образцов эпистолярного жанра в творческом наследии Герцена является написанный им в 1847–1852 годах цикл открытых «Писем из Италии и Франции», где также проявляется неразрывная взаимосвязь политики и театра, существующая в сознании литератора. Это произведение представляет наибольший для данного исследования интерес в силу жанровой специфики: при общей искренности высказываний, присущей эпистолярным формам, формируемая в тексте позиция имеет в большей мере законченный характер, что характерно для форм литературных. Кроме того, основанием для сближения «Писем...» с частной перепиской является факт создания первых в ходе путешествия (хронологические особенности написания): каждое письмо имеет собственную дату и место написания. Данный принцип создания «Писем...» обуславливает их более искренний характер в сравнении с художественной литературой, непосредственность отраженных впечатлений. Наконец, положенные в основу «Писем...» умозаключения были ранее зафиксированы Герценом и в личной переписке – представляются небезынтересными сходства и различия двух способов изложения одной и той же информации.

Занимательны детали написания и публикации «Писем...»: автор составляет каждое письмо по несколько дней, чем и объясняется частое отсутствие композиционного единства, обилие постскриптов, дополнений, частая и неожиданная смена тем. Умеренность в критике и сглаживание резких высказываний в первых четырех письмах цикла объясняется расчетом Герцена на их публикацию в русской подцензурной прессе – они действительно были опубликованы в «Современнике». Дальнейшие письма в России опубликованы быть не могли, и в них автор перестал смягчать высказываемые точки зрения в угоду требованиям цензуры.

В вопросе соприкосновения сфер политики и театра наибольший интерес представляют второе и третье «Письма...» Герцена, поскольку в этот момент он находится во Франции в центре политических событий и высказывается о них наиболее непосредственно; в то же время любопытна разноплановость взаимодействия в тексте «Писем...» театральной формы и политического содержания.

В третьем открытом письме (от 20 июня 1847 г.) в фокус внимания Герцена попадает муж известной французской писательницы Дельфины де Жирарден Эмиль де Жирарден – известный публицист, занимающийся политическими делами, уличающий министров Гизо во взятках. В тексте письма Герцен облекает в форму театрального обзора политическое дело, парламентские дебаты. «К пошлым и тяжелым фарсам, в которых актеры старой школы друг друга ругают, друг друга надувают – для общественного удовольствия. Тут на первом плане модная комедия “Эмиль Жирарден и продажное пэрство”» [2, с. 55] – Герцен имел в виду на шумевший в 1847 году процесс юриста Жирардена, разоблачившего намерение министра внутренних дел Дюшателя продать одному лицу звание пэра Франции и место в палате пэров.

Позже Герцен вновь упоминает фамилию Жирарден. Несмотря на то что письмо касается театральной тематики, в нем не упоминается имевшая успех у публики пьеса «Клеопатра» Дельфины де Жирарден. Однако интерес у Герцена вновь вызывает муж писательницы Эмиль Жирарден – и вновь в политическом контексте. Этот момент проанализирован в работе «Герцен и Франция» Л.Р. Ланского: «Письмо третье “Писем из avenue Marigny” целиком посвящено французскому театру, оно завершается упоминанием о “модной комедии” и “бенефисе Жирардена” <...> Герцен имел в виду не бенефис какого-то актера, а судебный процесс известного политического дельца и журналиста, издателя газеты “Presse”, члена палаты депутатов Э. Жирардена, который внезапно выступил в своей газете с сенсационными разоблачениями министров и ряда высокопоставленных лиц, обвиняя их в коррупции и должностных преступлениях. За это Жирарден был предан суду палаты пэров. “Ловкий, злой” удар, нанесенный Жирарденом, превратил “развращающее министерство”, по словам Герцена, в “порочный столб”» [5, с. 280].

Что же касается собственно темы театра как вида искусства, то во втором письме (от 3 июня 1847 г.) Герцен отмечает во французской публике неприязнательность и потерю художественного вкуса: «Стало, парижане поглупели, потеряли вкус и образование; заключение основательное, приятное и которое, я уверен, многим очень понравится; остается узнать, так ли на самом деле; остается узнать, весь ли Париж выражают театры, и какой Париж – Париж, стоящий за ценс, или Париж, стоящий за ценсом; это различие первой важности» [2, с. 29]. «Ценсом» Герцен называет высокий имущественный ценз избирательного права, монополизирующий власть в руках верхушки буржуазии. «За ценс» стояла лишь небольшая, достаточно обеспеченная часть французского общества, все прочие стояли «за ценсом». Далее, в письме, Герцен приходит к выводу: «Богатая буржуазия платит за все,

и театр всего более выражает потребности, интересы мещанства» [2, с. 33]. Посредственное влияние буржуазии на театральную сферу и вызванное этим влиянием разочарование Герцена стали одной из тем уже упомянутой нами работы «Герцен и Франция» исследователя Л.Р. Ланского: «Другими приметам (наряду с весьма посредственной по мнению Герцена ежегодной художественной выставкой в Луврском музее. – Э. Г.) «смерти» буржуазного класса Герцен здесь же называет его литературу, газеты, «ученые общества» <...> а также театр» [5, с. 276]. Автор отмечает также и восприятие Герценом театра как наиболее серьезного плацдарма для формирования предельно достоверного представления о фактическом состоянии парижского общества: «Сценические представления интересовали его не только с эстетической точки зрения, но и как реальная возможность изучения Франции и ее народа» (Там же, с. 277).

К подобным выводам о разочаровании Герцена в мещанстве приходит и исследователь А.С. Калугин в работе «Философская компаративистика: Герцен и Киреевский о проблеме выбора пути Россией»: «Мещанство, по Герцену, есть последнее слово цивилизации, основанной на безусловном самодержавии собственности. Герцен переживает, что все слои общества могут быть подвержены этому процессу. Он с прискорбием замечает, что мещанство пробралось во все тайники семейной и частной жизни». Репрезентация обеспеченных буржуа как ключевого фактора упадка театрального искусства вполне вписывается в контекст политических взглядов: «Наследник блестящего дворянства и грубого плебеизма, буржуа соединил в себе самые резкие недостатки обоих, утратив достоинства их» [4, с. 15]. Позиция литератора по отношению к привилегированным классам эксплицируется обнаружением политической подоплеки в состоянии театрального искусства.

Таким образом, даже обращаясь к столь нейтральной теме, как театр, Герцен освещает в ней лишь связанные с политикой аспекты. Примечателен двухсторонний характер связи театра и политики для Герцена: с одной стороны, форма театрального обзора представляется ему наиболее удачной для описания политического процесса, но с другой – причину увядания, измельчания театра во Франции Герцен находит в политической сфере.

Вывод

Проделанный анализ эксплицирует существование тесной взаимосвязи театральной и политической сфер в мироощущении Герцена. Привлекает внимание и многогранный характер контакта рассматриваемых сфер. На формальном уровне театральная постановка нередко выступает предпочтительной оболочкой для наиболее эффектного представления политического аргумента. Еще более глубокое взаимодействие происходит на смысловом уровне: корень деградации театральной сферы во Франции Герцен усматривает в политической обстановке – чрезмерном влиянии на искусство обеспеченных классов. Данные умозаключения находят подтверждение как в личной переписке литератора – в частности, в его письме М.С. Щепкину, так и в открытых «Письмах из Италии и Фран-

ции». Выводы из данного исследования дополняют уже сложившуюся в русском литературоведении картину о применимости театральных фигур, объектов и их соотношения к социально-политической сфере, сформировавшуюся на базе анализа художественных произведений Александра Ивановича – в частности, его труда «Былое и думы». Кроме того, автором данной работы были попутно отмечены композиционное своеобразие текстов, стилистические особенности эпистолярной манеры литератора, представляющие потенциальный интерес в герценоведении. Наконец, сделанные выводы могут быть использованы в дальнейших исследованиях эпистолярного и творческого наследия Герцена как в политологической, так и в филологической плоскости.

Литература

1. Веселова, В. А. Культурный мир западника в мемуарах А. И. Герцена «Былое и думы»: специальность 10.01.01 «Русская литература»: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Веселова Валентина Александровна. – Вологда, 2012. – 22 с.
2. Герцен, А. И. Письма из Италии и Франции // Собрание сочинений в 30 томах // А. И. Герцен ; Академия наук СССР, Институт мировой литературы им. А. М. Горького. – Москва : Наука, 1954–1965. – Т. 5. – С. 5–226.
3. Герцен А. И. Письмо М. С. Щепкину. // Собрание сочинений в 30 томах // А. И. Герцен ; Академия наук СССР, Институт мировой литературы имени А. М. Горького. – Москва : Наука, 1954–1965. – Т. 23. – С. 19–23.
4. Калугин, А. С. Философская компаративистика: Герцен и Киреевский о проблеме выбора пути Россией / А. С. Калугин, Г. Л. Терехова // Альманах современной науки и образования. – 2011. – № 7. – С. 14–16.
5. Ланский, Л. Р. Герцен и Франция / Л. Р. Ланский // Литературное наследство. – 1985. – Т. 96. – С. 254–306.
6. Лебедева, В. А. Образ театра в художественных мемуарах А. И. Герцена / В. А. Лебедева // Вестник Череповецкого государственного университета. – 2010. – № 3 (26). – С. 42–46.
7. Савинков, С. В. Антропология Герцена 30–40-х годов как жизненная и творческая задача : специальность 10.01.01 «Русская литература»: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Савинков Сергей Владимирович. – Воронеж, 1994. – 18 с.

E.I. Garifullina

INTERRELATION OF THEATER AND POLITICS IN A. I. HERZEN'S EPISTOLARY HERITAGE: «LETTERS FROM ITALY AND FRANCE» AND A LETTER TO M.S. SHCHEPKIN

The article analyzes the texts of "Letters from Italy and France" by A.I. Herzen and his letter to the famous Russian actor M.S. Shchepkin for the purpose of explicating the multidimensional interrelation between theatrical and political spheres that exist in the writer's mind.

A.I. Herzen, letter, epistolary genre, theater, «Letters from Italy and France», Russian Europeanism.

Л.В. Егорова

Вологодский государственный университет

КАК РОМАН ГУЛЬ РЕДАКТИРОВАЛ ВАРЛАМА ШАЛАМОВА (НА ПРИМЕРЕ РАССКАЗА «СЕНТЕНЦИЯ»)

Статья посвящена одному из эпизодов истории публикации «Колымских рассказов» В.Т. Шаламова нью-йоркским «Новым журналом» (1966–1976). Полноправным редактором в это время был Р.Б. Гуль. Впоследствии он называл публикацию Шаламова своей исторической заслугой. Однако как редактор Гуль не проявлял корректности по отношению к автору и его текстам. Он вносил в произведения Шаламова весьма существенную правку, характер которой показан в статье на примере рассказа «Сентенция» – первого из пятидесяти, опубликованных им в «Новом журнале».

«Сентенция», «Колымские рассказы», Варлам Шаламов, Роман Гуль, «Новый журнал», первая публикация.

В настоящее время мной подготовлена к печати монография «Издать и перевести невозможное: из истории “Колымских рассказов”». Книга посвящена истории первой публикации «Колымских рассказов» В.Т. Шаламова нью-йоркским «Новым журналом» (об этом говорится в 1-й главе), редакции М.Я. Геллера книги «Колымские рассказы», изданной в Лондоне в 1978 г. (2-я глава), переводов на английский язык Джона Глэда (3-я глава). В первой главе книги представлен подробный рассказ о «Новом журнале», о том, кто вывез «Колымские рассказы» из СССР, почему Роман Гуль считал рассказы «самым большим подарком для “Нового журнала”» (цит. по: [5, с. 234]), о самом Р.Б. Гуле и его самовольстве при редактировании Шаламова. Это – продолжение направления исследования, начатого Яковом Клоцем. Именно он дал подробную реконструкцию и интерпретацию истории первых публикаций Шаламова на Западе [5; 11]. В данной статье рассмотрим подход Гуля к редактированию рассказов Шаламова на примере первого из опубликованных им рассказов.

О том, что Гуль не собирался следовать воле Шаламова – его композиции колымской эпопеи, свидетельствует первый же выпуск рассказов в № 85 «Нового журнала» (№ 4 за 1966 г.). Он открывается отнюдь не рассказом «По снегу» (этот рассказ не будет представлен). От «Сентенции», заключительного рассказа второго цикла «Колымских рассказов» «Левый берег», Гуль вернется к первому циклу. Он пропустит «На представку» (опубликует в следующем номере), «Ночь» (рассказ не будет им опубликован), «Плотники» (будет в № 91) и «Одиночный замер» (будет в № 89). Не комментируя разброс, отметим, какие еще рассказы, кроме «Сентенции», Гуль включил в первый для читателей Шаламова выпуск: «Посылка», «Кант», «Сухим пайком». У Шаламова после «Посылки» идет «Дождь», но этот рассказ, по всей видимости, не был одобрен Гулем. Не буду останавливаться на дальнейших нарушениях художественной логики «художественной ткани» Шаламова – для Гуля их

словно не существовало. Закономерный вопрос неизбежен. Почему Гуль, декларировавший целью журнала «свободное творчество, свободную мысль», считал возможным нарушить в первом выпуске (и нарушать далее – во всех последующих) авторский замысел «Колымских рассказов»? Думается, ощущение целостного цикла очевидно и без знания комментария Шаламова, подчеркивавшего в эссе «О прозе» (1965):

Композиционная цельность – немалое качество «КР». В этом сборнике можно заменить и переставить лишь некоторые рассказы, а главные, опорные, должны стоять на своих местах. Все, кто читал «КР» – как целую книгу, а не отдельными рассказами – отметили большое, сильнейшее впечатление. Это говорят все читатели. Объясняется это не случайностью отбора, тщательным вниманием к композиции [8, с. 159].

Недоумение по поводу редактирования Гуля усиливается в связи с тем, что, если выбор пал именно на эти рассказы, логично было бы предположить, что их он оценил. Почему же он их правил, и была ли правка необходима? Наконец, какова реакция Шаламова на публикацию?

Известно, что № 85 «Нового журнала» был в домашней библиотеке Шаламова, откуда затем попал в архив Шаламова в РГАЛИ. В книге «Шаламов» серии «ЖЗЛ» В.В. Есипов справедливо предположил, что журнал – не сразу, а спустя какое-то время – могли передать знакомые, общавшиеся с зарубежными дипломатами и журналистами:

Шаламов, по свидетельству Сиротинской, был «взбешен» этой публикацией, которая заведомо разрушала художественную структуру его сборников: она начиналась в журнале почему-то «Сентенцией» и затем – в течение почти десятка лет! – тасовалась, как карты, в зависимости от воли редактора. При этом, что было самым оскорбительным для Шаламова, создавалось впечатление о его постоянном тайном сотрудничестве с «Новым журналом», что вызывало к нему дополнительное внимание. («При

моей и без того трудной биографии только связей с эмигрантами мне не хватало», – писал он в дневнике.) [4, с. 294].

Обратимся к первоисточнику – интервью И.П. Сиротинской Джону Глэду, где она сначала повторила, а затем скорректировала его формулировку о *недовольстве* Шаламова Гулем:

Глэд. Он был недоволен Романом Гулем, редактором нью-йоркского «Нового журнала».

Сиротинская. Да, очень недоволен, он был просто в бешенстве. Гуль печатал его аптекарскими дозами. Первую книгу Варлам Тихонович отправил на Запад через Надежду Яковлевну Мандельштам. Насколько я знаю, это была единственная попытка публикации, предпринятая с его ведома. Но Шаламова очень разочаровало то, что сделали с его первой рукописью. Он ждал, что его издадут отдельным томом, что будет удар, резонанс, а из-за публикации маленькими дозами исчез эффект. Позже он счел, что Запад его не оценил, и перестал поддерживать отношения с западными гостями. Так что все последующие публикации были взяты из «самиздата» [3, с. 212–213].

Ситуация сложилась парадоксальная. Гуль гордился: «Мы печатали Шаламова больше десяти лет и были первыми, кто открыл Западу этого замечательного писателя, взявшего своей темой – страшный и бесчеловечный ад Колымы» (цит. по: [5, с. 234–235]). Кларенс Браун, занимавшийся переправкой материалов Осипа и Надежды Мандельштам, а затем Шаламова в Штаты, считал себя борцом культурного фронта: «...мы вели войну на культурном фронте, публикуя писателей, которые раздражали убивших их диктаторов» [1, с. 439]. Шаламов же «был просто в бешенстве». Его гневное письмо в «Литературную газету» 15 февраля 1972 г. (напечатано 23 февраля) говорит само за себя:

Мне стало известно, что издающийся в Западной Германии антисоветский журнальчик на русском языке «Посев», а также антисоветский эмигрантский «Новый журнал» в Нью-Йорке <...> публикуют в своих клеветнических изданиях мои «Колымские рассказы». <...>

Подлый способ публикации, применяемый редакцией этих зловонных журнальчиков – по рассказу-два в номере – имеет целью создать у читателя впечатление, что я – их постоянный сотрудник.

Эта омерзительная змеиная практика господ из «Посева» и «Нового журнала» требует бича, клейма... [7].

Рассматривая первый из напечатанных Гулем рассказов Шаламова, приходишь к выводу, что не только сам факт разрозненной, беспорядочной публикации рассказов, но и характер правки мог возмутить автора. По меркам Гуля, «Сентенция» – не самый урезанный и сильно исправленный рассказ («Шоковую терапию», например, Гуль, значительно сократив, превратил в «Рауш-наркоз»). Гуль должен был высоко оценить «Сентенцию», чтобы именно ею открыть публикацию Шаламова в «Новом журнале». Тем не менее, правки много, и много выпущенного текста. Очевидно, что редактор брал на себя роль «скульптора, отсекающего все лишнее», ориентируясь на некую свою «норму», основой которой, как можно догадываться,

был его личный вкус, собственные стилистические пристрастия¹. Такая редакторская правка обычно называется «вкусовой», в принципе, отвергаемой правилами литературного редактирования. Но у Р. Гуля на этот счет, по-видимому, были свои правила.

Его правка подчас оправдана грамматикой, но воспринимается как излишне «правильная» для Шаламова, интуитивно ощущавшего естественность разговорной речи. У Шаламова – индивидуальный интонационный и звуковой рисунок. Это – «проза Поэта», согласно И.П. Сиротинской [6], или, как писал сам Шаламов (см., например, «О моей прозе») «рассказы на звуковой основе».

Читая Шаламова, чувствуешь, что он ставит знаки препинания согласно произносимому (здесь и далее цитирую по собранию сочинений – СС: [9, с. 357–364]):

Люди возникали из небытия – один за другим. Незнакомый человек ложился по соседству со мной на нары, приваливался ночью к моему костлявому плечу, отдавая свое тепло – капли тепла – и получая взамен мое.

Гуль (здесь и далее цитирую по: [10, с. 8–11]) нарушает эту органику (здесь и далее подчеркнуто мной):

...отдавая свое тепло – капли тепла, и получая взамен мое.

У Шаламова пунктуация отражает структуру, смысл, интонацию. Его постановка тире требует серьезного исследования многозначности, семантики этого знака². Тире у Шаламова, прежде всего, – сигнал о значительной внутрифразовой паузе. В его тире – значительное собственно логическое и эмоционально-экспрессивное наполнение. Пунктуация выступает как особый семиотический код. Гуль, по-видимому, этого не ощущал.

Не учитывал он и того, что, согласно традициям русской художественной прозы, паремии в тексте не выделяются кавычками, а органично вплетаются в повествование. У Шаламова пословицы и поговорки становятся «своими», авторское растворяется в общем, народном:

Я никогда не задавал им вопросов, и не потому, что следовал арабской пословице: не спрашивай – и тебе не будут лгать. Мне было все равно – будут мне лгать или не будут, я был вне правды, вне лжи. У блатных на сей предмет есть жесткая, яркая, грубая поговорка, пронизанная глубоким презрением к задающему вопрос: не веришь – прими за сказку.

Гуль в данном случае, во-первых, дважды закавычил (вопреки Шаламову и нормам), во-вторых, убрал важное для Шаламова выделительное тире (не спрашивай – и тебе не будут лгать), в-третьих, убрал эпитеты яркая, грубая из характеристики поговорки:

Я никогда не задавал им вопросов, и не потому, что следовал арабской пословице: «Не спрашивай_и тебе не будут лгать». <...> У блатных на сей предмет есть жесткая_поговорка, пронизанная глубоким

¹ Вопрос о стиле Р. Гуля-прозаика (автора повести «Ледяной поход», автобиографии «Конь рыжий» и многих других произведений) в сопоставлении со стилем Шаламова заслуживает специального исследования.

² Искренняя признательность за обсуждение этих проблем к.ф.н., доценту ВоГУ Елене Павловне Андреевой.

презрением к задающему вопрос: «*Не веришь – прими за сказку*».

Правку Гуля, казалось бы, можно воспринять как излишнюю, ненужную, но, на самом деле, проблема глубже. Сопоставляя варианты Шаламова и Гуля, мы убеждаемся, что постановка лишних знаков препинания приводит подчас к нарушению правил русской пунктуации и, как правило, затемняет авторский смысл, меняет логический акцент. Читая Шаламова, мы ощущаем поток его мыслей, чувств. Гуль, если не останавливает, то замедляет этот поток. В данном случае замедляет постановкой ненужного тире перед *злойбой*, словно мы имеем дело не с потоком сознания; а также запятой после *и*, выделяющей деепричастный оборот. Там, где Шаламов повествует, устремляясь вперед, Гуль расчленяет поток сознания.

СС: *Что оставалось со мной до конца? Злоба. И храня эту злобу, я рассчитывал умереть.*

Гуль: *Что оставалось со мной до конца? – Злоба. И храня эту злобу, я рассчитывал умереть.*

Продолжу цитирование.

СС: *Но смерть, такая близкая совсем недавно, стала понемногу отодвигаться. Не жизнью была смерть замещена, а полусознанием, существованием, которому нет формул и которое не может называться жизнью.*

Гуль: *... Не жизнью была замещена смерть, а полусознанием, существованием, которому нет формул и которое не может называться жизнью.*

У Шаламова за счет постановки причастия после существительного, не исключено, острее воспринимается эта оппозиция: *жизнь – смерть*, и потом вводится *полусознание*, не сливаясь со *смертью*, как у Гуля.

Гуль стремится к унификации, но его унификация разговорности Шаламова неизменно разочаровывает.

СС: *Я работал кипятыльщиком – легчайшая из всех работ, легче, чем быть сторожем, но я не успевал нарубить дров для титана, кипятыльника системы «Титан».*

Гуль: *Я работал кипятыльщиком – легчайшая из всех работ, легче, чем быть сторожем, но я не успевал нарубить дров для «Титана», кипятыльника системы «Титан».*

Далее – аналогично:

СС: *Я никогда не мог вовремя вскипятить воду, добиться, чтобы титан закипал к обеду.*

Гуль: *Я никогда не мог вовремя вскипятить воду, добиться, чтобы «Титан» закипал к обеду.*

Привлеку внимание к тому, что Гуль выпускает, а выпускает он много.

1) В журнале сохранено авторское:

Колыма научила всех нас [Гуль изменяет порядок слов – нас всех] различать питьевую воду только по температуре. Горячая, холодная, а не кипяченая и сырая.

Еще раз подчеркну, что изменение порядка слов так же, как и изменение пунктуационных знаков, приводит к иному восприятию смысловых акцентов автора.

Следующего абзаца у Гуля нет:

Нам не было дела до диалектического скачка перехода количества в качество. Мы не были философами. Мы были работягами, и наша горячая питьевая вода этих важных качеств скачка не имела.

Рассуждение показалось редактору «Нового журнала» слишком философическим?

2) Далее мы видим шаламовское предложение:

Я ел, равнодушно стараясь съесть все, что попало на глаза, – обрезки, обломки съестного, пропilogодные ягоды на болоте.

Следующие два предложения пропущены:

Вчерашний или позавчерашний суп из «вольного» котла. Нет, вчерашнего супа у наших вольняшек не оставалось.

Причину пропуска сложно предположить, как и в следующем случае.

3) Упущено предложение об анекдоте:

Существовал в юности, в детстве анекдот, как русский обходился в рассказе о путешествии за границу всего одним словом в разных интонационных комбинациях.

Следующее предложение дано:

Богатство русской ругани, ее неисчерпаемая оскорбительность [здесь Гуль поставил запятую] раскрылась [у Гуля – раскрылись] передо мной не в детстве и не в юности.

Об анекдоте, соответственно, Гуль снова убирает:

Анекдот с ругательством выглядел здесь как язык какой-нибудь институтки.

4) Гуль последовательно ограничивает экспрессивность и размах Шаламов (подчеркиваю им выпущенное):

Я прокричал это слово, встав на нары, обращаясь к небу, к бесконечности:

– Сентенция! Сентенция!

И захохотал.

– Сентенция! – орал [у Гуля – кричал] я прямо в северное небо, в двойную зарю, орал, еще не понимая значения этого родившегося во мне слова. А если это слово возвратилось, обретено вновь тем лучше, – тем лучше! Великая радость переполняла все мое существо [у Гуля – переполнила меня].

5) Исчезают и шаламовские кавычки для обозначения прозвища. У Шаламова они воспринимаются органично:

– Псих и есть! Ты – иностранец, что ли? – язвительно спрашивал горный инженер Вронский, тот самый Вронский. «Три табачинки».

– Вронский, дай закурить.

– Нет, у меня нету.

– Ну, хоть три табачинки.

– Три табачинки? Пожалуйста.

Из кисета, полного махорки, извлекались грязным ногтем три табачинки.

6) Выпускает Гуль и следующие подчеркнутые мной реплики:

– Иностранец? – Вопрос переводил нашу судьбу в мир провокаций и доносов, следствий и добавок срока.

Но мне не было дела до провокационного вопроса Вронского. Находка была чересчур огромна.

– Сентенция!

– Псих и есть.

С этим финальным произнесением новооткрытого слова и реакцией у Шаламова звучит психологически сильнее.

7) Подчас, как в разговоре о реке, «Новый журнал» проявляет небрежность.

СС: *Ее вечное движение, рокот неумолчный, свой какой-то разговор, свое дело, которое заставляет воду бежать вниз по течению сквозь встречный ветер, пробиваясь сквозь скалы, пересекая степи, луга.*

Гуль: *Ее вечное движение, покой, неумолчный, свой...*

8) И снова Гуль позволит себе вычеркивать, пропускать. В «Новом журнале» есть предложения:

Сентенция! Я сам не верил себе, боялся, засыпая, что за ночь это вернувшееся ко мне слово исчезнет. Но слово не исчезло.

Всего дальнейшего нет.

СС: *Сентенция. Пусть так переименуют речку, на которой стоял наш поселок, наша командировка «Рио-рита». Чем это лучше «Сентенции»? Дурной вкус хозяина земли – картографа ввел на мировые карты Рио-риту. И исправить нельзя.*

Сентенция – что-то римское, твердое, латинское было в этом слове. Древний Рим для моего детства был историей политической борьбы, борьбы людей, а Древняя Греция была царством искусства. Хотя и в Древней Греции были политики и убийцы, а в Древнем Риме было немало людей искусства. Но детство мое обострило, упростило, сузило и разделило два этих очень разных мира. Сентенция – римское слово.

Гулю рассказы Шаламова казались очень однообразными и очень тяжелыми по темам (см. его письмо Брауну от 29 сентября 1966 г. при возвращении рукописи [5, с. 240]). Думается, что данный отрывок под эти критерии ни в коей мере не подпадает. Почему же он, как многие другие, удален?

9) Гуль продолжает править, снимая накал чувств Шаламова, размах, объемлющий мир, небо:

*Неделю я не понимал, что значит слово «сентенция». Я шептал это слово, выкрикивал, пугал и смешил этим словом соседей [Гуль: Я шептал его, пугал и смешил им соседей]. Я требовал у мира, у неба разгадки, объяснения, перевода. [Я хотел разгадки...] И далее снова убрано: *А через неделю понял – и содрогнулся от страха и радости. Страх – потому что пугался возвращения в тот мир, куда мне не было возврата. Радости – потому что видел, что жизнь возвращается ко мне помимо моей собственной воли.**

10) Не исключаю, что в силу неразборчивости машинописи, но Гуль поправил шаламовское начало предложения: *На огромном листовничном пне...* – в пользу листовного пня.

11) Убрал он и памятное своей выразительностью последнее предложение:

Шеллачная пластинка кружилась и шипела, кружился сам пень, заведенный на все свои триста кругов, как тугая пружина, закрученная на целых триста лет...

Правку особенно странно сознавать, когда ты прочел изначальную сноску к публикации на странице 5 (рассказы Шаламова и в дальнейшем будут часто открывать выпуски журнала):

Рукопись этих рассказов мы получили с оказией из СССР. Автор их В.Т. Шаламов, поэт и прозаик, прошедший в концентрационных лагерях около 20 лет. Мы печатаем «Колымские рассказы» без согласия и ведома автора. В этом мы приносим В.Т. Шаламову

наши извинения. Но мы считаем нашей общественной обязанностью опубликовать «Колымские рассказы» как человеческий документ исключительной ценности. Первый рассказ «Сентенция» посвящен Н.Я. Мандельштам – жене погибшего в концлагере поэта Осипа Мандельштама [10, с. 5].

Безусловно, нужно было руководствоваться не только общественной обязанностью, но и личной ответственностью (в данном случае я имею в виду главного редактора – Романа Борисовича Гуля): публиковать написанное автором. Этот человеческий документ исключительной ценности достаточно было просто воспроизвести максимально аутентичным способом. Судя по уже упомянутому письму К. Брауну, Гуль счел рукопись ценной, но в публикацию целой книги он не верил: «Из нее надо бы сделать не очень большую книгу – страниц в 150–200 (большую ни один читатель не осилит)» [5, с. 240].

Пройдет еще 12 лет, прежде чем в 1978 г. в Лондоне выйдет 895-страничная книга «Колымские рассказы» под редакцией М.Я. Геллера. Он начнет предисловие с рассказа о страшной судьбе Шаламова и справедливо оценит как, *быть может, самый страшный удар* тот факт, что:

«Колымские рассказы», попав на Запад, не выйдут книгой, а печатаются на протяжении многих лет, по одному-два, вразброс, бессистемно, нередко «исправленные». Как если бы картина Рембрандта, обнаруженная на чердаке, была разрезана на мелкие куски, а потом демонстрировалась как куча обрезков. Возможно и по отдельным кускам – вот глаз, вот рука – удалось бы понять, что перед нами великое произведение искусства. Но картины – не было бы [2, с. 5–6].

Не упоминая фамилий, Геллер говорил и о Гуле. Он подчеркивал, что выпускает книгу «со всей возможной полнотой. Со всей возможной – в отсутствие автора – точностью, по рукописи, распространявшейся в самиздате» (Там же, с. 6). С одной стороны, это был реальный шаг вперед по сравнению с публикациями Гуля. С другой – Шаламов был жив и осенью 1978 г. даже ездил в Ялту в Дом творчества.

Литература

1. Браун, К. Воспоминания о Н. Я. Мандельштам и беседы с ней / К. Браун ; перевод с английского В. Литвинова // «Посмотрим, кто кого переупрямит...»: Надежда Яковлевна Мандельштам в письмах, воспоминаниях, свидетельствах / составитель и автор идеи Павел Нерлер. – Москва : Редакция Елены Шубиной : АСТ, 2015. – С. 434–483.

2. Геллер, М. М. Предисловие / М. М. Геллер // Шаламов, В. Т. Колымские рассказы. – London : Overseas Publications Interchange, 1978. – С. 5–16.

3. Глэд, Дж., Сиротинская, И.П. Жизнь и смерть Варлама Шаламова. Интервью Джона Глэда с Ираидой Павловой Сиротинской / Дж. Глэд, И. П. Сиротинская // Время и мы. – Нью-Йорк, 1992. – № 115. – С. 204–220.

4. Есипов, В. Шаламов / В. Есипов. – 2-е изд., испр. – Москва : Молодая гвардия, 2019. – 346 с.

5. Клоц, Я. Шаламов глазами русской эмиграции: «Колымские рассказы» в «Новом журнале» / Я. Клоц // «Закон сопротивления распаду». Особенности прозы и поэзии Варлама Шаламова и их восприятие в начале XXI века : сборник научных трудов / под редакцией С. Соловьева, В. Еси-

пова, Я. Махонина [и др.]. – Прага : Национальная библиотека Чешской Республики – Славянская библиотека ; Москва : Веб-сайт Shalamov.ru, 2017. – С. 231–257.

6. Сиротинская, И. Александр Солженицын о Варламе Шаламове / И. Сиротинская // Новый мир. – 1999. – № 9. – URL: https://magazines.gorky.media/novyi_mi/1999/9/aleksandr-solzhenitsyn-o-varlame-shalamove.html (дата обращения: 10.01.2023). – Текст : электронный.

7. Шаламов, В. Письмо в «Литературную газету» / В. Шаламов // Литературная газета. – 1972. – 23 февраля. – URL: <https://shalamov.ru/library/24/73.html> (дата обращения: 10.01.2023). – Текст : электронный.

8. Шаламов, В. О прозе // Шаламов В. Собрание сочинений в шести томах / В. Шаламов ; составление, подготов-

ка текста, примечания И. Сиротинской. – Москва : Терра-Книжный клуб, 2005. – Т. 5. – С. 153.

9. Шаламов, В. Сентенция / В. Шаламов // Шаламов, В. Т. Собрание сочинений в четырех томах. – Москва : Художественная литература, Вагриус, 1998. – Т. 1. – С. 357–364.

10. Шаламов, В. Сентенция / В. Шаламов // Новый журнал. – Нью-Йорк, 1966. – № 85. – С. 5, 8–11.

11. Klots, Y. Varlam Shalamov Between Tamizdat and the Soviet Writers' Union (1966–1978) / Y. Klots // Russian Literature. – Amsterdam. – 2018. – № 96–98. – P. 137–166. – URL: <https://www.colta.ru/articles/literature/13546-varlam-shalamov-mezhdu-tamizdatom-i-soyuzom-sovetskih-pisateley-1966-1978> (дата обращения: 10.01.2023). – Текст : электронный.

L.V. Egorova

**ROMAN GUL'S EDITING OF VARLAM SHALAMOV'S «KOLYMA STORIES»
(AS INDICATED BY THE STORY «SENTENTIA»)**

The article is devoted to one of the episodes in the history of publication of Varlam Shalamov's «Kolyma Stories» by «The New Review» in New York (1966–1976). The chief editor at that time was Roman Gul. Subsequently, he called the publication of Shalamov his historical achievement. However, as an editor, Gul showed his extreme arbitrariness towards the author and his texts. He made a severe edit to Shalamov's works. The nature of his editorial approach is shown in the article on the basis of the story «Sententia» – the first of Shalamov's fifty stories published in «The New Review».

«Sententia», «Kolyma Stories», Varlam Shalamov, Roman Gul, «The New Review», the first publication.

Е.О. Орлова

*Новгородский государственный университет
им. Ярослава Мудрого*

ЖИТИЙНЫЕ МОТИВЫ В РАСКРЫТИИ ОБРАЗА АЛЕКСАНДРА НЕВСКОГО (НА ПРИМЕРЕ ДЕТСКОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ)

В художественных книгах о святом благоверном князе Александре Невском, адресованных детям, можно выделить житийные мотивы: мотив молитвы и мотив чуда, основной источник для которых – Первоначальная редакция жития XIII века. Авторские толкования раскрывают христианское понимание литературного героя.

Мотив, топос, житие, детская литература, молитва, чудо.

Святой благоверный князь Александр Невский в силу идейной значимости для русского народа неоднократно становился героем литературных произведений, в том числе и для детей. В.Г. Дидковская назвала Житие Александра Невского (Летописную или Первоначальную редакцию 80-х гг. XIII в.) «центром притяжения» русской агиографии, в частности, как образец для составления житийных повестей о князьях-воинах [5, с. 293]. Можно использовать предлагаемую характеристику и в отношении многих детских книг о святом князе – Житие и для них выступает неизменным «центром притяжения». Нам хотелось бы рассмотреть, насколько древнерусский текст выступил не только как источник информации, но и определил включение житийных мотивов в художественную литературу, адресованную детям.

Считаем уместным обозначить соотношение литературного мотива (т.к. речь идет о художественных текстах) и житийного топоса.

В литературоведческих словарях и учебниках мотиву даются следующие характеристики:

- устойчивый смысловой элемент художественного текста, повторяющийся в фольклорных и литературно-художественных произведениях [6];
- компонент произведения, обладающий повышенной значимостью (семантической насыщенностью), родственной теме, идее, но не тождественный им [21, с. 280];
- минимальный компонент художественного произведения, неразложимый далее элемент содержания [16].

Топос как «общее место» в агиографической литературе может также принять на себя обозначенные характеристики. Например, рождение от благочестивых родителей или раздача имущества бедным после смерти родителей могут рассматриваться и как устойчивые смысловые элементы, и как семантически насыщенные компоненты, и как минимальные компоненты жития.

А.Д. Степанов в работе «Понятие “топос” – проблема границ», определяя направления исследования, среди предлагаемых вопросов, ставит и такой: «Како-

во соотношении “топоса” и “мотива”...? Как нам кажется, в известных определениях мотива... можно указать на проблемы, очень похожие на те, что очерчены» по отношению к топосу, например «является ли мотив категорией формальной или содержательной?» [17, с. 43]. О.М. Беланова отмечает, что «в медиевистике есть две тенденции в определении понятия “общие места” (“топосы”): расширенное и узкое понимание» [3, с. 137]. Мы разделяем расширенное понимание, при котором, по словам Т.Р. Руди, «топосом может быть любой повторяющийся элемент текста – от отдельной устойчивой литературной формулы до мотива, сюжета или идеи» [15, с. 61]. Т.Р. Руди, исследуя корпус русских монашеских житий, определяет, «что существенной характеристикой этого типа агиографического повествования является детально разработанная система литературных топосов – мотивов, образов, устойчивых формул, библейских и святоотеческих цитат и т.д.» [14, с. 497]. По ее мнению, в схему монашеского жития могут быть включены несколько мотивов, например мотив божественных знамений или мотив предсмертного наставления святого (иногда в соединении с мотивом небрежения к телу) [14, с. 497, 499]. Т.Р. Руди и Е.Г. Водолазкин, рассматривая развитие житийной топики в сочинениях выговской литературной школы, показывают обогащение агиографических мотивов: «Примечательно, что, обращаясь к житийной топики, агиограф нередко развивает традиционные мотивы, усложняя их психологическим обоснованием. Так, в главке “О пострижении во иноческий образ” он не просто использует мотив первоначального отказа отроку в постриге из-за его юности, но распространяет его в соответствии с конкретной ситуацией» [13, с. 96].

Н.А. Непомнящих отмечает, что «в литературоведении нет единого мнения о том, что считать “житийным мотивом”»: иногда под этим термином подразумевают именно сюжетную единицу (В.К. Васильев, М.Н. Климова, А.В. Ранчин), иногда “житийный мотив” – это любой элемент, напоминающий о житиях или христианстве “вообще” и чаще всего тематически связанный с идеей праведничества или святости» [9,

с. 131–132]. Исследователь подчеркивает, что понятие «топос», представленное Т.Г. Руди по отношению к житиям, несколько шире, чем традиционно понимаемый литературоведением мотив: как правило, мотив – единица сюжета или темы, а топос – любой повторяющийся житийный элемент, даже сугубо риторический [9, с. 125].

Итак, мы будем говорить о житийном мотиве по отношению к литературному произведению как об элементу, напоминающем о конкретном тексте жития, соотнося мотив с топосами агиографических сочинений.

В качестве житийного источника для анализа детских книг была выбрана Первоначальная редакция XIII века – «Повесть о житии и о храбрости благоверного и великого князя Александра» [12]. Как указывает В.И. Охотникова, «Повесть о Житии Александра Невского... дошла до нас в нескольких редакциях XIII–XVII вв. История ее текста необычайно сложна...» [11, с. 354]. Текстологическая история жития (редакции, списки) не является предметом рассмотрения предлагаемой статьи. Можно назвать исследование В.И. Мансикка 1913 года издания, не утратившее актуальности и в XXI веке [7], статью В.И. Охотниковой в «Словаре книжников и книжности Древней Руси» [11]. Мы разделяем суждение В.И. Охотниковой о Первоначальной редакции, почему и остановили свой выбор на этом варианте: «Велико значение Первоначальной редакции Повести для древнерусской литературы. Она явилась основным источником для всех последующих редакций памятника» (Там же, с. 357).

Для анализа были взяты несколько художественных произведений. Отметим, что мы не обращались к адаптированным для детей вариантам жития. Кроме того, мы исключили детские книги советского периода. Среди них есть много достойных литературных работ. Там встречаются заимствования из жития, например рассказ о страже ижорского старосты Пелгусия [18], но, по нашему мнению, это использование исторического эпизода и имени, а не мотивов. Мы обратились к следующим изданиям: Алмазов Б.А. Святой благоверный князь Александр Невский [1]; Амирголова В.Н. Светлый княжич Александр: Повесть о детстве благоверного князя Александра Невского [2]; Воскобойников В.М. Александр Невский [4]; Отец и сын. Святые благоверные князья Александр Невский и Даниил Московский [10].

По нашему мнению, ведущим житийным мотивом в детских книгах, посвященных благоверному князю Александру Невскому, выступает молитва. С одной стороны, молитва – одно из «общих мест» агиографической литературы. Сложно представить житие святого без молитвы. С другой стороны, интерес представляют конкретные обстоятельства, которые вызвали у героя потребность в определенной молитве. Мы считаем, что во фрагменте, посвященном Невской битве, молитве принадлежит определяющая роль в раскрытии образа святого князя-воина. Н.В. Трофимова, автор исследований по древнерусской воинской повести [20], в одной из работ указывает на логическую схему воинских повестей, которая включает три традиционных этапа: «подготовка битвы – сражение – последствия похода» [19, с. 559]. При этом возможно появление элементов, не укладывающихся в предложен-

ную схему, например авторское вступление [19, с. 559]. По мнению специалистов, в тексте «Жития Александра Невского» используются традиции двух жанров – жития и воинской повести [3, с. 143], что позволяет анализировать «Повесть о жизни и о храбрости благоверного и великого князя Александра» не только как агиографическое произведение, но и литературное. Применим для анализа одного из фрагментов жития прием, когда каждая часть композиции будет обозначена названием. В результате выстраивается такая последовательность: «вызов» – «молитва» – «действия князя» – «чудо» – «битва/победа». Чудо явления святых Бориса и Глеба можно понимать как своеобразный ответ Господа на молитву (обращение) благоверного князя. Этим композиционным приемом автор жития доносит до читателя мысль: не было бы молитвы – не было бы и победы, что и подчеркивает первостепенное значение молитвы рассматриваемого отрывка.

Напомним слова молитвы из текста жития: «...начал молиться со слезами: *Боже славный, праведный, Боже великий, крепкий, Боже пречечный, сотворивший небо и землю и постановивший пределы народам, Ты повелел жить, не ступая в чужие пределы! И вспомнив псаломскую песнь, сказал: Суди, Господи, обидевших меня и побори борющихся со мной, возьми оружие и щит, восстань на помощь мне*» [12, с. 193]. Текст приведен в переводе Ю.К. Бегунова [12].

Во всех выбранных книгах, где представлено описание Невской битвы, присутствует молитва князя и ее место – Софийский собор, характеристика молитвенного состояния – слезно молился. Лишь в одном издании воспроизведена молитва близкая тексту Первоначальной редакции, в одном – краткий вариант, в другом – дополненный. При этом важен контекст и авторские комментарии, сопровождающие молитву.

Воскобойников В.М.: «А князь в это время находился в храме Святой Софии. Пав на колени пред алтарем, он слезно молил Бога о помощи. – Господи, – просил он, – побори борющихся со мною. *Возьми щит и латы и восстань на помощь мне!*» [4, с. 24].

Алмазов Б.А.: «В трудные минуты привык князь искать силы в молитве. Пошел он в храм святой Софии Новгородской и стал горячо, со слезами молить Бога: *Боже славный, Боже великий, Боже вечный! Сотворивший небо и землю и положивший границы народам, чтобы каждый жил в своих землях, не ступая в чужие пределы... Суди, Господи, обидящих меня и борющихся со мною! Возьми оружие и щит, восстань на помощь мне!* И с каждым словом молитвы укреплялось в юном князе мужество, – видно, сам Господь вливал силы в его душу» [1, с. 14].

Ананичев А.: «А князь Александр тем временем слезно молился в соборном храме Святой Софии, упав на колени перед алтарем: – *Боже всемогущий и праведный! Боже великий и крепкий! Боже пречечный, сотворивший небо и землю и поставивший пределы языком, и жити повелевший, не преступая в чужие части...* Слыши словеса гордого варвара сего, похваляющегося разорить святую веру православную и пролитии хотяща кровь христианскую, призри с небесе и виждь и посети нас, винограда Своего, и суди

обидящих мя, и возбрани борющимся со мною, *прими оружие и щит, и стани в помощь мне*, да не рекут врази наши, где есть Бог их? Ты бо еси Бог наш и на Тя уповаем!» [10, с. 36].

Если В.М. Воскобойников емко и кратко излагает основное течение происходящего, то Б.А. Алмазов, авторскими словами, обрамляющими молитву, дает характеристику князю (в трудные минуты привык молиться), а также подчеркивает значимость Божией помощи молитвеннику. У А. Ананичева происходит расширения текста молитвы из Первоначальной редакции заимствованиями из более поздних житийных вариантов. Так, у М. Хитрова в издании 1893 г. в молитву включены те слова, которые использует и А. Ананичев в детской книге, при этом автор дореволюционного издания ссылается на Степенную книгу, сборник XVI в. [22, с. 61–62].

Обратим внимание, что все авторы сохраняют цитату из 34 Псалма, представленную в житийном фрагменте с молитвой. Можно предположить, что этот выбор определен не только выразительностью слов, но и желанием показать образованность князя, продемонстрировать современному читателю книжную просвещенность древней Руси.

Итак, авторы детских книг не ограничиваются текстом жития только Первоначальной редакции, но и считают возможным добавлять слова более поздних и расширенных вариантов. Отметим, что в книге А. Ананичева и основной текст молитвы дан максимально в варианте без перевода. Как нам думается, в данном случае авторская позиция расширения текста молитвы продиктована желанием писателя приблизить читателя к агиографическому образу святого князя-воина, отсюда и слова без перевода, и несколько житийных источников.

Повесть В.И. Амиргуловой рассказывает о детстве княжича, поэтому не включает описание Невской битвы, а соответственно, и молитву в Софийском Соборе. Однако автор, следуя раскрытию святого образа, представленного в житии, неоднократно включает молитву в содержание повествования. Одна из глав так и называется «Молитва под звездами» [2, с. 58–60]. Завершается книга рассказом о сражении на Омовже 1234 года, когда юному князю было 13 лет. Примечательно, что в этой битве русским войскам под предводительством Ярослава Всеволодовича удалось загнать рыцарей Ордена меченосцев под лед. Военный опыт, к которому позднее обратится талантливый полководец, позволяет предположить и о молитвенном опыте накануне сражения. «Ночью Александр молился на коленях перед иконой Спасителя так горячо, как никогда. Слова молитвы неудержимо рвались из сердца... Просил княжич Бога, чтоб помог Он русским воинам в борьбе с супостатами, ну а тех, кто сложит голову за Отчину, принял бы в райские обители: – Господи, защити, пощади, не дай надругаться врагам над Русью!» (Там же, с. 88).

Таким образом, житийный мотив молитвы, представленный в рассмотренных детских книгах, вписан в содержание и как раскрытие конкретного исторического момента, и как проявление святости благоверного князя, свойственное его душе. Мотив молитвы призван помочь юному читателю полнее понять образ

литературного героя и исторической личности. При этом важно христианское понимание этого элемента текста. Глубокая и сердечная (слезная) молитва в агиографии рассматривается как проявление святости. Уверенность в истинности общения с Богом выступает источником духовных сил в самых, казалось бы, безвыходных ситуациях, поэтому молитва князя в художественных текстах, адресованных детям, должна восприниматься не только как необходимый атрибут подобной литературы, а как важнейший смысловой элемент.

Другим житийным мотивом можно считать мотив чуда (знамения). Чудо в христианстве понимается как одно из проявлений святости – возможное, но обязательное [8, с. 2–3].

Примечательно, что в «Повести о житии и о храбрости благоверного и великого князя Александра» не так много чудес, два из них – явление святых Бориса и Глеба и принятие прощальной молитвы (духовной грамоты) – представлены в большинстве детских книг. Обратимся к первому чуду-знамению, в частности, не самому описанию видения, а к восприятию его князем, которое выражает его отношение к чуду. Житийный текст: *Вскоре после этого приехал князь Александр. Пелгий, же взглянул радостно на князя Александра и поведал ему одному о видении. Князь же сказал ему: «Об этом не рассказывай никому»* (в данном случае имя *Пелгий* записано как в варианте Ю.К. Бегунова) [12, с. 194]. У пытливого читателя должен возникнуть вопрос, почему князь-воин произносит эти слова, ведь, казалось бы, такое явное Господне участие должно приободрить дружину и ополченцев, или же полководец опасается ослабленного состояния войска уже победившего перераспределенно. Авторы детских книг могут предложить свою интерпретацию житийного текста. Приведем ответы князя. Воскобойников В.М.: «Пелгусий, волнуясь, рассказал ему о чудесном видении. – Пока не говори об этом никому, – попросил князь. – Ну что враги, где они?» [4, с. 24]. Алмазов Б.А.: «И в тот же день встретил Пелгусий конную дружину Александра и рассказал о своем видении князю. Александр приказал ему молчать, сам же понял, что это знак Божий! И как молния устремился на шведов» [1, с. 18]. Ананичев А.: «Божие благословение на нас, – облегченно выдохнул князь. – Но я прошу тебя, Пелгусий, не говорить об этом никому, пока не увидим славы Божией» [10, с. 37].

Отметим, что ни один из авторов не отказался от этого момента, все сохранили слова князя, записанные в Житии. Думается, это вызвано не только желанием максимально опираться на агиографический источник, но и пониманием значимости высказывания, записанного современником. Важно, чтобы читатель вслед за литературным героем воспринял чудо как знак участия Божьего. Объяснение приказа/просьбы о молчании толкуется в основном необходимостью активных самостоятельных действий, по принципу *на Бога надейся, но сам не плошай*. Показательна реплика Александра Невского в тексте В.М. Воскобойникова, как будто воин прямо сейчас начнет сражение. Мы считаем, что допустимо и иное понимание слов святого князя-воина. Молитва, если

она не соборная, это личное общение человека с Богом. Возможно, и знамение оценивалось как ответ лично святому, открытый благочестивому старейшине земли Ижорской (напомним, что в Житии указывается на крещение старейшины, его богоугодное житие и соблюдение постов), чтобы быть позднее представленным христоролюбивым потомкам. Поэтому князь и не считал возможным предьявление Божьего ответа всем.

Итак, рассмотренные нами детские книги об Александре Невском содержат житийные мотивы, которые служат христианскому раскрытию героя литературного произведения. Следовательно, педагогу при обращении в образовательном процессе к описанным сочинениям необходимо воспринимать тексты не только как художественные или информативные, но и как материалы христианской смысловой наполненности.

Литература

1. Алмазов, Б. А. Святой благоверный князь Александр Невский / Б. А. Алмазов. – Санкт-Петербург : АртДеко, 2013. – 44 с.
2. Амиргулова, В. Н. Светлый княжич Александр: Повесть о детстве благоверного князя Александра Невского / В. Н. Амиргулова. – Москва, 2016. – 96 с.
3. Беланова, О. М. «Общие места» в Первоначальной редакции «Жития Александра Невского» и в поздних редакциях XIX в / О. М. Беланова, Н. В. Трофимова // Научные труды молодых ученых-филологов XIV : материалы Всероссийской научно-методической конференции (Москва, 14–17 октября 2014 г.) / Министерство образования и науки Российской Федерации, Московский педагогический государственный университет, Институт филологии и иностранных языков, Учебно-научный центр филологии. – Москва : Литера, 2015. – С. 137–144.
4. Воскобойников, В. М. Александр Невский / В. М. Воскобойников. – Москва : Росмэн, 2003. – 47 с.
5. Дидковская, В. Г. Житие Александра Невского в истории русской агиографии / В. Г. Дидковская // Ученые записки Новгородского государственного университета. – 2022. – № 3 (42). – С. 290–295.
6. Литературный словарь. – URL: <http://niv.ru/doc/dictionary/literary-dictionary/fc/slovar-204.htm#zag-511> (дата обращения: 10.08.2022). – Текст : электронный.
7. Мансика, В. Й. Житие Александра Невского. Разбор редакций и текст / В. Й. Мансика. – Санкт-Петербург, 1913. (Памятники древней письменности и искусства. № 180). – 225 с.
8. Митрополит Крутицкий и Коломенский Ювеналий. Канонизация святых в русской православной церкви. Доклад на XII Международных Рождественских Образовательных чтениях «Подвиг новомучеников и исповедников Российских и духовное возрождение Отечества», 25 января 2004 г., Москва, Государственный Кремлевский дворец. – 16 с.
9. Непомнящих, Н. А. Житийные сюжеты и мотивы в новой литературе: к вопросу об изучении и классификации / Н. А. Непомнящих // Сюжетология и сюжетография. – 2019. – № 1. – С. 123–138.
10. Отец и сын. Святые благоверные князя Александр Невский и Даниил Московский. – Москва : Издательство Московской Патриархии, 2010. – 152 с.
11. Охотникова, В. И. Повесть о Житии Александра Невского / В. И. Охотникова // Словарь книжников и книжности Древней Руси / ответственный редактор Д. С. Лихачев. Выпуск 1. (XI – первая половина XIV в.). – Ленинград : Наука, Ленинградское отделение, 1987. – С. 354–363.
12. Повесть о жизни и о храбрости благоверного и великого князя Александра // Бегунов Ю. К. Александр Невский: Жизнь и деяния святого и благоверного великого князя. – Москва : Молодая гвардия, 2003. – С. 192–199.
13. Руди, Т. Р. Из истории литературной топики: старообрядческая традиция / Т. Р. Руди, Е. Г. Водолазкин // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. – 2019. – № 6 (183). – С. 92–99.
14. Руди, Т. Р. О композиции и топике житий преподобных / Т. Р. Руди // Труды Отдела древнерусской литературы / Российская академия наук. Институт русской литературы (Пушкинский Дом) ; ответственный редактор О. В. Творогов – Санкт-Петербург : Дмитрий Буланин, 2006. – Т. 57. – С. 431–500.
15. Руди, Т. Р. Топика русских житий (вопросы типологии) / Т. Р. Руди // Русская агиография. Исследования. Публикации. Полемика / Российская академия наук. Институт русской литературы (Пушкинский дом). – Санкт-Петербург : Дмитрий Буланин, 2005. – С. 59–101.
16. Словарь литературоведческих терминов. – URL: <https://www.textologia.ru/slovari/literaturovedcheskie-terminy/motiv/?q=458&n=134> (дата обращения: 10.08.22). – Текст : электронный.
17. Степанов, А. Д. Понятие «топос» – проблема границ / А. Д. Степанов // Мир русского слова. – 2018. – № 2. – С. 41–46.
18. Тихомиров, О. Н. Александр Невский : Слово о походах : [для младшего школьного возраста] / О. Тихомиров ; [художник В. Перцов]. – Москва : Малыш, 1975. – 31 с.
19. Трофимова, Н. В. Из истории древнерусской воинской повести / Н. В. Трофимова // Герменевтика древнерусской литературы. – 2004. – № 11. – С. 558–590.
20. Трофимова, Н. В. Поэтика древнерусского воинского повествования / Н. В. Трофимова ; Московский педагогический государственный университет. – Москва : Московский педагогический государственный университет, 2017. – 276 с.
21. Хализев, В. Е. Теория литературы : учебник / В. Е. Хализев. – 4-е изд., испр. и доп. – Москва : Высшая школа, 2004. – 405 с.
22. Хитров, М. Святой благоверный великий князь Александр Ярославович Невский: Подробное жизнеописание с рисунками, планами и картами / М. Хитров. – Москва : Панорама, 1991. – 288 с.

E.O. Orlova

HAGIOGRAPHIC MOTIFS IN REVEALING THE IMAGE OF ALEXANDER NEVSKY (ON THE EXAMPLE OF CHILDREN'S HISTORICAL LITERATURE)

There are two important hagiographical motifs in the children's fiction books about Saint Alexander Nevsky: the pray motif and the miracle motif. They develop from the first original edition of his hagiography in the 13th century. The writer's interpretations show the Christian lifestyle of the hero.

Motif, topos, hagiography, children's literature, prayer, miracle.

Ю.А. Скиба

Санкт-Петербургская средняя общеобразовательная школа № 508

РЕТРОСПЕКТИВНЫЙ КОНТЕКСТ ВОСПРИЯТИЯ АВТОБИОГРАФИЧЕСКОЙ ПРОЗЫ С.Т. АКСАКОВА

В статье предлагается новый взгляд на творчество С.Т. Аксакова в культурно-историческом аспекте. Если в перспективе наследниками традиций аксаковской прозы можно считать Бунина, Осоргина, Шмелева, Пришвина, то в ретроспективном плане речь идет не столько о персоналиях, сколько об определенных архетипических паттернах, связанных с традиционными представлениями о семейных отношениях, смене поколений и о проблеме власти. В этом аспекте национальным ориентиром для С.Т. Аксакова, на наш взгляд, мог быть «Домострой», а в широком европейском плане – труды Аристотеля, Ксенофонта Афинского и Гесиода.

Историко-литературный аспект, культурно-исторический аспект, семейные отношения, жанр наставления.

Художественно-автобиографическая трилогия С.Т. Аксакова («Семейная хроника» – «Детские годы Багрова-внука» – «Воспоминания») занимает свое законное место в историко-литературном контексте 1840–1870-х годов. Вполне различимы его творческие взаимовлияния с писателями той поры – Гоголем, Гончаровым, Тургеневым, Щедриным и Толстым. На перспективу развитие аксаковских традиций просматривается очень широко. Так, его очевидными художественными наследниками явились в XX веке Бунин, Осоргин, Шмелев, Пришвин; позднее (в позднесоветскую эпоху) – Паустовский, Чивилихин, Солоухин. Но еще более впечатляющим является возможное восприятие художественного творчества Аксакова в *ретроспективном контексте*. То есть уже в самом Аксакове можно видеть невольного наследника давних традиций. Однако при этом придется иметь в виду контекст не историко-литературный, а более широкий – культурно-исторический. Тогда о прямом литературном «влиянии» говорить, конечно, не приходится. Речь может идти об архетипических паттернах подсознания, в которых обнаруживаются инстинктивные, почти врожденные представления о семье и смене поколений, об иерархии, о власти, о значимости хозяйствования и др.

Как известно, представления об архетипах и архетипичности выработал и привнес в гуманитарные науки К.Г. Юнг. Согласно его логике, внутренний (психический) опыт «обладает *априорной* структурой (курсив К. Юнга – Ю. С.), которая предшествует всякому сознательному опыту». Коротко говоря, душа человека «обладает своей особенной структурой и формой. <...> Структура – нечто данное, предусловие, которое заведомо присутствует в каждом случае. Это мать, матрица – форма, в которую вливается весь прочий опыт. С другой стороны, отец репрезентирует динамику архетипа, ибо архетип состоит как из формы, так и из энергии» [9, с. 198–199]. Понятие «паттерн» (с англ. – «модель, схема, шаблон») вошло в широкий обиход уже после Юнга; оно по значению

шире, но вполне согласуется с его суждениями. Паттерны бывают визуальные, а также психические, поведенческие и пр. По сути, архетипические паттерны – это набор инстинктов, мотивов и даже сценариев поведения, унаследованных людьми от далеких предков.

В национальном измерении ретроспективным культурным ориентиром для С.Т. Аксакова мог являться «Домострой» (XVI век) [5]. Знакомство главы семьи с этим культурным памятником не подлежит сомнению. Его младший сын, Иван Сергеевич Аксаков, в письме к родителям от 26.02.1850 г. (к этому времени уже публиковались отрывки из «Семейной хроники» отца, тем более известна была в семейном кругу работа над ее продолжением) сообщает: «Я прочитал на этой неделе весь “Домострой” по па Сильвестра и дивился, как могло родиться такое произведение: так многое в нем противно свойству русского человека! Я терпеть не могу правил в самой жизни и вообще не люблю обычая, как скоро уже он замерз, как скоро он покушается сделаться правилом и властвовать над жизнью» [1, с. 120]. Как известно, С.Т. Аксаков далеко не во всем бывал солидарен с идеями и суждениями своих сыновей, Ивана и Константина, известных деятелей славянофильства. И к «Домострою» он как писатель и глава патриархальной семьи мог испытывать и демонстрировать сочувственное отношение. Наверняка так и было, что вполне подтверждается содержанием его автобиографической трилогии.

Многое в «Семейной хронике» семейства Багровых оказалось выразительно сориентировано на принципы «Домостроя». И научные характеристики этого памятника, выработанные его комментатором В.В. Колесовым, вполне соотносимы с содержанием «Хроники». Например, такие:

«Особый упор делается на чувстве долга и на нравственных основах семейной жизни, главным образом в отношении женщин, детей и слуг» [5, с. 312]; «Триипостасность “государя” дома в точности отра-

жает троящийся в сознании средневекового человека мир. В противопоставлении к жене он – муж, к сыну – отец, к домочадцам – хозяин, государь. <...> Домострой – древнейший памятник, в котором, между прочим, впервые появляются слова *мужчина* и *женщина*. Распределение понятий подчеркивается разными словами: *муж–мужик–мужчина*, *жена–женка–женщина*; эти слова постепенно становились знаками различных социальных признаков человека» [5, с. 335]; «Пусть это и звучит странно, но все же первоначально *идея женского равноправия развивалась именно в границах семьи* и основывалась на разделении труда между супругами» (Там же, с. 337)¹; «В Домострое женщина – хозяйка дома – в иерархии семейных отношений занимает свое особое место. Права и обязанности хозяина и хозяйки распределяются между ними, *почти не пересекаясь*, а это определяет и социальный ранг хозяйки в частной жизни дома. Только совместно муж и жена составляют “дом”» (Там же, с. 338).

От сторонних характеристик достаточно перейти к конкретному тексту «Домостроя», чтобы стали вполне очевидны примеры *невольной*, интуитивной смысловой зарифмованности автобиографического произведения Аксакова со многими тезисами древнерусского памятника. Это и есть выражение в том и в другом одних и тех же архетипических паттернов. Обратим внимание на тот факт, что из 67 глав «Домостроя» более половины (с 30 по 66) находят себе развернутое художественное соответствие в содержании «Семейной хроники». Вот как озаглавлены некоторые из них («Домострой»):

- «Как сохранять порядок домашний и что делать, если придется у людей чего попросить»;
- «Как хозяйке следует повседневно приглядывать за слугами в домашнем обиходе»;
- «Как жене с мужем советоваться каждый день»;
- «Как хозяину, выведав все, по заслугам жаловать слуг, а плохих наказывать».

Каждая из таких глав содержит конкретные, порой развернутые советы и рекомендации. А Аксаков, в свою очередь, в «Семейной хронике» на те же или подобные темы как бы вторит Сильвестру (предполагаемому автору «Домостроя»), иллюстрирует их, рассказывая о Степане Багрове. В частности, в упомянутой главе – «Как сохранять порядок...» (тридцать шестая, по структуре Домостроя) – имеются рекомендации по хозяйственным добрососедским отношениям: «...всякой ссуде определить бы цену: по нашим грехам какой не порядок случится, так с обеих сторон ни хлопот, ни раздоров нет, – и тому уплатить, у которого ссуда взята. А всякую ссуду и брать и давать честно, хранить крепче, чем свое, и в срок возвратить <...> тогда и еще дадут, да и дружба навек» (Там же, с. 172). Аксаков же, рассказывая о Багрове-старшем, даже расширяет и развивает эту норму взаимоотношений: «Он был истинным благодетелем дальних и близких, старых и новых своих соседей, особенно последних, по их незнанию местности, недостатку средств и по разным надобностям <...>. Полные амбары дедушки были открыты всем – бери, что угодно.

“Сможешь – отдай при первом урожае; не сможешь – бог с тобой!” С такими словами раздавал дедушка щедрою рукою хлебные запасы на семена <...> Мало того, что он помогал, он воспитывал нравственно своих соседей!» [2, с. 89]. Так «мертвая вода» архетипа добрососедских отношений окропляется «живой водой» жизненной практики.

В подобном преломлении (от архетипов взаимоотношений и поведения – через домостроевские принципы – к жизненной практике) представляются нам и другие темы: дифференциация отношения к слугам, взаимоотношения супругов, родителей и детей. Так, например, к домашним слугам (т.е. «дворовым людям») Багров проявлял больше строгости, что не исключало и снисходительности к их слабостям. К крестьянам же старик Багров, как правило, и более внимателен, и более благосклонен: «Староста уже видел барина, знал, что он в веселом духе, и рассказал о том кое-кому из крестьян; некоторые, имевшие до дедушки надобности или просьбы <...> воспользовались благоприятным случаем, и все были удовлетворены: дедушка дал хлеба крестьянину, который не заплатил еще старого долга <...> ; другому *позволил женить сына, не дожидаясь зимнего времени, и не на той девке, которую назначил сам*, и проч.» (Там же, с. 101).

А вот родному сыну он поначалу запрещал жениться по любви, и резоны у него были обыкновенные для той среды: «Во-первых, она *дворянка вчерашняя, а ты потомок самого древнего дворянского дома*. Во-вторых, она горожанка, ученая, бойкая, привыкла после мачехи повелевать в доме и привыкла жить богато, даром что сама бедна; а мы люди деревенские, простые, и наше житье ты сам знаешь; да и себя ты должен понимать: ты парень смиренный; но хуже всего то, что она больно умна. Взять жену умнее себя – беда: будет командирша над мужем; а притом, ты так ее любишь, что на первых порах непременно избалуешь. Ну, так вот тебе мое отцовское приказание: *выкинь эту любовь из головы*» (Там же, с. 153).

Кстати, в этом случае Багрова-старшего нельзя назвать самодуром и семейным деспотом. Ведь и сам он в свое время женился сообразно патриархальным (фактически домостроевским) принципам: «...дедушка мой женился на Арине Васильевне Неклюдовой, небогатой девице, также *из старинного дворянского дома*. <...> Он не женился на *одной весьма богатой и прекрасной невесте, которая ему очень нравилась, единственно потому, что прадедушка ее был не дворянин*» (Там же, с. 77–78).

Однако времена изменились, и в случае с сыном вышло иначе. По этому поводу глава семьи даже счел возможным *посоветоваться с супругой*: “Ну что, Ариша (говорил он ей на следующее утро, разумеется наедине), как ты мекаешь? Ведь не позволим, так нам не видать Алексея как ушей своих: или умрет с тоски, или на войну уйдет, или пойдет в монахи – и *род Багровых прекратится*”. Но Арина Васильевна, уже настроенная дочерью, как-то не испугалась за своего сынка и отвечала: “Твоя воля, Степан Михайлович; что тебе угодно, того и я желаю; да только какое же будет от них тебе уважение, если они поставят на своем после твоего родительского запрещенья?”» (Там

¹ Здесь и далее в цитатах курсив наш, за исключением особо оговариваемых случаев.

же, с. 156). Последовал новый запрет. И лишь после угрозы сына добровольно уйти из жизни оба родителя дали-таки свое согласие на брак «по велению сердца».

Приведенный фрагмент характерен, помимо прочего, иллюстрацией одного из принципов Домостроя. Напомним, что права и обязанности хозяина и хозяйки распределяются между ними, *почти не пересекаясь*, а это определяет и социальный ранг женщины в частной жизни дома. Мы помним из характеристики «Домостроя»: *Только совместно муж и жена составляют «дом»*. В приведенном случае (когда дело касалось судьбы сына) права супругов как раз пересеклись, и оказалось, что в управлении семейной жизнью можно и должно руководствоваться не только единоличной волей патриарха, но и согласием супругов.

Кроме того, в приведенных фрагментах (и далее по всей автобиографической трилогии) Аксаков во многом актуализирует гендерную проблематику, далеко выходя за границы домостроевских принципов. Если там, согласно В.В. Колесову, уже была заложена «идея женского равноправия» (см. выше), то теперь Аксаков во многом дополняет близкий ему историко-литературный контекст (Гончаров, Достоевский и Толстой) и позволяет различить в его автобиографической прозе признаки художественной гендерологии (см. [8]). Сказанное намечает перспективу возможно продолжения научного исследования.

Перевод внимания с национального измерения на европейское еще более расширяет ретроспективный контекст восприятия произведений Аксакова, когда счет идет просто на столетия, но даже на тысячелетия. Если иметь в виду авторов и их создания, то ретроспективный контекст, своеобразные ступени от Аксакова «в глубь веков», можно выстроить следующим образом: Аристотель («Политика» – IV век до н. э.), Ксенофонт («О хозяйстве» – V век до н. э.) и Гесиод («Труды и дни» – VIII век до н. э.).

Косвенная тематическая взаимосвязь древнерусского «Домостроя» с аристотелевской «Политикой» замечена и прокомментирована В.В. Колесовым. Фактически в обоих произведениях сказывается общий архетипический фон. Древнегреческий мыслитель во второй главе своей книги рассматривает «политику дома» – семьи. Он учит «наживать состояние» трудом и правлением. «Наука о домохозяйстве, предполагает три элемента власти: во-первых, власть господина по отношению к рабам, во-вторых, отношение отца к детям, в-третьих, отношение мужа к жене. <...> Власть мужа над женой можно сравнить с властью политического деятеля, власть отца над детьми – с властью царя. Поскольку всякая семья – часть государства, следует воспитывать домочадцев в соответствии с их положением в рамках государственного (и семейного) строя» [5, с. 319]. Пожалуй, под этим подписался бы и Аксаков как автор автобиографической трилогии. Более того, как и в случае с древнерусским памятником, он многообразно иллюстрирует эти отвлеченные принципы и тезисы в своих произведениях.

Ксенофонт Афинский для нас особо примечателен. Название его трактата менялось: например, «О хозяйстве», затем «Домострой» (что соответствует славянскому переводу). В.В. Колесов считал, будто «это сочинение касается главным образом проблем

земледелия. Лишь в одном месте герой его – Исхомах – объясняет, что ему нет нужды постоянно находиться дома, поскольку ведению хозяйства он научил свою жену» [5, с. 318–319]. Однако наиболее авторитетный филолог-классик, С.И. Соболевский, указывал: «“Домострой” (Ксенофонт – Ю. С.) по содержанию делится на две части: в первой речь идет о домашнем хозяйстве, во второй – о земледелии» [6, с. 247]. Заметим и мы, в свою очередь, что, как свидетельствует текст трактата Ксенофонта, его советы по ведению домохозяйства развернуты и конкретизированы. Здесь, например, есть главы: «Хозяйство у дурных и хороших хозяев», «...Цель брака. Обязанности жены», «Домашнее благоустройство», «Об устройстве дома. Ключница. Значение хозяйки», «Управляющий. Выбор его и подготовка», «Законы для слуг о честности», а также, как уже сказано, целый ряд глав с конкретными советами по земледелию. Показательно, что спустя 27 веков у Аксакова именно баланс внимания к земельному хозяйству и к семейному укладу сказывается в его автобиографической трилогии.

Можно отметить и еще одно, почти парадоксальное соответствие между Ксенофонтом и Аксаковым. Древний грек имел «дом и участок земли в местечке Скиллунте в Элиде близ Олимпии. Здесь он жил с женой и двумя сыновьями, Гриллоном и Диодором, и провел много лет вдали от общественной жизни, – занимался сельским хозяйством, охотой, литературными трудами и принимал друзей. Эта спокойная, идиллическая жизнь в очаровательном уголке продолжалась до 371 года» [5, с. XVII]². Все это почти полностью предвещает условия жизни Аксакова (вплоть до сыновей). Поверх возможных, но в данном случае надуманных архетипических аллюзий, в этом можно видеть нечто вроде жизненных закономерностей: обоим знатокам и почитателям природы даровано было нечто общее и заслуженное.

Впечатляет и другое, уже творческое «совпадение»: Ксенофонт написал «Кинегетик», т. е. трактат об охоте с собаками, который содержит восхваление охоты и дает много практических указаний о дрессировке охотничьих собак, об охоте на зайцев, оленей, львов и других зверей. Интересен конец, где автор предостерегает молодых людей от увлечения софистами как преподавателями мудрости и добродетели и убеждает их отдать предпочтение охоте как занятию более пригодному для приобретения добродетели» (Там же, с. XXII). Во-первых, С.Т. Аксаков, как известно, впервые вышел к читателям со своими «записками» о рыбалке и об охоте. Во-вторых, и двух своих сыновей, деятелей славянофильства, он предостерегал от чрезмерного увлечения философскими идеями (в частности, модным гегельянством) (см. [7, с. 158–161]).

Ксенофонту в оценках его творчества повезло больше, чем Аксакову. Как писателя его «очень ценили в древности. Его называли аттической музой, аттической пчелой; Цицерон перевел его на латинский язык и находил, что его речь слаще меда и что его голосом как бы говорили Музы (“Оратор” IX 32 и

² См.: вступительная статья С.И. Соболевского в [6].

XIX 62); «сами Грации сложили его речь», по словам Квинтилиана (X 1, 82)» [6, с. XXII].

Последний, кого мы здесь упомянем, это Гесиод, который жил и писал еще раньше, чем Аристотель и Ксенофонт. Примечательно, что почти все принципы древнерусского Домостроя в сущности содержались уже в «Трудах и днях» Гесиода, первого по древности греческого поэта (VIII в. до н. э.). И еще характерно, что оба эти памятника построены как наставления родным: в Домострое как обращения к сыну, в Трудах и днях – к брату. При этом Гесиод писал заметно конкретнее, даже кропотливо (вплоть до уроков, как носить шапку зимой, чтобы не морозить уши, и из какой кожи шить обувь). Но нас сейчас интересует творчество Аксакова, и складывается впечатление, что он как бы следует некоторым заветам, оставленным Гесиодом.

Вот, например, древний грек учит хозяина поместья различать хороших и дурных соседей, а также как к ним относиться:

*Друга зови на пирушку, врага обходи приглашеньем.
Тех, кто с тобою живет по соседству, зови непременно:
Если несчастье случится, – когда еще пояс подвяжет
Свойственник твой! А сосед и без пояса явится тотчас.
Истая язва – сосед нехороший; хороший – находка.
В жизни хороший сосед приятнее почестей всяких.
Если бы не был сосед твой дурен, то и бык не погиб бы.
Точно отмерив, бери у соседа взаимы: отдавая,
Меряй такую же мерой, а можешь, – так даже и больше,
Чтобы наверно и впредь получить, коль нужда приключится.*

[4, с. 62]

И Багров-старший у Аксакова будто бы усвоил эти уроки: мы уже отмечали выше, как относился в «Семейной хронике» Багров-старший к своим соседям и как благотворно влиял на них [2, с. 89].

Нужно заметить, что уже современники Аксакова указывали в связи с его сочинениями на аллюзии с древними греками. Например, С.П. Шевырев откликнулся на «Детские годы Багрова-внука» и назвал эту

книгу *русским отголоском Одиссеи*. Он имел в виду «спокойно-эпическое представление старой русской жизни» у Аксакова. И ведь критик «промахнулся» совсем немного. Как известно, Гомер остался автором почти мифологичным, тогда как Гесиод – первый по времени реальный писатель, будто бы современник и даже удачливый соперник Гомера [3, с. 31–32]. Как бы то ни было, с «Одиссеей» уместнее было бы сравнивать наше «Слово о полку Игореве» (с его мифическим Баяном). А Аксаков явился в литературе последователем Ксенофонта с его «Домостроем» и Гесиода с его «Трудами и днями».

Литература

1. Аксаков, И. С. Письма к родным. 1849–1856 (Литературные памятники) / И. С. Аксаков ; Т. Ф. Пирожкова, составление, статья, примечания. – Москва : Наука, 1994. – 653 с.
2. Аксаков, С. Т. Собрание сочинений : в 4 томах / С. Т. Аксаков. – Москва : Художественная литература, 1955. – Т. 1. – 640 с.
3. Гаспаров, М. Л. Занимательная Греция: Рассказы о древнегреческой культуре / М. Л. Гаспаров. – Москва : Новое литературное обозрение, 2000. – 384 с.
4. Гесиод. Полное собрание текстов / вступительная статья В. Н. Ярхо ; комментарии О. П. Цыбенко и В. Н. Ярхо. – Москва : Лабиринт, 2001. – 384 с.
5. Домострой (Литературные памятники) / В. В. Колесов, составление, перевод, статья. – Санкт-Петербург : Наука, 2007. – 425 с.
6. Ксенофонт Афинский. Сократические сочинения / перевод, статьи и комментарии С. И. Соболевского. – Москва; Ленинград : ARADEMIA, 1935. – 419 с.
7. Лобанов, М. П. Сергей Тимофеевич Аксаков / М. П. Лобанов. – Москва : Молодая Гвардия, 1987. – 366 с.
8. Макаричева, Н. А. Художественная гендерология в творческих исканиях Ф. М. Достоевского / Н. А. Макаричева. – Санкт-Петербург : Издательство СПбГЭУ, 2019. – 301 с.
9. Юнг, К. Г. Архетипы и коллективное бессознательное / К. Г. Юнг. – Москва : Издательство АСТ, 2020. – 224 с.

Ju.A. Skiba

RETROSPECTIVE CONTEXT IN PERCEPTION OF AUTOBIOGRAPHICAL PROSE OF S.T. AKSAKOV

The article proposes a new approach to the creative works of S.T. Aksakov in the cultural and historical aspect. In the long run, Bunin, Osorgin, Shmelev, Prishvin can be considered the heirs of the traditions of Aksakov's prose. Retrospectively, Ju.A. Skiba emphasises certain archetypical patterns associated with the traditional ideas of family relations, a generational shift and the problem of power rather than personalities. In this aspect, the national standard for S.T. Aksakov could be «Domostroy», and in a broad European sense – the works of Aristotle, Xenophon of Athens and Hesiod.

Historical and literary aspect, cultural and historical aspect, family relations, genre of instruction.

Г.В. Судаков

*Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте РФ*

ТРАНСФОРМАЦИЯ БИБЛЕЙСКОГО МИФА В ПОСТМОДЕРНИСТСКОМ КОМИКСЕ (НА МАТЕРИАЛЕ КОМИКСА «ГОЛИАФ» ТОМА ГОЛДА)

Статья посвящена проблеме использования библейского сюжета в комиксе – одном из синтетических жанров современной массовой культуры. Трансформация библейского мифа в этом случае используется как средство эпатажа читателя, но не обогащает эстетику комикса. Материалом исследования является комикс Тома Голда «Голиаф». Это произведение слабо связано с каноническим толкованием Библии, с «первоначальным смыслом». Автор лишает Голиафа мужественности и маскулинности, а текст насыщен просторечием и утратил библейский пафос. Игра с ожиданиями читателя – смысл подобных комиксов.

Библейский миф, постмодернизм, комикс, Том Голд, Голиаф.

Введение

Комиксы, в частности графические романы, будучи «соединением визуального и вербального компонентов» [6, с. 61], представляют исследовательский интерес для ученых-филологов своей литературной составляющей. В комиксе, так же как и в литературном произведении, можно встретить повествовательные техники и приемы, аллюзии, а также мифические и фольклорные мотивы. Анализируемый комикс привлекателен тем, что в нем используется библейский сюжет о Давиде и Голиафе.

Интерес к мифу постмодернизм наследует у модернизма. С начала XX века мифотворчество закрепляется в литературе, а потом перетекает и в другие виды искусства. Постмодернисты (несмотря на свою любовь к интертекстуальности) обращаются к мифу и фольклору несколько реже, чем их предшественники модернисты, однако делают это не менее занимательно, тем более что отношение к мифу и воплощение его в своем творчестве у них кардинально отличаются. Модернисты (Джойс, Кафка, Йейтс, Лоуренс и др.), как пишет Е.М. Мелетинский в «Поэтике мифа», обращаются к мифу «как к инструменту художественной организации материала и средству выражения неких “вечных” психологических начал или хотя бы стойких национальных культурных моделей» [7, с. 7]. Также в их текстах присутствует «идея вечной циклической повторяемости первичных мифологических прототипов под разными “масками”» (Там же, с. 8). Постмодернизм же, обращаясь к мифу, восстает против него: отказывается от всяческих конвенций, «моделей» и «масок». Как отмечает Г.Г. Ишимбаева, «миф, трансформированный в литературу постмодернизма, диаметрально образом изменяет свое звучание, что <...> подтверждает: основной принцип идеологии и поэтики постмодернизма заключается в отторжении им всего привычного и усто-

явшегося – будь то в философии, искусстве или мифологии» [4, с. 150]. Именно это мы наблюдаем в «Голиафе» Тома Голда [3].

Как известно, Библия считается архетекстом, то есть, как пишет Г.В. Синило, «текстом, стоящим у истоков той или иной культуры и являющимся ее ядром» [8, с. 20], в данном случае – культуры иудейско-христианской. «Библия является <...> архетекстом не только для религиозной, но и для светской европейской культуры и литературы», – отмечает исследовательница (Там же). Похожий вывод делают в своей статье Дональд Б. Линдси и Джон Хирен: Библию они называют «составной частью нашей общей культуры», которая позволяет «облегчить общение между автором и аудиторией» [12, с. 75]*. Однако в случае «Голиафа» комиксист не пользуется таким подходом, у него нет задачи яснее донести до читателя свое мнение. Получается иной эффект: читатель заранее знает, как должен закончиться комикс, в его сознании уже имеются привычные образы Давида и Голиафа, соответственно возникают некоторые ожидания. Голд в одном из своих интервью говорил, что ему нравится «полагаться на то, что читателю знаком [библейский] сюжет и играть с его ожиданиями» [10]. Постмодернистский комикс, конечно, не соответствует им, о чем будет сказано ниже.

Существует не так много постмодернистских комиксов с интерпретацией «вечных» библейских сюжетов и образов, а именно они и представляют наибольший интерес. Взаимодействие древнего текста Священного Писания и постмодернистской эстетики является малоизученной, но очень привлекательной для исследования темой. «Голиаф» – без преувеличения редкий комикс в этом отношении, что мы и намерены показать.

* Здесь и далее, если не указано иное, пер. с англ. наш.

Два Голиафа

В своем комиксе Голд предлагает новое прочтение эпизода из Первой книги Царств, смещая фокус внимания с Давида на филистимлянина Голиафа. В Библии Голиаф предстает грозным воином «ростом в шесть локтей с пядью» (1 Цар. 17:4) [2, с. 324] (около трех метров), вооруженным и облаченным в тяжелые доспехи. Он выходит к израильтянам и говорит следующее: «Выберите кого-нибудь для поединка со мной. Если он одолеет меня и убьет, то мы вам станем рабами. Но если я одолею его и убью, то вы станете нам рабами и будете нам служить» (1 Цар. 17:8-9) (Там же). Отметим, что эти же слова произносит и Голиаф Голда. Хотя в Священном Писании ничего не сказано ни о характере или внутреннем мире Голиафа, ни о его боевых навыках, мы представляем его опасным и искусным воином. В уже упомянутом интервью Голд говорит, что Голиаф – «едва ли персонаж», скорее «набор параметров». Он также называет сюжет «односторонним», «умолявшим о другом взгляде» [10]. Отметим, что Голд, создавая образ флегматичного и не умеющего драться Голиафа, формально не противоречит Библии, а дополняет ее. Этот комикс – не совсем альтернативная история, скорее расширение существующего канонического сюжета.

Однако нельзя отрицать, что в восприятии читателя Голиаф Голда совершенно непохож на своего библейского прототипа, хотя действия обоих героев почти ничем не отличаются. Голд наделяет своего Голиафа голосом и мыслями, благодаря которым формируется этакый постмодернистский Голиаф: миролюбивый, робкий, несколько пассивный. Это положительный герой, он вызывает сочувствие и умиление. Голд так объясняет стремление добиться подобного эффекта: «Мы обычно думаем об этой истории как о “мальчике против великана”, но на самом деле это “мальчик и всемогущий Творец всей вселенной против великана”, и если смотреть на это так, то нельзя не сочувствовать Голиафу» (Там же). Таким образом, читатель встает на сторону филистимлян, которые воюют с израильтянами. Иначе говоря, читатель со своим желанием победы Голиафу, сам того не желая и не сразу это замечая, начинает оппонировать самому Богу. Читатель может осознать это позже, рефлексировав над прочитанным. Однако никаких нападок на религию в комиксе нет: Голд не хотел изображать Давида как «мошенника или злодея», равно как и не имел намерения делать «антирелигиозную» книгу (Там же).

Контекстуальная герменевтика

Если рассматривать «Голиафа» Тома Голда с точки зрения библейской герменевтики, то этот комикс является примером контекстуального подхода к толкованию Библии. А.В. Арапов в связи с этим пишет, что «последователи т.н. “контекстуальной герменевтики” вообще мало заинтересованы в выявлении первоначального смысла текста, для них важнее такая интерпретация, которая позволяет получить смыслы,

наиболее актуальные в данный момент» [1, с. 113]. Действительно, рассматриваемый нами комикс не имеет никакого отношения к каноническому толкованию Библии, к «первоначальному смыслу». Автор лишает Голиафа мужественности и маскулинности. Герой, которого создает Голд, выглядит совершенно обычным, даже несколько посредственным. Примечательно, что в комиксе затрагивается тема брака: жены у Голиафа нет, и он никак не реагирует на намек своего щитоносца о том, что можно было бы жениться на одной из его (щитоносца) шести двоюродных сестер.

Такое прочтение библейского мифа соответствует гендерному подходу и критике токсичной маскулинности и стереотипов. Библейский Голиаф как бы воплощает их, а Голиаф Голда является ответом и оппозицией всей общественной системе, которая порождает гендерные клише и создает стандарты, которым должен подчиняться «настоящий мужчина». Это толкование мифа идет вразрез не только с традиционными толкованиями этого эпизода, но и противоречит известному маскультному тропу, который так и называется «Давид против Голиафа». Этот троп – «бой или соревнование, где [положительным] героем является аутсайдер (underdog)» [11].

Рис. 1

Отметим также, что контекстуальному прочтению способствует язык, используемый автором. Он прост и будто осовременен. Библейского пафоса почти нет. Он остался только в словах, которые произносит (точнее, зачитывает с данной ему бумажки) Голиаф израильтянам, и в словах Давида, которые он произносит перед своим подвигом. Эти реплики являются

цитатами из Священного Писания. В целом же регистр текста не соответствует библейской основе, местами он снижен, а герои обсуждают незначительные и не вполне приличные темы. Тем же приемом пользуются современные поэты-постмодернисты Сергей Стратановский и Тимур Кибиров. В стихотворениях, посвященных библейской тематике (а именно «Исаак против Авраама» Стратановского [9] и «Блудный сын» Кибирова [5]), они используют жаргонную лексику и просторечные слова, что приближает описываемое к современному читателю, заставляет по-другому посмотреть на библейские сюжеты и их героев.

При чтении рассматриваемого комикса у читателя возникает диссонанс: во-первых, хорошо знакомый библейский сюжет предстает совсем по-иному; во-вторых, праздные разговоры героев не соответствуют пафосу библейского повествования, на одном развороте соседствуют незамысловатые заурядные фразы и цитаты из Библии.

Постмодернистская гравюра

«Голиаф» нарисован очень минималистично: Голд использует геометрические фигуры и линии, задействовано всего три цвета: коричневый, черный и белый. При этом техника рисования очень напоминает гравюру. В этой связи нельзя не вспомнить многочисленные гравюры Гюстава Доре на библейские сюжеты. Однако для Доре были важны мельчайшие детали и реалистичность. Голд отказывается от этого, ему важнее передать суть минимальными средствами. Также стоит отметить, что Голд избегает кровавой сцены отрезания головы, мы видим лишь брызги крови, в то время как на гравюре Доре, посвященной этому сюжету, Давид гордо держит голову великана над собой, стоя у его большого тела. Давид у Доре торжествует, филистимляне трепещут, а Голд благонамеренно избавляет читателя от подобной сцены, тем более что в его интерпретации Голиаф не заслужил такой судьбы. Чувство диссонанса растет: теперь это не только сюжет и реплики героев, но и нарочито примитивная рисовка с забавными графическими решениями, что не соответствует одной из величайших книг в истории человеческого рода. Таким образом, диссонанс проявляется на всех уровнях комикса: сюжетном, лексическом и графическом.

Выводы

Комикс «Голиаф» Тома Голда разрушает привычный миф о Давиде и Голиафе, что характерно для постмодернистской эстетики, к которой он принадлежит. Разрушение мифа сопряжено с «выворачиванием наизнанку» образа великана Голиафа, что, во-первых, ставит читателя в несколько необычное положение, заставляя сочувствовать тому, кто всегда казался отрицательным героем. Во-вторых, используя миф как основу, но в то же время выхолащивая его, автор предлагает новое его прочтение – с точки зрения ген-

дера: Голиаф Голда в рецепции читателя далек от своего библейского прототипа, даже противоположен ему. Во многом благодаря этой разнице рассматриваемый комикс можно полагать критикой нарочитой, отталкивающей маскулинности.

В «Голиафе» наблюдаем не только отход от библейского мифа и устоявшегося за многие века теологического толкования, но и противоречие тропу «Давид против Голиафа», который прочно закреплен в сознании многих благодаря различным произведениям массовой культуры. При этом Голд формально не противоречит тексту Библии, а только вносит в него свои дополнения. В этом комиксе отчетливо прослеживается стремление автора играть с ожиданиями читателя, вызвать у него чувство диссонанса.

«Голиаф» – очень показательный для постмодернистского сознания комикс еще и потому, что заставляет по-другому увидеть героев, которые застыли, окостенели в сознании читателя. Комикс Голда оживляет библейского персонажа, очеловечивает его, значительно сокращая расстояние между нами и библейскими временами.

Литература

1. Арапов, А. В. Постмодернистская библейская герменевтика / А. В. Арапов // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Философия. – 2011. – № 4. – С. 112–121.
2. Библия. – Москва : Российское Библейское общество, 2011. – 1407 с.
3. Голд, Т. Голиаф / Т. Голд ; перевод с английского Виктора Меламеда. – Изд. 2-е, испр. – Санкт-Петербург : Бумкнига, 2019. – 96 с.
4. Ишимбаева, Г. Г. Трансформация библейского мифа в литературе постмодернизма («Агасфер» Стефана Гейма) / Г. Г. Ишимбаева // Вестник Челябинского государственного университета. – 1997. – № 1. – С. 144–150.
5. Кибиров, Т. Ю. Греко- и римско-кафолические песенки и потешки / Т. Ю. Кибиров. – Москва : Время, 2011. – 79 с.
6. Лисович, И. И. Комикс как творческая форма обучения: визуализация теорий, концептов и феноменов культуры / И. И. Лисович // Вестник ВоГУ. Серия: исторические и филологические науки. – 2018. – № 2. – С. 61–65.
7. Мелетинский, Е. М. Поэтика мифа / Е. М. Мелетинский. – 3-е изд., репр. – Москва : Восточная литература РАН, 2000. – 407 с.
8. Синило, Г. В. Библия как «осевой» архетекст европейской литературы (на примере немецкой лирической поэзии) / Г. В. Синило // Часоп. Беларус. дзярж. ун-та. Філалогія. – 2017. – № 3. – С. 19–29.
9. Стратановский, С. Г. Смоковница: стихи разных лет / С. Г. Стратановский. – Санкт-Петербург : Пушкинский фонд, 2010. – 62 с.
10. Campbell, H. Small Human Ordinarity: An Interview With Tom Gauld / H. Campbell. – URL: <https://www.tcj.com/small-human-ordinarity-an-interview-with-tom-gauld/> (дата обращения: 12.03.2023). – Text : Electronic.
11. David Versus Goliath. TV Tropes. – URL: <https://tvtropes.org/pmwiki/pmwiki.php/Main/DavidVersusGoliath> (дата обращения: 27.01.2023). – Text : Electronic.
12. Lindsey, D. B. Where the Sacred Meets the Profane: Religion in the Comic Pages / D. B. Lindsey, J. Heeren // Review of Religious Research. – 1992. – № 34 (1). – P. 63–77.

G.V. Sudakov

**TRANSFORMATION OF THE BIBLICAL MYTH IN A POSTMODERN COMIC BOOK
(BASED ON A COMIC BOOK *GOLIATH* BY TOM GAULD)**

The article is devoted to the problem of the use of biblical motifs in comics – one of the synthetic genres of modern mass culture. Any biblical myth transformation is used as a means of shocking the reader, but it does not enrich the aesthetics of a comic. The research material is T. Gold's comic book *Goliath*. This comic is loosely connected with the canonical interpretation of the Bible, with its «original meaning». The author deprives Goliath of his masculinity, and the text is saturated with the vernacular and has lost the biblical pathos. The comics are intended to play with the reader's expectations.

Biblical myth, postmodernism, comic, Tom Gauld, Goliath.

*Э.Л. Трикоз
Музей-квартира В.И. Белова, Вологда*

*Л.Л. Ефремова
Государственный архив Вологодской области*

ШЕСТНАДЦАТИЛЕТНИЙ БЕЛОВ: ШКОЛА ФЗО, ТРУДОВАЯ МОБИЛИЗАЦИЯ, ПУТЬ В ЛЮДИ (АРХИВЫ, ДОКУМЕНТЫ, ВОСПОМИНАНИЯ)

В статье впервые подробно рассказывается о периоде обучения В.И. Белова в школе ФЗО г. Сокола. Приводятся архивные документы 1949 года, связанные с призывом на учебу сельской молодежи, воспоминания и опубликованные автобиографии писателя.

В.И. Белов, русский писатель, деревенская проза, литературный музей, архив, Музей-квартира В.И. Белова, школа ФЗО, трудовая мобилизация.

На первый взгляд, биография В.И. Белова изучена достаточно хорошо, однако до сих пор о нем не написана художественно-биографическая книга в серии «Жизнь замечательных людей», хотя в ней есть несколько томов, посвященных друзьям по перу Василия Ивановича – Федору Абрамову, Виктору Астафьеву, Валентину Распутину, Василию Шукшину. Никем до настоящего времени не составлена и не опубликована подробная летопись жизни Белова, поэтому предстоит еще большой исследовательский труд, посвященный биографии народного писателя и изучению культурного феномена «Василий Иванович Белов».

Основные вехи жизни выдающегося художника слова нетрудно найти в источниках второй половины XX – начала XXI века – в Большой советской энциклопедии, литературных энциклопедиях, кратких биографических справках к книгам В.И. Белова, школьных и вузовских учебниках, подробности отдельных моментов биографии – в опубликованных при жизни автобиографиях писателя, его автобиографической повести «Невозвратные годы», в отдельных интервью с ним и т.д.

После смерти писателя биографические данные стали значительно расширяться. Вышли статьи и книги воспоминаний о нем, художественная и художественно-публицистическая проза, представляющая авторское видение биографии художника, отдельных прозаических и поэтических текстов, появилось фундаментальное научное монографическое издание «Энциклопедия “Привычного дела” Василия Белова» [13], включающая в том числе сведения о личной и творческой биографии автора повести. Среди содержательных и дополняющих летопись жизни писателя следующие книги: «Василий Белов. Воспоминания современников» [6], книги писателя Анатолия Грешневикова «Сто сорок писем Василия Белова» [8] и «Совесть русского народа. Василий Белов и Валентин Распутин» [7], музейное издание «Инскрипты из собраний библиотеки писателя Василия Белова: из фондов Музея-квартиры В.И. Белова» [11], в котором представлена большая коллекция дарственных надпи-

сей из книг, по которым нередко определяются время и место встреч Белова с известными писателями, учеными, политиками, врачами, «угадываются этапы жизни художника: его писательского ученичества, творческого становления, литературного признания и славы, последних лет затворничества в вологодской квартире» [11, с. 16]. В период с 2019 по 2022 гг. вышли в свет художественные и художественно-публицистические издания, например, книги вологодских авторов, лично знавших классика: Г.А. Сазонова «Сияние слова Василия Белова: встречи, беседы, воспоминания» [12], повесть Д.С. Ермакова «От земли. Василий Белов» [9] и «непридуманные рассказы» А.К. Ехалова «Деревенская беседа. Василий Белов и его товарищи» [10].

Следует отметить, что художественные произведения многосторонне обрисовывают образ Василия Белова, каким его помнят вологжане, однако некоторые данные в них не подкреплены никак документально, а потому не могут служить опорой для дальнейшей научно-исследовательской работы. К примеру, из книги в книгу переходит одна и та же фактическая ошибка: Белов в школе ФЗО выучился на столяра и плотника, однако Василий Иванович учился только на столяра, навыки плотника им были получены самостоятельно. Авторы художественно-публицистических работ, рассказывая о фэзэшном периоде, преимущественно опираются на автобиографические тексты В.И. Белова, свои впечатления, воспоминания жены писателя Ольги Сергеевны Беловой, современников, не апеллируя к архивным источникам периода 1948–1950 гг., хотя тема обучения юного Белова в Соколе на столяра описана им самим буквально в нескольких предложениях и многие факты требуют подтверждения. Более детально изучить этот этап жизни нам помогли архивные документы, которые, безусловно, будут полезны для исследователей не только творчества основателя деревенской прозы, но и прозаиков его поколения, имевших сходный путь в люди.

Воспоминания современников писателя – материал ценный, но не всегда точный, так как человеческая память не самый надежный носитель для хранения

информации. Некоторые факты лучше подтверждать документами, особенно если сам создатель автобиографии о них умалчивает.

Что известно из автобиографии и автобиографической повести Белова «Невозвратные годы» о месяцах учебы в сокольской школе ФЗО и что следует уточнить на данном этапе? Беловский выход в люди произошел не сразу. Вдумчиво читая автобиографию писателя 1998 года [2, с. 7–11], понимаем, что все движения молодого В.И. Белова вперед к мечтам и устремлениям встречают непреодолимые преграды или иногда получают обратный или отсроченный результат: «мечтал научиться плавать под парусом» – «отказало Рижское мореходное училище», затем хотел ехать в Великоустюгское речное; «мечтал... научиться играть по нотам» – «отказало Вологодское музыкальное училище», но играл на гармошке и «тренькал на домре»; «душа не лежала к бухгалтерской деятельности» – «поставили счетоводом в колхозе»; хотел закончить 10 классов – «десятилетняя школа находилась в 45 километрах от нашей деревни»; мечтал получить аттестат – получил его в 26 лет. В 14–16 лет Василий Белов был мечтательным, но при этом решительным. С 1947-го года целенаправленно подавал документы туда, где он хотел учиться.

Столяром Василий Иванович быть не мечтал, но более чем за 70 км от дома поехал в Сокол получать эту профессию: «Я решил уехать в ФЗО. На общем собрании меня долго не отпускали. В сельсовете не давали справку на паспорт. Метрик не было. И все же я покинул деревню и родину. Это было в марте 1949 года» (Там же, с. 9). При чтении автобиографии мало кто из современных читателей сделает паузу размышления у слова «решил», однако после знакомства с документами Государственного архива Вологодской области (далее – ГАВО) для нас становится ясно, что вот так просто решить и самостоятельно уехать учиться в школу ФЗО в 1949 году было невозможно. И на этом следует подробно остановиться.

Из истории образования известно, что в школы фабрично-заводского обучения во второй половине 1940-х именно призывали молодежь (подрастающее трудоспособное поколение конца 1920 – начала 1930-х), как в армию, была так называемая мобилизация из деревень либо на работы (лесозаготовки, строительство и проч.), либо на учебу в ремесленные, железнодорожные училища и школы ФЗО. После войны страна усиленно восстанавливала народное хозяйство, а в таких школах на протяжении шести месяцев давали профессию, а затем, после обучения, отправляли на производство.

Если полистать архивные документы тех лет, то в самих названиях употребляется тот самый термин «мобилизация» (синоним – призыв) и его производное «мобилизованные» (синонимы – призванные, призываемые): «План призыва молодежи...», «Именной список молодежи, призванной (мобилизованной) в школу ФЗО...»; «Протокол медицинской комиссии по освидетельствованию лиц, призываемых в ремесленные, железнодорожные училища и школы ФЗО Министерства трудовых резервов Союза ССР», «Справка о состоянии здоровья призываемого...» и др.

В 1949 году в Вологодской области был разработан план призыва в школы ФЗО. По всей стране такие документы формировались ежегодно. В плане призыва молодежи в школы ФЗО от 22 февраля 1949 года из Харовского района было указано 30 юношей¹.

Приложение № 1 к решению Облисполкома от 22 февраля 1949 года Пр. № 985.

П Л А Н

призыва молодежи в школы ФЗО Вологодской и Мурманской области и Карело-финской ССР /в разрезе районов области/.

№ п/п	Наименование районов	План	В том числе				
			ФЗО	ФЗО	ФЗО	КСОСР	Мурманская область
			ФЗО	ФЗО	ФЗО		
			г	га	г		
			30	30			

Харовский район

План призыва молодежи в школы ФЗО от 22 февраля 1949 года из Харовского района (ГАВО. Ф. 978. Оп. 8. Д. 35. Л. 5)

начальнику ст. Харовская т. Родиманову,

З а я в л а.

Харовский Райисполком 20 марта 1949 года отправляет до Сокола юношей в школу ФЗО в количестве 35 человек. Просим бронировать один /1/ вагон.

18/III-49 г.

Рав. Сектором кадров *В. Белов* /Пономарева,

Заявка Харовского райисполкома на имя начальника ст. Харовская о бронировании 1 вагона для отправления 35 юношей до станции Сокол (ГАВО. Ф. 978. Оп. 8. Д. 35. Л. 8)

Примечательно, что по данным заявки Харовского райисполкома на имя начальника ст. Харовская: на 20 марта бронировался 1 вагон для отправления 35 юношей до станции Сокол². Однако в деле в общем именном списке мобилизованных в ФЗО № 5 значится всего 29 человек – три фамилии вычеркнуты. То есть по факту, получается, прошли медицинский осмотр и на учебу организованно были отправлены поездом всего 26 человек. Среди них первым в списке стоит Василий Иванович Белов³.

¹ ГАВО. Ф. 978. Оп. 8. Д. 35. Л. 5.

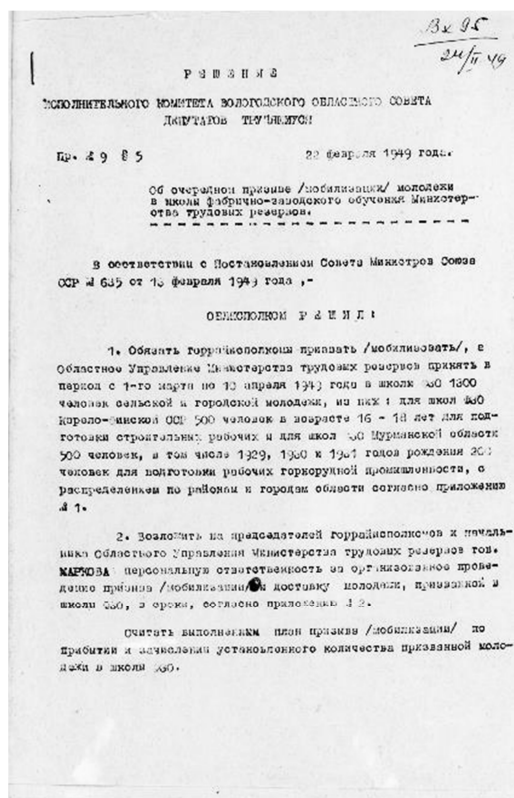
² Там же. Л. 8.

³ Там же. Л. 39–40.

МИНИСТЕРСТВО ТРУДОВЫХ РЕЗЕРВОВ СОЮЗА ССР		
ИМЕННОЙ СПИСОК		
молодежи, призванной (мобилизованной) в <u>школе ФЗО № 5 г. Озод</u>		
районе (городе) <u>Вологодской</u> области (край, республика) в школу фабрично-заводского обучения, ремесленное или железнодорожное училище		
<small>(Составляется в двух экземплярах: один вручается школе ФЗО или училищу при передаче призванной молодежи, второй хранится в делах горрайисполкома)</small>		
№ п.п.	Фамилия, имя, отчество призванного (написать полностью)	Год и месяц рождения
1	Белов Иосиф Иванович	1933
		Ивановский 303112 19/11/49

Фрагмент именного списка мобилизованных в ФЗО № 5 по Харовскому району (ГАВО. Ф. 978. Оп. 8. Д. 35. Л. 39)

В призыв 1949 года Министерство трудовых резервов СССР наметило принять в школы ФЗО 250 тысяч юношей и девушек от 16 до 20 лет и открыть в стране десятки новых школ фабрично-заводского обучения⁴. Чтобы представить масштаб призыва 1949 года в Вологодской области и географию отправления молодежи на учебу, достаточно внимательно и вдумчиво прочитать Решение исполкома Вологодской области Совета депутатов трудящихся от 22 февраля «Об очередном призыве (мобилизации) молодежи в школы ФЗО Министерства трудовых резервов», написанное на нескольких листах⁵.

Решение исполкома Вологодской области Совета депутатов трудящихся «Об очередном призыве (мобилизации) молодежи в школы ФЗО Министерства трудовых резервов» от 22 февраля 1949 г. (ГАВО. Ф. 978. Оп. 8. Д. 35. Л. 1–4)

Из документа известно, что мобилизацией молодежи занимались на местах горрайисполкомы и управления Министерства трудовых резервов. В 1949 году по Вологодской области в школы ФЗО планировалось призвать 1300 человек сельской и городской молодежи. Из них для школ ФЗО Карело-Финской ССР и Мурманской области – по 500 человек для подготовки строительных рабочих, 200 человек для подготовки рабочих горнорудной промышленности. Оставшиеся 100 человек распределялись в школы ФЗО по городам и районам Вологодской области. То есть больше всего молодежь направлялась в северные области страны для обучения строительным специальностям и горному делу. Белов же остался в Вологодской области.

В трехдневный срок после вынесения этого решения председатели горрайисполкомов обязаны были «установить количество городской, колхозной и сельской молодежи, подлежащей призыву в школы ФЗО по населенным пунктам», «образовать призывные и медицинские комиссии», обеспечить призывные комиссии плакатами, газетами, журналами, «организовать широкую массово-разъяснительную работу среди молодежи по проведению призыва (мобилизации) в школы ФЗО».

Призывная кампания в конце 1940-х широко была организована. Именно объявление в газете о приеме в школу ФЗО, как известно, сыграло большую роль в выборе профессии Василия Ивановича. Из беловской повести «Раздумья на родине»: «Однажды, увидав в газете объявление о приеме в ФЗО, я написал заявление, адресованное общему собранию колхоза. Многие были против, но проголосовали, к моей великой радости, “за”» [3, с. 78].

Какого содержания в 1949 году были информационные заметки? Например, в областной газете «Красный Север» – маленькая публикация по материалам ТАСС: «С 1 марта по 10 апреля 1949 года будет проводиться очередной призыв сельской и городской молодежи в школы фабрично-заводского обучения. Этот первый в 1949 году призыв имеет важное народнохозяйственное значение... На местах создаются призывные комиссии, состоящие из представителей районных Советов депутатов трудящихся, комсомольских и профсоюзных организаций»⁶.

В начале кампании, как узнаем из материалов газеты, в районах и городах области уже работает «38 призывных комиссий, созданных из представителей партийных, советских и общественных организаций... Наилучшие результаты призыва показали в Кичменгско-Городецком районе. Призывная комиссия здесь уже закончила работу, отобрав 50 юношей в школы горно-рудной промышленности...»⁷. Журналисты в заметках создают дух соревновательности, говорят об успехах кампании.

Следует обратить внимание на то, что при развернутой тогда агитации и организации набора молодежи в школы ФЗО личное мнение юноши гасилось: к голосу СМИ в то время люди прислушивались, важную роль играли и готовые плакатные образы и формулировки, как то: «Освоим производственные профес-

⁴ Призыв молодежи в школы ФЗО // Красный Север. 1949. № 35. С. 1.

⁵ ГАВО. Ф. 978. Оп. 8. Д. 35. Л. 1–4.

⁶ Призыв молодежи в школы ФЗО // Красный Север. 1949. № 35. С. 1.

⁷ Призыв в школы ФЗО // Там же. № 46. С. 1.

сии!», «Будешь мастером!», «Юноши и девушки! Поможем создать мощные трудовые резервы Советского государства. Поступайте в ремесленные, железнодорожные училища и школы ФЗО!», «Становитесь квалифицированными рабочими социалистической промышленности!» и т.д.

Призыв в школы ФЗО
(Красный Север. 1949. № 46. С. 1)

В фонде Музея-квартиры В.И. Белова, к сожалению, не сохранился документ о первом профессиональном образовании Василия Ивановича, но в архиве вологодского «Центра информатизации и оценки качества образования» остались документы, в которых есть указание на период обучения В.И. Белова в школе ФЗО № 5. По ним становится известно, что он был зачислен 1 апреля 1949 года (приказ № 29 от 31.03.1949) и 1 октября 1949 года (приказ № 100 от 28.09.1949) окончил полный курс обучения. Ему была «присвоена квалификация столяра пятого разряда. Аттестат № 263». За время обучения в школе ФЗО он получил похвальную грамоту областного управления трудовых резервов. После обучения, согласно архивной справке, он был направлен работать на Монзенский леспромкомбинат № 1 ст. Вохтога⁸. Сокращенное название леспромкомбината, отметим, было – Монзенский ЛПК. Это название тоже неверно воспроизводится в современных опубликованных статьях и книжных изданиях.

Кроме того, в обособленном структурном подразделении ГАВО в Вологодском областном архиве новейшей политической истории (ВОАНПИ) на хранении находится личное дело В.И. Белова за 1958–1959 гг., когда он был Первым секретарем Грязовецкого РК ВЛКСМ⁹. Там рукой Белова указано, что в 1949 г. он поступил в школу ФЗО № 5 г. Сокола и окончил ее в октябре того же года «по специальности столяр-белодеревец 5 разряда»¹⁰. Эти данные выявляют еще одну деталь о Белове-столяре: он имел квалификацию «белодеревец». Редкое и малоупотребля-

тельное сегодня слово и название столяра, работающего с «белым лесом» – древесиной березы, осины, бука, липы и др. Известно, что с его трудом всегда тесно было связано изготовление любого деревянного предмета быта, жилого и промышленного интерьера.

По архивным документам ГАВО учебное здание школы ФЗО № 5 находилось по адресу: г. Сокол, Большая садовая, дом 1¹¹. По какому адресу Белов жил в общежитии, каким оно было, – установить не удалось. Известно только из указанного выше решения, что областное управление Министерства трудовых резервов обязано было «разместить вновь принимаемых в оборудованных и благоустроенных общежитиях, обеспечить их обмундированием не позднее 3-х дней по зачислении в школы ФЗО и питанием». Были ли, например, помещения на самом деле благоустроенными, нам не известно.

В январе 2023 года коротко рассказывала супруга писателя Ольга Сергеевна о том беловском юношеском периоде: «Поступил в ФЗО. Там он жил в общежитии. Тяжелая была жизнь. Не любил про это рассказывать. Не вспоминал даже. Особенно строительство Монзенского леспромкомбината: жили в страшных условиях... А в Литинституте у него была одна комната на одного. Роскошь по тем временам. Хорошие условия для творчества...»¹². Ольга Сергеевна отмечает лишь то, что тяжелой была жизнь Василия Ивановича в фэзэошной школе и первые месяцы работы после учебы.

Сам же В.И. Белов в повести «Голос, рожденный под Вологодой» вспоминает и светлые моменты учебы: «Хорошо помню: любил играть и на гармошке, и на балалайке. Когда уехал в ФЗО и попал на станцию Вохтога, сразу же начал учить ноты, играя в самостоятельном оркестре на домре. Научился играть “Во поле березонька”, “Эй, ухнем!” и еще что-то» (Из повести «Голос, рожденный под Вологодой») [1, с. 397]. Воспоминание об этом не вызывало в нем боли: в те годы музыка возвышала его над обыденностью и сглаживала все трудности жизни.

Кто были его соседи по комнате и с кем дружил молодой Василий Белов, – об этом тоже практически нет информации. Общеизвестно, что собранные из разных деревень юноши и девушки, безусловно, были из разных семей: часть – из многодетных, другие – сироты, чаще всего потерявшие на фронте отцов, были дети из интернатов, детских домов. Нет в автобиографических текстах у Василия Ивановича подробного рассказа об этих шести месяцах учебы, о друзьях по школе ФЗО. Вытесненные воспоминания остались за пределами письменных текстов, но есть емкие биографические образы – «глыба бесправия» и «сельский комплекс неполноценности».

По известным нам документам – именованным списком молодежи, призванной в школу ФЗО, протоколу медицинской комиссии от 19 марта 1949 года – выявлены имена и фамилии однокурсников В.И. Белова из Харовского района. Из них трое имели редкие имена – Серапион, Протопоп, Фирс, остальные привычные – Василий, Алексей, Анатолий, Ерофей, Павел, Юрий,

⁸ Справка БУК ВО «Центр информатизации и оценки качества образования» от 28.06.2019 г. № 01-26/443.

⁹ ОСП ВОАНПИ. Ф. 3892. Оп. 29. Д. 261.

¹⁰ Там же. Л. 4 об.

¹¹ ГАВО. Ф. 978. Оп. 8. Д. 35. Л. 39 об.

¹² Из беседы Э.Л. Трикоз с О.С. Беловой от 31 января 2023 года.

Николай, Георгий и др. Сокурсниками В.И. Белова были юноши 1931, 1932 и 1933 годов рождения. Именно такие данные указаны в списке¹³.

У Василия Ивановича ошибочно стоит 1933-й год рождения – так установила медицинская комиссия в 1949-м году. Лишь в 1983 году по опросам свидетелей была установлена дата рождения писателя в народном суде – 23 октября 1932 г.

В медицинских документах указаны соматометрические параметры мобилизованных 16–18-ти лет. Так протокол медицинской комиссии мобилизованных в школу ФЗО № 5 г. свидетельствует о призыве «физически здоровой молодежи». В графе «анамнестические данные» у всех призывников указано «жалоб нет». Напротив каждой фамилии приведены физиологические характеристики будущих учеников: рост, вес, размер грудной клетки на вдохе и выдохе, острота зрения. В последней графе у всех юношей – заключение «годен»¹⁴.

Архивный медицинский документ прокомментировала врач-психиатр с большим практическим стажем Светлана Владимировна Смирнова (г. Вологда): «Из анализа протокола медицинской комиссии по освидетельствованию лиц, призываемых в ремесленные училища от 19 марта 1949 года видно, что средний рост призывников составлял 145,3 см, средний вес – 40,0 кг. Рост В.И. Белова составлял 153,5 см, что значительно выше среднего показателя в группе и является третьим из наибольших значений. Вес В.И. Белова в шестнадцатилетнем возрасте составлял 49,5 кг, что выше среднего значения группы. Показатели объема грудной клетки на вдохе и на выдохе, остроты зрения соответствуют возрастной норме. Таким образом, учитывая временной период, особенности психофизического развития в первой половине XX века, данные антропометрии, можно утверждать о соответствии В.И. Белова возрасту 16 лет»¹⁵.

Размышляя над цифрами протокола: только по росту можно представить, что призванные – люди поколения начала 1930-х – по внешнему виду были совсем как дети. Голод в период Великой Отечественной войны, тяжелые условия жизни, труда в военные и послевоенные годы – все это сказалось на развитии молодежи. В списке есть юноши, рост которых составляет 130–137 см, а вес от 32 до 37 кг. В справках о состоянии здоровья призывников фигурируют и заключения «не годен», в том числе и по причине: «физическое развитие не соответствует возрасту». И тут известное научное утверждение о том, что значительное влияние на антропометрические показатели населения имели войны, находит подтверждение. Другие причины негодности в документах были следующие: «хроническая трахома», «компенсированный порок сердца», «туберкулез левого тазобедренного сустава», «птоз век», «близорукость», «плохое зрение», «остатки перенесенного детского паралича с атрофией мышц и укорочение на 5 сантиметров правой нижней конечности»¹⁶.

Почему из Тимонихи он пошел учиться в сокольскую школу ФЗО на столяра, а не отправился учиться на шофера, тракториста или механика в ближайшие городки Вологодской области? Ответ очевиден и обоснован документально. В 1949 году разнорядка пришла на призыв молодежи из Харовского района только в школу ФЗО № 5 г. Сокола. Для сравнения: в 1948 году из Харовского района молодежь призывалась на обучение в школы ФЗО в Ленинград и Севастополь¹⁷. В 1950 году – в школу ФЗО № 4, находящуюся на станции Волонга Харовского района. Там получали специальность токаря и слесаря¹⁸. Из этого следует, что выбора у юного Белова не было.

В школе В.И. Белов смог официально получить профессию, а после обучения трудоустроиться. Кроме того, немаловажным нужно считать и то, что во время обучения в фабрично-заводских школах учащиеся были на полном государственном обеспечении, их бесплатно доставляли на место учебы, кормили, предоставляли жилье, что значительно облегчало жизнь не только детей поколения конца 1920-х – начала 1930-х гг., но и их родителей, младших сестер и братьев, которым молодые специалисты после трудоустройства имели возможность помогать материально.

Василию Белову была понятна профессия столяра: первичные умения и навыки работы с деревом он приобрел еще в детстве, поэтому ему легко далось ее освоение и получение высокого пятого разряда. Однако сам период с 1947 по 1952 годы складывался не так гладко. К слову, если продолжить читать его автобиографию 1998 года, то абзацы, посвященные выбору профессии, держатся на предложениях с противительными союзами «но»:

1. «Каждый год пытался “поступить” куда-нибудь, **но** каждый раз мне отказывали...»;

2. «...начал учиться в восьмом классе вечерней школы г. Сокола, **но** всех нас отправили в Монзенское СМУ на строительство грандиозного лесобратывающего комбината...»;

3. «По закону после ФЗО я должен был работать пять лет, **но** на ст. Вохтога не было даже вечерней школы. Меня отпустили с работы... как пришел вызов на вступительные экзамены в Череповецкий техникум им. Чкалова. **Но** я не стал учиться в техникуме...»;

4. Уже в Ярославле: «Вновь поступил в вечернюю школу, **но** учиться вновь не пришлось, так как весной 1952 года меня взяли в армию...» [2, с. 8–9].

Постоянные жизненные «но» В.И. Белова не давали проявить собственную волю, через многочисленные препятствия вели его к познанию себя, осознанию своего места в жизни, постижению своей индивидуальности и поиску призвания.

Спустя много лет после обучения в школе ФЗО Белов возвращался к осмыслению красоты и пользы плотницко-столярного дела, неслучайности своей «плотницкой заваски». В интервью в 1980-е годы: «Да, видите, у нас в роду все были плотниками. Я уже писал в очерках своих о том, что крестьяне на Севере обязаны были быть все древодельцами. Там же не было такой разницы между плотницким делом и сель-

¹³ ГАВО. Ф. 978. Оп. 8. Д. 35. Л. 39–41 об.

¹⁴ Там же. Л. 41–41 об.

¹⁵ Из беседы Э.Л. Трикоз с С.В. Смирновой от 7 мая 2023 года.

¹⁶ ГАВО. Ф. 978. Оп. 8. Д. 41. Л. 96–103 об.

¹⁷ ГАВО. Ф. 978. Оп. 8. Д. 31. Л. 108, 112, 119, 126.

¹⁸ Там же. Д. 41. Л. 15–19, 71–71 об.

скохозайственным, пахотой, допустим, или косьбой. Каждый человек должен был уметь делать все. Все обязаны были заниматься плотницким делом, потому у нас в роду все были столярами и плотниками. Поэтому я с детства перенял столярничанье и плотничанье от отца и от дяди Ивана Михайловича Коклюшкина, а потом я учился в ФЗО на столяра, поэтому я этим и сейчас занимаюсь. Я люблю с деревом возиться. Очень интересная работа. Даже приятнее, чем писательство» [14]. Тем самым Василий Иванович общался о своем пристрастии, глубоко связанным с его родовыми корнями, утверждая свою крепкую связь с деревней, землей, семьей.

Василий Иванович плотничье искусство считал народным, истым, настоящим, необходимым для сохранения, и об этом писатель говорил в интервью 1983 года: «Плотничье искусство – а это было настоящее искусство – теперь захирело, и чем дальше, тем труднее будет восстановить его. Впрочем, и теперь уже вряд ли возможно поправить дело – старых мастеров нет в живых... Да и мало осталось молодежи по деревням. Давно уже не слышно, чтобы в той или другой деревне парень перед женитьбой срубил себе дом» [5, с. 11]. Самому Василию Ивановичу не довелось рубить себе избу в деревне: на его век хватило материнского добротного дома, за которым он следил, приезжая в Тимонию. Не довелось и потому, что судьба увела его в город с его квартирными удобствами, где он и отстаивал право деревни на жизнь.

И, безусловно, Василий Иванович до армии просто должен был идти и получать профессию (он же мальчик – будущий мужчина!), зарабатывать на хлеб, помогать матери вырастить младших детей. Из автобиографической рукописи «Филипок»: «Я ощущал эту холодную глыбу бесправия всегда: и в 49-м году, когда голодал в школе ФЗО, и тогда, когда с гордостью посылал матери первые заработанные рубли, чтобы она выучила, укрепила в этом неласковом мире двух младших сестер и брата. Вечерняя школа была не положена фэзэошнику. Не положена она была и солдату... Я ощущал эту ледяную глыбу даже после того, как получил наконец заветный аттестат зрелости. Какой зрелости? Мне было уже 28, я отнюдь не чувствовал себя “недозрелым”. Но клеймо беспаспортного и не имевшего права на высшее образование оказалось глубоким, несмываемым, как Тавро на теле коня, выжженное раскаленным железом...» [4, с. 114].

Несмотря на это, все же удачно совпало то, что родовые пристрастия к дереву («зона радости» для В.И. Белова) в тугой узел завязались с мобилизацией в школу ФЗО именно на столярное отделение, хоть и вдали от дома, с голодом и трудными условиями жизни. В те послевоенные годы у многих была трудная дорога в люди, однако у Белова она была облегчена полученными от отца и дяди навыками.

Учеба в школе ФЗО – начало беловского пути в люди и в город. Изучение этого периода имеет важное значение в летописи жизни писателя и, конечно, требует продолжения сбора материала и его анализа.

Отметим только, что самостоятельно освоенные плотницкие навыки и полученная профессия столяра В.И. Белову очень пригодились в его литературных

«экспедициях» в деревню после окончания Литературного института им. Горького. Совместный труд и доверительное общение с настоящими русскими потомственными крестьянами дарили ему бесценный писательский опыт, истории о судьбах людей конца XIX – начала XX веков. Из них выросла повесть «Плотницкие рассказы», фрагменты этнографических очерков «Лад» и образы многих рассказов. Белов всегда с теплом вспоминал о своей первой профессии, называя столярное и плотничье дело искусством; питанные с младых ногтей знания и полученный от деревенских родственников опыт «плотницкой закваской» естественным образом на протяжении всей жизни бродили в нем.

Литература

1. Белов, В. И. Собрание сочинений в 7 томах / Василий Белов ; [составители: С. Ю. Баранов, О. С. Белова]. – Москва : Классика, 2011–2012. – Т. 5.
2. Белов, В. И. Собрание сочинений в 7 томах / Василий Белов ; [составители: С. Ю. Баранов, О. С. Белова]. – Москва : Классика, 2011–2012. – Т. 7.
3. Белов, В. И. Раздумья на родине: Очерки и статьи / Василий Белов. – 2-е изд., доп. – Москва : Современник, 1989. – 352 с.
4. Белов, В. И. Филипок (из автобиографической рукописи) // Светлые души : сборник прозы / [редактор-составитель А. А. Цыганов]. – Вологда, 2006. – [Вып. 2]. – С. 111–123.
5. Большая любовь – большая тревога / беседу вел А. Быков // Турист. – 1983. – № 4. – С. 11.
6. Василий Белов. Воспоминания современников / [составитель А. Н. Грешневиков]. – Москва : Книжный мир, 2018. – 638 с.
7. Грешневиков, А. Н. Совесть русского народа : Василий Белов и Валентин Распутин / А. Н. Грешневиков. – Москва : Книжный мир, 2020. – 556 с.
8. Грешневиков, А. Н. Сто сорок писем Василия Белова / Анатолий Грешневиков. – Рыбинск : Рыбинское подворье, 2018. – 420 с.
9. Ермаков, Д. А. От земли. Василий Белов: повесть-отзвук / Дмитрий Ермаков. – Вологда : Киселев А. В., 2022. – 159 с.
10. Ехалов, А. К. Деревенская беседа. Василий Белов и его товарищи / Анатолий Ехалов. – Вологда : Родники, 2022. – 175 с.
11. Инскрипты из собрания библиотеки писателя Василия Белова : из фондов Музея-квартиры В. И. Белова : альбом-каталог / Министерство культуры Российской Федерации, Кирилло-Белозерский историко-архитектурный и художественный музей-заповедник, Филиал «Музей-квартира В. И. Белова»; составители: О.Н. Анфимова [и др.] ; ответственный редактор О. Н. Анфимова; автор вступительной статьи Э. Л. Трикоз. – Вологда : Древности Севера, 2022. – 431 с.
12. Сазонов, Г. А. Сияние слова Василия Белова: встречи, беседы, воспоминания / Геннадий Сазонов ; Литературное сообщество писателей России, Вологодское региональное отделение. – Вологда : Интелиформ, 2019. – 366 с.
13. Энциклопедия «Привычного дела» В. И. Белова : монография / С. Ю. Баранов, Л. А. Берсенева, Т. Н. Вороница [и др.] ; редактор и автор вступительной статьи С. Ю. Баранов. – Вологда : Полиграф-Периодика, 2021. – 655 с.
14. Я говорю спасибо... / [беседовал кор. Вологод. обл. радио] // Вологодский подшипник. – Вологда, 1982. – 23 окт. – (Встречи с интересными людьми). – URL: <https://www.booksite.ru/belov/data/jagovorju.pdf> (дата обращения: 14.03.2023). – Текст : электронный.

E.L. Trikoz, L.L. Efremova

**SIXTEEN-YEAR-OLD BELOV: A FACTORY TRAINING SCHOOL,
LABOR MOBILIZATION AND HIS WAY INTO THE WORLD
(ARCHIVES, DOCUMENTS, MEMORIES)**

The article introduces a detailed overview of the period of V.I. Belov's studies at the factory training school in Sokol. The authors analyse archival documents of 1949 which encourage young rural population to study, memories and published autobiographies of the writer.

B.I. Belov, Russian writer, village prose, literary museum, archive, Belov's apartment museum, factory training school, labor mobilisation.

В.А. Черкасов

Белгородский государственный национальный исследовательский университет

«ЛИТЕРАТУРНАЯ ЛЕТОПИСЬ» ГУЛЛИВЕРА: ИТОГИ И ПЕРСПЕКТИВЫ ИЗУЧЕНИЯ

В статье рассматривается современное состояние изучения «Литературной летописи» Гулливера, хроники советской литературы в газете «Возрождение». обстоятельно анализируются достижения ученых в установлении атрибуции этого значимого историко-литературного документа (труды Дж. Мальмстада, Р. Хьюза, Е.А. Закрыжевской и др.). Однако более перспективным в исследовательском и эдиционном плане представляется внутритекстовый, структурный, анализ «Литературной летописи», предложенный в работах Н.А. Богомолова, с существенной оговоркой о релевантности источниковедческого подхода в установлении концептуального смысла этого значимого историко-литературного документа.

В.Ф. Ходасевич, Н.Н. Берберова, Гулливер, источниковедческий метод.

«Литературная летопись» Гулливера – это рубрика, печатавшаяся в парижской газете «Возрождение» с 5 января 1928 г. С 11 февраля 1927 г. она выходила под названием «Литературная хроника» анонимно (15 декабря этого же года появляется название «Литературная летопись»). Рубрика представляет собой своеобразный «дайджест» советской литературы 1920–1930-х гг., заметки о литературных и околотрудовых событиях, зафиксированных в центральных советских периодических изданиях указанного периода («Красная новь», «Новый мир», «Печать и революция», «Звезда», «Литературный современник», «Литературная газета», «Литературный Ленинград» и др.). «Столичный» статус обозреваемых в «Литературной летописи» Гулливера советских периодических изданий, как и самого «Возрождения», указывает на ее репрезентативность в плане освещения культурной и литературной ситуации в СССР конца 1920–1930-х гг. Дополнительную эвристическую ценность информации, содержащейся в публикуемой рубрике, придает ее эмигрантский генезис, обладающий презумпцией «взгляда со стороны», незаурядного общественно-политическими установками повременного советского литературного процесса. Читатель «Литературной летописи» Гулливера имеет возможность познакомиться с альтернативной историей советской литературы 1920–1930-х гг.

Значительная эвристическая ценность хроники Гулливера давно привлекала внимание исследователей литературы русского зарубежья. В настоящее время образовался довольно большой корпус посвященных ей научных текстов, нуждающийся в анализе достигнутых результатов и выяснении перспектив дальнейшего изучения уникального историко-литературного документа. В нашей статье мы намереваемся обратиться к решению этих задач.

Одной из главных научных проблем «гулливеряны» остается атрибуция «Литературной летописи». На этот счет существует несколько авторитетных

свидетельств. Во-первых, это деловое письмо выдающегося поэта, критика, мемуариста Владислава Фелициановича Ходасевича (1886–1939), адресованное выпускающему редактору журнала «Современные записки» М.В. Вишняку от 8 декабря 1927 г.: «Газетная работа требует от меня <...> еженедельного чтения советских журналов для составления изводящей меня хроники» [24, с. 505]. Во-вторых, это утверждение его жены Нины Николаевны Берберовой (1901–1993), которое она включила в состав своей художественной автобиографии «Курсив мой» (1969): «...я писала для парижской газеты хронику советской литературы. Считалось, что ее пишет Ходасевич, но на самом деле писала ее я, подписывала “Гулливер” (по четвергам, в “Возрождении”) и таким образом тайно сотрудничала в обеих газетах, что, разумеется, открыто делать было совершенно невозможно. Я делала это для Ходасевича, который говорил, что неспособен читать советские журналы, следить за новинками. Это оставалось тайной ото всех, вплоть до 1962 года, когда аспирант Гарварда, Филипп Радли, писавший диссертацию о Ходасевиче, сказал мне, что он недавно узнал от кого-то, что Ходасевич под псевдонимом *Гулливер* регулярно давал в газету “Возрождение” отчеты о советской литературе. Мне пришлось признаться ему, что Гулливер была я, но что Ходасевич, конечно, редактировал мою хронику, прежде чем печатать ее, как свою, иногда добавляя что-нибудь и от себя» [2, с. 398].

Казалось бы, однозначное свидетельство Ходасевича о собственном кропотливом труде по составлению и написанию весьма трудоемкой хроники повременной советской литературы, благодаря утверждению Берберовой, переходит в разряд дубиальных, не отражающих его настоящую роль как автора этой газетной рубрики. Если это утверждение Берберовой никак не способствовало изучению ее литературно-критической деятельности (за одним исключением, о чем будет сказано ниже), то для развития ходасевиче-

ведения как отдельной историко-литературной дисциплины оно имело поистине роковые последствия: оказавшись между Сциллой берберовского авторитетного утверждения и Харибдой весьма соблазнительного по своей эвристичности историко-литературного материала, содержащегося в «Литературной летописи» Гулливера, исследователи, кто как может, пытаются обойти непреодолимое препятствие сомнительной атрибуции Ходасевичу этой хроники.

Некоторые из них немотивированно отказываются упоминать сам факт участия Ходасевича в составлении «Литературной летописи» Гулливера, что, очевидно, не способствует полному раскрытию избранной ими темы для исследования [11; 17; 18]¹. И. Андреева, публикатор писем Ходасевича к В.Г. Лидину [16], на наш взгляд, поступает непоследовательно, с одной стороны, приводя в своих комментариях фрагменты «Литературной летописи», посвященные О.Э. Мандельштаму [16, с. 421–422], то есть атрибутируя их Ходасевичу, а с другой – игнорируя многочисленные отзывы Гулливера о личности и творчестве Лидина, одного из главных героев своей работы. Прямо противоположную крайность допустил Эдуард Вайсбанд, приписав авторство «Литературной летописи» исключительно Ходасевичу: «На дискуссию о военных статьях Маяковского в советской печати откликнулся его давний литературный недруг Вл. Ходасевич (см: [Мальмстад 1995–1996, Богомолов 2011: 218–233]), который под псевдонимом Гулливер вел в парижской газете “Возрождение” рубрику “Литературная летопись” о советской литературе. Здесь 3 октября Ходасевич опубликовал заметку “Статьи Маяковского”, которая еще не становилась предметом научного рассмотрения» [4].

Подчеркивая свою заслугу во введении в научный оборот данного текста Гулливера, Вайсбанд, однако, не задался вопросом: почему один из ведущих ходасевичеведов, каковым по праву является Джон Э. Мальмстад, в своей самой репрезентативной работе на тему взаимоотношений Ходасевича и В.В. Маяковского (на которую он, несомненно, ссылается [14]) не рассматривал в качестве своего источника «Литературной летописи»? Добавим также, что ученый не ссылался на Гулливера в своих не менее значимых работах «Ходасевич и формализм: несогласие поэта» (1985) [13] и «Ходасевич об Андрее Белом» (2008) [15], хотя концептуальной информации на данные темы в его хронике содержится более чем достаточно (чем не преминули воспользоваться другие исследователи творчества Ходасевича, о чем ниже).

Лишь однажды Мальмстад позволил себе (весьма осторожно) прибегнуть к цитированию «Литературной летописи» Гулливера в статье «Единство противоположностей: История взаимоотношений Ходасевича и Пастернака» (1990) [12]. Да еще совместно с Р. Хьюзом в комментариях ко второму тому собрания сочинений Ходасевича [25]² разместил как принадлежащие последнему обширные перепечатки от-

зывов Гулливера об О.Э. Мандельштаме [25, с. 607–610] и К.К. Вагинове (Там же, с. 637–639).

В статье «Единство противоположностей...» Мальмстад указал на ненадежность утверждения Берберовой о собственном почти единоличном авторстве «Литературной летописи», сославшись на архивное свидетельство, – надпись в тетрадах, содержащих вклеенные Ниной Николаевной вырезки хроники: «совместное авторство Нины Берберовой и В. Ходасевича» [12, с. 53]. Кроме того, Мальмстад отвергает как не выдерживающий критики следующий аргумент Берберовой касательно неспособности Ходасевича читать советские журналы. В этой связи он указал, во-первых, на посвященные советской литературе статьи Ходасевича, свидетельствующие о пристальном изучении источников, а также на частые совпадения отзывов Гулливера с мнениями и оценками, выраженными в этих статьях; во-вторых, на обзоры советской пушкинистики в составе «Литературной летописи», написанные компетентным в этой области знания исследователем, то есть скорее Ходасевичем, чем Берберовой; в-третьих, на перволичные взаимные ссылки Ходасевича и Гулливера на статьи друг друга (Там же).

Однако, несмотря на указанную ненадежность свидетельства Берберовой, Мальмстад все-таки атрибутирует Ходасевичу лишь заметки Гулливера, появившиеся в конце 1920-х гг., а также спорадические заметки 1930-х гг., речь в которых идет о пушкинистике или о знакомых критика (Там же, с. 58). По его аргументированному мнению, начиная с 1930 г., хронике начинает вести единолично Берберова, поскольку именно в это время в ней фиксируется третьеличная форма при обращении к статьям Ходасевича (Там же). Именно поэтому Мальмстад считает нужным упомянуть лишь в примечаниях, как сомнительно принадлежащие Ходасевичу, восхищенные оценки Гулливером стихов Пастернака, вошедших в состав его книги «Второе рождение» (1932): «Отзывы “Гулливера” о Пастернаке встречаются и позже, но они редки и их нельзя, на мой взгляд, безусловно отнести перу Ходасевича; посему о них стоит упомянуть в сноске» (Там же, с. 54)³. Он ограничился обзором негативных отзывов критика, совпадающих по своей модальности с общим резко отрицательным отношением Ходасевича к личности и творчеству Пастернака. Это позволило ему сделать эффектную концовку на тему так и не состоявшейся духовной встречи «опростившегося» позднего Пастернака 1940-х гг. и «неоклассика» Ходасевича (Там же, с. 59)⁴, хотя, как

¹ Особенно досадно игнорирование «Литературной летописи» в работе Л.Ю. Коноваловой, поскольку образ К.А. Федина является в ней лейтмотивным, а статус академической публикации обязывает к полноте исследования.

² Впервые этот том был издан в издательстве «Ann Arbor» в 1990 г.

³ Вероятно, решение Мальмстада атрибутировать высокую оценку Гулливером стихов из «Второго рождения» было также мотивировано воспоминанием Берберовой в «Курсив мой» о восторге, который она испытала от стихотворения Пастернака «Волны», вошедшего в состав этой книги: «Это было [повесть Ю.К. Олеси «Зависть»] и осталось для меня крупнейшим событием в советской литературе, пожалуй, даже большим, чем “Волны” Пастернака» [2, с. 398].

⁴ «Натяжку» в «уверенности» Мальмстада по поводу посмертной «встречи» Ходасевича и Пастернака 1940-х гг. заметила Анна Сергеева-Клягис. Проблему конвергенции поэтических вкусов этих поэтов она признала решаемой в научной плоскости, указав на «поздние» «позитивные» оценки Ходасевичем поэзии Пастернака: «Мы не можем с такой же уверенностью утверждать, что Ходасевич принял бы новую манеру Пастернака и не нашел бы в ней недостатков, сводящих на нет все поэтические победы. Впрочем,

известно, «неслыханную простоту» как поэтический идеал Пастернак манифестировал еще в «Волнах», открывающих «Второе рождение», что не преминул с удовлетворением отметить Гулливер в «Литературной летописи» от 21 апреля 1932 г.: «Стихи Пастернака, напечатанные в “Красной Нови” и “Новом Мире”, запоминаются каким-то новым рисунком, новым голосом, который в них звучит...». И далее цитируется обсуждаемый фрагмент из «Волн»⁵.

Таким образом, Мальмстад не только сформулировал *status quo* в атрибуции авторства «Литературной летописи» как коллективного до известных пределов, но и указал на конкретные приемы его верификации: форма повествования, факт личного знакомства с упомянутым в хронике человеком, совпадение оценок в статьях Гулливера и Ходасевича, однозначное атрибутирование пушкинистских заметок Гулливера Ходасевичу. Однако Мальмстад не увидел в тексте «Литературной летописи» самостоятельной, существенной концептуальной значимости для раскрытия своей темы, отведя цитатам из нее лишь функцию дополнения к собственным высказываниям Ходасевича о личности и творчестве Пастернака: «Поэтому я позволю себе пользоваться цитатами из хроники “Гулливера” о Пастернаке 1928–1929 гг., которые лишь дополняют аналогичные суждения “собственных” статей Ходасевича в “Возрождении” этого и более ранних периодов (и еще раньше на страницах “Дней” и “Последних новостей”))» [12, с. 53]⁶.

Задача научного изучения «Литературной летописи» Гулливера как отдельного литературно-критического произведения, не являющегося простым дополнением к тем или иным высказываниям Ходасевича⁷, а ставящего перед исследователем свои собственные, специфические проблемы, была обозначена в работах Н.А. Богомолова [3] и его учениц К.В. Яковлевой [30; 31]⁸ и Е.А. Закрыжевской [7; 8; 9]⁹. Последние ставят перед собой задачу атрибуции отдельных заметок Гулливера, исходя из сформулированной Мальмстадом

логика его более поздних высказываний о Пастернаке как будто убеждает в изменении негативного отношения на позитивное» [20, с. 50]. Позитивных высказываний Ходасевича о поэзии Пастернака, судя по обзору Мальмстада, не существует, кроме принадлежащих Гулливеру. То есть исследовательница атрибутирует Ходасевичу позитивные оценки Гулливером стихов из «Второго рождения».

⁵ Кстати говоря, этот выпуск «Литературной летописи» в работе Мальмстада не упоминается.

⁶ В рамках концепции Мальмстада Р. Хьюз обильно цитирует в примечаниях к своей работе «Белый и Ходасевич: к истории отношений» (1987) заметки Гулливера об А. Белом в качестве дополнения к статьям Ходасевича об этом писателе [27]. Он однозначно атрибутирует Ходасевичу пушкинистские заметки Гулливера: «...Ходасевич регулярно вел “Литературную летопись” для *Возрождения*, подписывая свои отчеты и рецензии псевдонимом “Гулливер”. Хотя с января 1928 года это был псевдоним общий с Ниной Берберовой, по всей вероятности статьи о Пушкине были написаны исключительно Ходасевичем-пушкиноведом» [26, с. 312].

⁷ Работ о литературной критике Берберовой в связи с хроникой Гулливера нам неизвестно, за одним исключением (о чем ниже).

⁸ Ее статья «Мемуары Андрея Белого глазами Владислава Ходасевича и Гулливера» [31] не поддерживает критики, поскольку исследовательница не учитывает полного контекста высказываний Гулливера о мемуарах А. Белого, хотя и содержит в себе перспективную попытку рассмотрения заметки о Белом из «Литературной летописи» в рамках беловедческого дискурса Ходасевича как единого текста.

⁹ В первой статье Закрыжевской [7] и в ее диссертации представлена уникальная попытка атрибуции отдельных заметок Гулливера Берберовой («Ивелич» – ее псевдоним).

установки на поиск автобиографических источников как надежного верифицирующего приема.

Сам Богомолов акцентирует внимание на внутри-текстовой эволюции взглядов Гулливера на роман Ю.Н. Тынянова «Смерть Вазир-Мухтара», тем самым подразумевая их значительную эвристическую ценность *per se*, без привязки к мнениям Ходасевича или Берберовой (недостоверность атрибуции рассматриваемых в статье хроник Гулливера автором неоднократно подчеркивается).

Кроме того, в рассматриваемой статье Богомолова содержится пассаж, представляющий собой удобную «площадку» для дискуссии на тему релевантных методов и подходов в изучении «Литературной летописи» Гулливера как текста, обладающего самостоятельной концептуальной значимостью. Поэтому мы позволим себе представить его полностью.

Сначала Богомолов приводит, в качестве итогового («последнее», «существенное и ответственное» [3, с. 264]), суждение Гулливера о «Смерти Вазир-Мухтара» от 21 февраля 1929 г.: «Роман Тынянова “Смерть Вазир Мухтара”, неожиданно нашедший в эмиграции горячих поклонников, рассматривается в России как некоторое падение писателя после непосредственной и увлекательной первой повести его “Кюхля”. Впрочем, Тынянова хвалят как раз за то, за что его в эмиграции бранят, и бранят за то, за что здесь хвалят. Его Грибоедов “неканоничен”, “выводы мемуаристов для него не обязательны”, – казалось бы, у нас это может почтиться недостатком явным и непростительным; вряд ли можно мириться с биографическим “романом-фантазией”, где по-настоящему ни от эпохи, ни от героя не осталось ничего. В России это-то именно и ставится автору в заслугу. По мнению тамошних критиков, Тынянов отлично сделал, что презрел историко-литературные материалы и написал “от себя”. Как раз поэтому роман Тынянова мало приемлем для нас.

Наоборот: все то относительно удачное, что находим мы в этом романе: некоторую увлекательность, изощренность (порой преувеличенную) письма, – все это ставится Тынянову в России в упрек. В одном мы можем согласиться с сов. критиками: первая книга Тынянова “Кюхля” обещала больше, и несомненно, что круг осведомленных читателей этого автора после “Вазир-Мухтара” сузится»¹⁰.

Вот как ученый комментирует эту заметку Гулливера: «Обратим внимание на то, что в заметке не упоминаются ни советские, ни эмигрантские критики, писавшие о романе Тынянова. Конечно, можно было бы попробовать догадаться, кто здесь имеется в виду¹¹, но, пожалуй, без этого можно и обойтись, ибо для автора отзыва было важно не столько устроить полемику с критиками, сколько сформулировать свои мысли относительно самого принципа организации биографического романа. В нем должны сочетаться увлекательность и изощренность письма с верностью историко-литературным данным» [3, с. 264–265].

¹⁰ Цит. по: [5]. В статье Богомолова допущены существенные неточности в цитировании этой заметки.

¹¹ Тем не менее, Богомолов ссылается на статьи Г.В. Адамовича «Смерть Грибоедова» (7 февраля 1929 г.) [1] и Г.П. Струве (9 февраля 1929 г.) [21] (см. [3, с. 265]).

На самом деле это суждение Гулливера о «Смерти Вазир-Мухтара» далеко не последнее в его хронике. Самое значительное из них содержится в статье «“Пушкин” Ю. Тынянова», опубликованной в «Литературной летописи» от 11 июля 1935 г.: «За книгой о Кюхельбекере последовала “Смерть Вазир-Мухтара” – кусок биографии Грибоедова, написанный с чрезвычайными вычурными и сознательными отступлениями от исторической правды. “Смерть Вазир-Мухтара” оказала вредное влияние на советскую биографическую литературу: после нее от биографов стали требовать не истинного изображения лиц и событий, а их “понимания с точки зрения современности”, ради чего и фактическая сторона истории была объявлена подлежащей изменениям и добавлениям» [6]. Так как в данной заметке наблюдается повтор мотива сознательного искажения Тыняновым историко-литературных фактов, который акцентируется в заметке от 21 февраля 1929 года, и так как статья «“Пушкин” Ю. Тынянова» однозначно атрибутируется Ходасевичу как пушкинисту¹², то и процитированную Богомоловым заметку от 21 февраля 1929 года также следует атрибутировать Ходасевичу.

Богомолов считает имеющим подтекст упоминание Гулливером статей современных критиков о «Смерти Вазир-Мухтара»: по его мнению, этим приемом автор хроники намекает на нерелевантность источниковедческого подхода для раскрытия своей концепции.

Однако отсутствие конкретных ссылок на источники в литературно-критической статье еще не означает нерелевантности для ее идейного замысла полемического уровня. К слову сказать, Гулливер часто либо не указывает источников для своих суждений, либо формулирует эти указания в самой общей форме, что наблюдается и в рассматриваемой заметке от 21 февраля 1929 года.

Между тем обращение к источникам «Литературной летописи» Гулливера необходимо не только и не столько для атрибуции ее статей Ходасевичу либо Берберовой – на наш взгляд, решение этой задачи не должно становиться самоцелью для исследователя хроники. Сопоставительный анализ текстов «Литературной летописи» и их источников позволяет раскрыть авторскую концепцию ее автора – Гулливера – и тем самым включить его литературно-критический дискурс в историю русской литературы 1920–1930-х годов, наряду с дискурсами Ходасевича или Берберовой.

В самом деле, если хотя бы учесть, что «изошренность письма» в романе Тынянова – это цитата из упомянутой самим Богомоловым статьи Адамовича «Смерть Грибоедова», то конечный вывод ученого о достигнутой Ходасевичем «новой, гораздо более толерантной точке зрения» по поводу художественных достоинств «Смерти Вазир-Мухтара» оказывается сомнительным. Ведь для Адамовича «изошренность» означала третируемую им «литературность», «мастерство», понимаемые как «механическое умение» в противоположность «творческому опыту» [1, с. 105]¹³.

¹² Эта статья была републикована как принадлежащая Ходасевичу в: [26, с. 358–361].

¹³ Приведем фрагмент этой статьи Адамовича, который цитирует Гулливер: «Но есть глубокая пропасть между механическим умением и творческим опытом. Не “приложу ума”, в чем усмотрели

Или взять утверждение Гулливера о том, что советская критика якобы безусловно одобрила пренебрежительное отношение Тынянова к мемуарным свидетельствам о биографируемом им Грибоедове: «По мнению тамошних критиков Тынянов отлично сделал, что презрел историко-литературные материалы и написал “от себя”». Напомним, что «сознательные отступления от исторической правды» – это тот недостаток в «Смерти Вазир-Мухтара» и в повременном советском историческом романе, который особенно тревожил Ходасевича. В данном случае Гулливер имеет в виду статью советского критика Евгении Федоровны Книпович «О романах Тынянова», опубликованную в восьмом номере журнала «Печать и революция» за 1928 год. По словам Книпович, «...Тынянов нигде не отступает от исторической правды. То новое, что он внес в обрисовку Грибоедова, достигается умелым комбинированием материала, выдвиганием на первый план тех черт, которые современники и исследователи оставили в тени» [10, с. 90]. Поскольку мемуары современников не раскрывают во всей полноте «сложность крупного художника», передавая только его «добродетельную» сторону, Тынянов предпочел в качестве источника для создания образа Грибоедова взять его собственные произведения, а мемуары использовать лишь для воссоздания его «бытового окружения»: «...на основании тщательного изучения материалов (особенно широко он воспользовался всей изданной и неизданной грибоедовской прозой) Тынянов создает свой образ, свой портрет Грибоедова» (Там же).

Итак, при сопоставлении с этим источником рассматриваемого утверждения Гулливера обнаруживается не «презрение историко-литературных материалов», а «комбинирование» с учетом их исторической достоверности; не «отсебятину», а опора на художественные и нехудожественные произведения Грибоедова, рассматриваемые как источник для его биографии, другими словами, применение того самого биографического подхода, сторонником которого считается сам Ходасевич.

Мало того, если сравнить собственные установки Ходасевича как автора художественной биографии «Державин» (1931), над которой он как раз в это время работал, с принципами работы Тынянова с источниками в формулировке Книпович, то можно обнаружить одинаковые мотивы: стремление «по-новому», то есть неканонически, рассказать о писателе – герое биографии; недостоверность существующих представлений об этом писателе, генетически восходящая к представлениям его современников; тщательное предварительное изучение существующих исторических источников; биографический подход при воссоздании личности писателя. «Нашей целью было лишь по-новому рассказать о Державине, – писал Ходасевич в предисловии к своей книге, – и попытаться при-

“напостовцы” высокое мастерство Тынянова – я его не заметил. Есть иногда изошренность, есть постоянно тщетное желание писать иначе, нежели писали до сих пор, есть утомительная показная “литературность” – можно сказать, как один из французских критиков: “Автор все время прицеливается, но патроны у него холостые”» [1, с. 105]. И чуть ниже: «Если это мастерство, то лучше уж не быть мастером» (Там же, с. 106).

близить к сознанию современного читателя образ великого русского поэта – образ отчасти забытый, отчасти затемненный широко распространенными, но неверными представлениями. Биограф – не романист. Ему дано изъяснять и освещать, но отнюдь не выдумывать. Изображая жизнь Державина и его творчество (поскольку оно связано с жизнью), мы во всем, что касается событий и обстановки, остаемся в точности верны сведениям, почерпнутым и у Грота, и из многих иных источников» [23, с. 30]. Кстати говоря, как и Тынянов в формулировке Книпович, Ходасевич, судя по его собственным словам, использовал информацию из гротовской биографии Державина, представляющей собой компендиум внехудожественных, документальных источников, для передачи внешней стороны жизни своего героя, отведя художественным произведениям первенствующую роль при воссоздании его внутренней, духовной личности.

Почему же Гулливер искажил слова советского критика? Другими словами, почему он акцентировал мотив небрежного отношения Тынянова к историко-литературным источникам своего романа? Ответить на этот вопрос можно только с учетом полемической позиции критика. Дело в том, что многие эмигрантские критики разделяли мнение Книпович об исторической достоверности «Смерти Вазир-Мухтара»¹⁴. То есть мнение Книпович было типичным и именно поэтому послужило объектом для полемики со стороны Гулливера, боровшегося за эмигрантского читателя. Дело в том, что, в отличие от упомянутых критиков, Ходасевич специально занимался Грибоедовым¹⁵ и в результате выработал собственную концепцию личности и творчества этого писателя, полемичную по отношению к фаталистской концепции Тынянова. Как мы писали в другой работе, итожа результаты сопоставительного анализа грибоедовских концепций Ходасевича и Тынянова: «Таким образом, Ходасевич показал абсолютную чужеродность тыняновского образа Грибоедова русской культурной традиции. Ведь русский поэт, прежде всего, пророк, сознательно идущий навстречу своей судьбе, а не какая-то соломинка, плывущая по воле первого подвернувшегося течения» [28, с. 212].

Обвинения Гулливера в адрес Тынянова в «презрении» историко-литературных документов имели свой резон: ведь тот пренебрег свидетельствами самого Грибоедова из его писем и художественных произведений, утверждениями друзей писателя о его жизнетворческом пророческом дискурсе¹⁶.

Таким образом, Ходасевич не мог согласиться, чтобы его художественная биография «Державин»

была поставлена в один ряд с романом Тынянова «Смерть Вазир-Мухтара»: хотя его методы работы с источниками были аналогичны методам Тынянова, результаты оказались диаметрально противоположны.

Таким образом, несмотря на значительные достижения современных ученых в решении проблемы атрибуции «Литературной летописи» Гулливера, среди которых выделяются своей глубиной и фундаментальностью наблюдения и выводы Закрыжевской, вопрос остается открытым и порождает массу трудностей как в плане изучения хроники, так и в плане ее издания. Например, составители восьмитомного собрания сочинений Ходасевича Мальмстад и Хьюз отказались публиковать в полном виде хронику Гулливера, ограничившись фрагментами, в связи с ее дубиальным статусом: «В настоящее издание не включены литературные хроники и летопись на темы главным образом советской литературы, опубликованные в парижской газете “Возрождение” и, после 1927 г., подписанные псевдонимом Гулливер. Они часто были написаны совместно с Н.Н. Берберовой. Мы считаем, что до конца 20-х годов их автором являлся главным образом Ходасевич. В тех случаях, когда мнение Гулливера совпадает с мнением Ходасевича, соответствующие отрывки приводятся в наших примечаниях» [25, с. 530]. Можно предположить, что когда дело дойдет до издания полного собрания сочинений Берберовой, его составители также откажутся печатать хронику Гулливера по тем же соображениям, касающимся ее недостоверной атрибуции. В этой связи перспективным является утверждение Гулливера как единственного автора, вполне независимого от своих создателей, по типу Козьмы Прутков, которого, кстати говоря, Ходасевич хорошо знал и весьма ценил.

Также перспективным является внутритекстовое изучение «Литературной летописи» как единого и цельного текста, обладающего известной структурой на идейно-образном и стилистическом уровнях. Большой значимостью для данного направления изучения являются работы Богомолова. Однако следует учитывать также конструктивную значимость метода поисков источников для изучения концептуального плана «Литературной летописи»¹⁷.

Литература

1. Адамович, Г. В. Смерть Грибоедова / Г. В. Адамович // Лицо и Гений. Зарубежная Россия и Грибоедов / составитель и предисловие М. Д. Филина; редактор и комментарии В. А. Кожевникова. – Москва: Русский мир, 2001. – С. 103–108.
2. Берберова, Н. Н. Курсив мой: Автобиография / Нина Берберова; предисловие А. Кузнецовой. – Москва: АСТ: Астрель, 2011. – 768 с.
3. Богомолов, Н. А. Сопряжение далековатых: О Вячеславе Иванове и Владиславе Ходасевич / Н. А. Богомолов. – Москва: Издательство Кулагиной – Intrada, 2011. – С. 260–265. (Впервые в: Богомолов Н. А. Гулливер и Вазир-Мухтар // Natale grate numeras? Сборник статей к 60-летию Георгия Ахилловича Левинтона / редакторы: А. К. Байбурин и А. Л. Осповат; при участии С. В. Николаевой, А. М. Пиир, Н. А. Славгородской. – Санкт-Петербург: Издательство

¹⁴ Адамович: «В ней очень много сведений, сведения эти в общем верны...» [1, с. 103]; Д.П. Святополк-Мирский в статье «Роман Тынянова о Грибоедове»: «Роман Тынянова вновь ставит вопрос об историческом романе как жанре. Для Тынянова это прежде всего реконструкция данной исторической действительности, то есть вид истории. “Смерть Вазир-Мухтара” – историческая работа. Даже там, где автор “выдумывает”, выдуманное им имеет целью дать более яркую формулу действительно бывшему, осмыслить и оживить его» [19, с. 116]. (Впервые: «Евразия», Clamart, 1929, № 13, 16 февр.); Г.П. Струве отказывается оценивать работу Тынянова с документами, считая ее «неважной» [21, с. 111–112].

¹⁵ Об этом свидетельствует, например, очерк Ходасевича «Грибоедов» [22], опубликованный в «Возрождении» 11 февраля 1929 года.

¹⁶ Подробнее о работе Ходасевича с источниками в очерке «Грибоедов» см.: [28, с. 201–216].

¹⁷ См. результаты такого подхода к исследованию концептуального плана хроники Гулливера также в моей работе [29].

Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2008. – С. 144–152).

4. Вайсбанд, Э. В борьбе за переписывание идеологии русского футуризма: младоформалисты, «некий А. Дымшиц» и Гулливер о военных статьях Маяковского / Э. Вайсбанд // Новое литературное обозрение. – 2017. – № 1. – URL: <https://magazines.gorky.media/nlo/2017/1/v-borbe-za-perepisyvaniye-ideologii-russkogo-futurizma.html> (дата обращения: 09.06.2023).

5. Гулливер. Литературная летопись // Возрождение. – 1929. – № 1360. – 21 февраля.

6. Гулливер. Литературная летопись: «Пушкин» Ю. Тынянова // Возрождение. – 1935. – № 3690. – 11 июля.

7. Закрыжевская, Е. А. Ивелич и Гулливер на страницах эмигрантской газеты «Возрождение» о советском критике Вяч. Полонском / Е. А. Закрыжевская // Вестник Московского университета. Серия 10. Журналистика. – 2018. – № 6. – С. 172–190.

8. Закрыжевская, Е. А. Биографические черты Владислава Ходасевича в хронике «Гулливера» / Е. А. Закрыжевская // Литературный факт. – 2020. – № 1(15). – С. 342–351.

9. Закрыжевская, Е. А. Нина Берберова – хроникер советской литературы : специальность 10.01.10 : диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Закрыжевская Е. А. – Москва, 2021. – 238 с.

10. Книпович, Евг. О романах Тынянова / Евг. Книпович // Печать и Революция. – 1928. – № 8. – С. 86–96.

11. Костенко, Е. В. Литературно-критическая деятельность В. Ф. Ходасевича в эмигрантском издании «Возрождение» / Е. В. Костенко // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 9. – 2009. – Вып. I, ч. П. – С. 246–249.

12. Мальмстад, Д. Единство противоположностей: История взаимоотношений Ходасевича и Пастернака / Д. Мальмстад // Литературное обозрение. – 1990. – № 2. – С. 51–59.

13. Мальмстад, Д. Ходасевич и формализм: несогласие поэта / Д. Мальмстад // Русская литература XX века. Исследования американских ученых. – Петро-Риф ; Университет Джеймса Медисона (Вирджиния США) ; Санкт-Петербургский государственный университет. – Санкт-Петербург, 1993. – С. 284–300.

14. Мальмстад, Д. По поводу одного «не-некролога»: Ходасевич о Маяковском / Д. Мальмстад // Седьмые Тыняновские чтения. Материалы для обсуждения. – Рига ; Москва, 1995–1996. – С. 189–199.

15. Мальмстад, Д. Ходасевич об Андрее Белом / Д. Мальмстад // Андрей Белый в изменяющемся мире. К 125-летию со дня рождения. – Москва, 2008. – С. 152–178.

16. Письма В. Ф. Ходасевича к В. Г. Лидину (1917–1924). Публикация И. Андреевой // Минувшее: Исторический альманах. 14. – Москва ; Санкт-Петербург : Atheneum : Феникс, 1993. – С. 414–438.

17. Письмо В. Ф. Ходасевича К. А. Федину. Вступительная статья, подготовка текста, комментарий Л. Ю. Коноваловой // Константин Федин и его современники: Из литературного наследия XX века. Книга 1. – Москва : ИМЛИ РАН, 2016. – С. 61–66.

18. Ронен, Ирена. Вкусы и современники: О Ходасевиче и формалистах / Ирена Ронен // Звезда. – 2004. – № 10. – С. 201–210.

19. Святополк-Мирский, Д. П. Роман Тынянова о Грибоедове / Д. П. Святополк-Мирский // Лицо и Гений. Зарубежная Россия и Грибоедов / составитель и предисловие М. Д. Филина ; редактор и комментарии В. А. Кожевникова. – Москва : Русский мир, 2001. – С. 113–117.

20. Сергеева-Клятис, А. Тоска по автобиографии: к теме «Пастернак и Ходасевич» / А. Сергеева-Клятис // Russian Literature. – 2016. – № 83–84. – С. 41–53.

21. Струве, Г. П. Роман о Грибоедове / Г. П. Струве // Лицо и Гений. Зарубежная Россия и Грибоедов / составитель и предисловие М. Д. Филина ; редактор и комментарии В. А. Кожевникова. – Москва : Русский мир, 2001. – С. 108–113.

22. Ходасевич, В. Ф. Грибоедов / В. Ф. Ходасевич // Лицо и Гений. Зарубежная Россия и Грибоедов / составитель и предисловие М. Д. Филина ; редактор и комментарии В. А. Кожевникова. – Москва : Русский мир, 2001. – С. 37–47. (Впервые в: Возрождение. – 1929. – № 1350. – 11 февраля).

23. Ходасевич, В. Ф. Державин / В. Ф. Ходасевич ; вступительная статья, составитель приложения, комментарий А. Л. Зорина. – Москва : Книга, 1988. – 328 с.

24. Ходасевич, В. Ф. Собрание сочинений. В 4 томах. Том 4. Некрополь. Воспоминания. Письма / редактор В. П. Кочетов. – Москва : Согласие, 1997. – 744 с.

25. Ходасевич, В. Ф. Собрание сочинений. В 8 томах. Том 2. Критика и публицистика (1905–1927) / В. Ф. Ходасевич ; составитель, подготовка текста, комментарий Дж. Малмстада и Р. Хьюза ; вступительная статья Р. Хьюза. – Москва : Русский путь, 2010. – 720 с.

26. Ходасевич, Владислав. Пушкин и поэты его времени. В 3 томах. Том 3. Статьи, рецензии, заметки 1935–1939 гг. / Владислав Ходасевич ; под редакцией Р. Хьюза. – Berkeley Slavic Specialties, 2014. – 433 с.

27. Хьюз, Р. Белый и Ходасевич: к истории отношений / Р. Хьюз // Вестник русского христианского движения. – 1987. – № 151. – С. 144–165.

28. Черкасов, В. А. Державин и его современники глазами Ходасевича : монография / В. А. Черкасов. – Белгород : Издательство БелГУ, 2009. – 335 с.

29. Черкасов, В. А. В. Ф. Ходасевич, «Гулливер» и советский миф о Горьком / В. А. Черкасов // Литературный факт. – 2018. – № 7. – С. 331–348.

30. Яковлева, К. В. Литературная критика В. Ф. Ходасевича в газете «Возрождение»: к проблеме канонического текста и атрибуции / К. В. Яковлева // Лесная текстология: Труды III летней школы на Карельском перешейке по текстологии и источниковедению русской литературы. – Псков, Ленинградская обл., 2007. – С. 142–148.

31. Яковлева, К. В. Мемуары Андрея Белого глазами Владислава Ходасевича и Гулливера / К. В. Яковлева // Андрей Белый в изменяющемся мире. К 125-летию со дня рождения. – Москва, 2008. – С. 418–425.

V.A. Cherkasov

GULLIVER'S «LITERARY CHRONICLE»: THE STUDY RESULTS AND PROSPECTS

The article investigates the current state of the study of Gulliver's «Literary Chronicle», a chronicle of Soviet literature in the newspaper «Vozrozhdeniye». The scholars' achievements in establishing the attribution of this significant historical and literary document (the works of J. Malmstad, R. Hughes, E.A. Zakryzhevskaya and others) are analyzed in detail. However, the intratextual and structural analysis of the «Literary Chronicle», proposed in the works of N.A. Bogomolov, is more promising in research and editorial terms. N. A. Bogomolov emphasized the relevance of the source study approach in establishing the conceptual meaning of this significant historical and literary document.

V.F. Khodasevich, N.N. Berberova, Gulliver, source study method.

И.В. Архипова

Новосибирский государственный педагогический университет

НЕМЕЦКИЕ БЕЗАФФИКСНЫЕ ДЕВЕРБАТИВЫ: СЕМАНТИЧЕСКИЙ И ТАКСИСНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ

Данная статья посвящена описанию семантического и таксисного потенциала немецких безаффиксных девербативов. Безаффиксные девербативы акциональной семантики, как правило, сохраняют вербальность и таксисность производящих глаголов, что позволяет им участвовать в актуализации различных таксисных значений одновременности и разновременности (примарно-таксисных, секундарно-таксисных, итеративно-таксисных, фазово-таксисных). При употреблении с темпоральными предлогами они выступают в качестве примарно-таксисных актуализаторов одновременности, предшествования, следования, а при сочетании с предлогами другой семантики (инструментальной, медиальной, финальной и др.) демонстрируют способность к реализации секундарно-таксисных значений одновременности. Деривационно-итеративные безаффиксные девербативы выполняют функцию итеративно-таксисных детерминантов и актуализируют итеративно-примарно-таксисные категориальные значения. Некоторые имена модифицируются в процессе деривации, обрстая «опредмеченными» значениями результата действия. «Опредмеченные» девербативы при переходе в группу предметных имен существительных теряют свои акциональные и таксисные признаки.

Безаффиксные девербативы, акциональные девербативы, семантический потенциал, таксисность, таксисный потенциал, таксисная актуализация, таксисные актуализаторы, таксисные детерминанты.

Введение

Вопросы семантики и синтаксиса немецких девербативных существительных освещаются в работах отечественных лингвистов И.В. Архиповой, Е.В. Болотовой, И.В. Волковой, Н.Н. Зольниковой, Н.А. Масловой, Р.З. Мурысова, З.А. Мирошниковой, О.В. Матасовой и др. [1; 2; 3; 4; 5; 6; 7].

В фокусе нашего исследовательского внимания находится семантический и таксисный потенциал немецких девербативов, унаследовавших вербальность и таксисность производящих глаголов и участвующих в актуализации таксисных категориальных значений одновременности и разновременности в высказываниях с темпоральными и другими обстоятельственными предлогами.

Материалом исследования явились немецкие высказывания с безаффиксными девербативами, полученные методом направленной выборки из базы данных Лейпцигского национального корпуса и Электронного словаря немецкого языка. В качестве основных методов исследования применялись дедуктивный, индуктивный, описательный и контекстуальный методы, а также метод интерпретации и обобщения языковых фактов.

Результаты и обсуждение

К аффиксальным девербативам немецкого языка, способным к таксисной актуализации, мы относим имена, образованные от различных акциональных

глаголов. Рассматриваемые девербативные существительные могут обозначать однократное завершённое действие как отдельный акт (см. «одноактные» имена *der Blick, der Anblick, der Kauf, der Ankauf, der Abkauf, der Aufkauf, der Verkauf, der Erwerb, der Wurf, der Rauswurf, der Ruf, der Wiederuf, der Verweis, der Verschub, der Abpfiff, der Abpfiff, der Vorwurf, der Sprung, der Aufsprung, der Tritt, der Schritt*) или результативное/моментативное действие как некоторый факт или событие (см. «моментативные» имена *der Fortzug, der Rückzug, der Wegzug, die Rückkehr, die Heimkehr, der Abzug, der Abschied, der Einzug, der Auszug, der Umzug, die Abfuhr, die Einfuhr, die Ausfuhr, der Weggang, der Fortgang, der Eintritt, der Rücktritt, der Austritt, der Besuch, der Angriff, der Übergriff, der Überfall, der Wegfall, der Austieg, der Einstieg, der Umstie, der Abbau, der Umbau*). Среди имен с семантикой действия-акта особо следует выделить имена, образованные от аблаутных форм глагола (см. имена *der Griff, der Wurf, der Sprung, der Aufsprung, der Tritt, der Schritt* и др.). В процессе деривации они получают «опредмеченные» значения результата действия и могут переходить в группу предметных имен существительных.

Немецкие безаффиксные девербативы наследуют глагольную семантику и характеризуются, как правило, теми же аспектуальными признаками, что и производящие их глаголы, в частности перфективностью и результиративностью (ср. перфективный префиксальный глагол *einziehen* и девербатив *der Einzug*, характеризующийся семой перфективности), например:

(1) Noch *vor dem Einzug in Kanzleramt und Ministerien* brachte die Ampel-Koalition ihr inzwischen zweites Corona-Gesetz in den Bundestag ein [8].

В высказывании (1) акциональный девербатив *der Einzug* характеризуется аспектуальной семантикой перфективности/результативности, унаследованной им от производящего глагола, и в сочетании с темпоральным предлогом *vor* он актуализирует таксисное значение предшествования.

Все вышеназванные акциональные девербативы в различной степени сохраняют семантику производящих их глаголов. Максимальной степенью вербальности и таксисности, т.е. способности к актуализации таксисных значений одновременности и разновременности, обладают так называемые «моментативные» имена с аспектуальной семантикой перфективности/результативности (см. имена *der Fortzug, der Rückzug, der Wegzug, die Rückkehr, die Heimkehr, der Abschied, der Einzug, der Auszug, der Umzug, der Abzug, die Abfuhr, der Weggang, der Fortgang, der Wegfall, der Abbau, der Umbau, der Ausstieg, der Einstieg, der Umstieg, die Einfuhr, die Ausfuhr* и др.). Данные имена участвуют в процессе таксисной актуализации, выполняя, как правило, функцию примарно-таксисных категориальных значений одновременности, предшествования и следования. Примарно-таксисные категориальные значения являются собственно таксисными или хронологическими значениями одновременности и разновременности и реализуются в высказываниях с темпоральными предлогами *bei, während, seit, nach, vor, bis*. Данные предлоги маркируют определенный вариант примарно-таксисных значений. Предлоги *bei, während* выступают в роли маркеров примарно-таксисных значений одновременности, а предлоги *seit, nach, bis, vor* маркируют примарно-таксисные значения следования (контактного/дистантного) и предшествования (контактного/дистантного).

В следующих высказываниях посредством акциональных девербативов с темпоральными предлогами *bei, mit* (см. имена *die Einfuhr, der Ankauf, der Auszug, der Einstieg, der Umzug, der Wegfall*) актуализованы примарно-таксисные значения одновременности:

(2) Der Münchner Zoll verdächtigt eine Firma der Steuerhinterziehung in Millionenhöhe *bei der Einfuhr von Handys* (Там же).

(3) Auch *beim Ankauf von Mooren* sind die Erfolge extrem gering (Там же).

(4) *Beim Auszug* wird der Kredit sozusagen mit dem Haus zurückgezahlt (Там же).

(5) Schon *beim Einstieg* habe ein Bahnmitarbeiter den polizeilich bekannten Mann auf die Maskenpflicht hingewiesen (Там же).

(6) Einrichtung erhält *mit dem Umzug an den Steinweg* einen neuen Namen (Там же).

(7) *Mit dem Wegfall vieler Corona-Auflagen* kaufen die Kunden weniger im Internet- und Versandhandel (Там же).

В высказываниях (8–14) с темпоральными предлогами *nach* и *seit* акциональные девербативы *der Wegzug, der Rückzug, der Ausstieg, der Abschied, der Abzug, der Wegfall, der Erwerb* реализуют примарно-таксисные значения дистантного и контактного следования:

(8) Rumänien z. B. meldet die Versicherten *nach ihrem Wegzug* bei der Krankenkasse einfach ab (Там же).

(9) Berrettini war *nach dem Rückzug* kampflos ins Viertelfinale eingezogen [8].

(10) *Nach ihrem Ausstieg aus der Königsfamilie* bauen sich und Prinz Harry langsam, aber sicher ein eigenes Imperium auf (Там же).

(11) *Zweieinhalb Jahre nach seinem Abschied aus Leipzig* drängt es Rangnick offenbar zurück auf die Trainerbank (Там же).

(12) *Seit dem Abzug der internationalen Truppen in Afghanistan* nimmt die radikal-islamische Taliban weite Teile des Landes ein (Там же).

(13) *Seit dem Wegfall der Impf-Priorisierung* hat der Ansturm auf die Corona-Schutzimpfungen noch mal zugenommen (Там же).

(14) Bayer hat *seit dem Erwerb* Milliarden an Börsenwert eingebüßt (Там же).

В высказываниях (8–10) в функции актуализаторов примарно-таксисных значений строгого следования выступают акциональные девербативы с темпоральным предлогом *nach* (см. имена *der Wegzug, der Rückzug, der Ausstieg*). В примере (11) дополнительным индикатором дистантного следования является аспектуальный адвербиал *zweieinhalb Jahre*, выступающий в функции темпорального делимитатора и указывающий на определенную «временную дистанцию» глагольного действия, следующего за действием девербатива. В примерах (12–14) акциональные девербативы *der Abzug, der Wegfall, der Erwerb* являются партиципантами процесса актуализации примарно-таксисных категориальных значений контактного следования.

В следующих высказываниях с акциональными именами *der Auszug, der Anpfiff, der Kauf, der Abschied, der Abpfiff* в сочетании с темпоральными предлогами *bis, vor* актуализованы примарно-таксисные значения контактного и дистантного предшествования:

(15) Diesen Posten behielt sie *bis zum Auszug des Republikaners aus dem Weißen Haus* im Jänner dieses Jahres (Там же).

(16) *Vor dem Anpfiff* wird eine Polizistin bei einer Fahrzeugkontrolle verletzt (Там же).

(17) *Vor dem Kauf eines neuen Sitzes* bieten die Tests Eltern in der Flut an Angeboten eine praktische Hilfe (Там же).

(18) *Kurz vor dem Einzug ins Halbfinale* schied Liliانا aus dem Wettbewerb aus (Там же).

(19) *Kurz vor ihrem Abschied aus der ersten Reihe der Politik* unterstreicht eine Umfrage noch einmal die Ausnahmestellung von Angela Merkel (Там же).

(20) *Sechs Minuten vor dem Abpfiff* erzielte Kinderhaus den Ausgleich (Там же).

В примере (15) с девербативом *der Abzug*, выступающим в качестве таксисного актуализатора, темпоральный предлог *bis* маркирует таксисные отношения контактного предшествования. В высказываниях (16–20) роль таксисных актуализаторов берет на себя девербативы *der Anpfiff, der Kauf, der Abschied, der Abpfiff*, а функцию таксисного маркера дистантного предшествования выполняет предлог *vor*. В функции временных делимитаторов, эксплицирующих четкую отграниченность «индивидуальных внутренних времен» соотносимых между собой действий девербативов и глаголов, выступают аспектуальные адвербиалы *kurz* и *sechs Minuten* (см. примеры 19–20).

Таксисный потенциал девербативов достаточно вариативен. Помимо примарно-таксисных значений одно-временности/разновременности они могут выступать в роли актуализаторов секундарно-таксисных значений одновременности – инструментально-таксисных, медиально-таксисных, финально-таксисных, модально-таксисных и кондиционально-таксисных, например:

(21) *Durch den Ankauf eines Hauses in der Bahnhofstraße und dem Umbau dieses Objektes* entstand ein Betrieb, der alsbald zu den führenden Fachgeschäften des Waldviertels gehörte [8].

(22) *Denn durch den Auszug aus der jetzigen Rettungswache an der Hermannstraße* wird im Gebäude dort viel Platz frei (Там же).

(23) Unsere Fähigkeit die Region zu durchleuchten wird jetzt *durch den Abzug* reduziert (Там же).

(24) *Durch den Wegfall der rot-grün-roten Option* hat sich die strategische Situation stark vereinfacht (Там же).

(25) *Mit dem Abbau* reagiert Siemens Energy auch auf den Wandel im Energiemarkt hin zu erneuerbaren Energien (Там же).

(26) *Für den Ankauf dieser Stoffe* war österreichisches Steuergeld aufgewendet worden (Там же).

(27) «Man werte noch aus», sagt Ebert *mit Verweis auf eine Untersuchung bei vielen Unternehmen* (Там же).

(28) Bislang wird британisches Fleisch *nur bei der Ausfuhr in die Europäische Union* kontrolliert (Там же).

В примерах (21–24) с предлогом *durch* в инструментальном значении акциональные имена *der Ankauf, der Umbau, der Auszug, der Abzug, der Wegfall* реализуют инструментально-таксисные значения одновременности. В высказывании (25) с предлогом *mit* в медиальном значении девербатив *der Abbau* выступает в функции актуализатора медиально-таксисного значения одновременности. В примере (26) с финальным предлогом *für* девербатив *der Ankauf* выполняет роль финально-таксисного актуализатора. В высказывании (27) с помощью девербатива *der Verweis* с предлогом *mit* в модальном значении выражено модально-таксисное значение одновременности. В примере (28) акциональный девербатив *die Ausfuhr* с предлогом *bei* в кондициональном значении становится парципантом процесса кондиционально-таксисной актуализации. Дополнительным экспликатором семантики условия в данном высказывании является наречие *nur* (см. *nur bei der Ausfuhr in die Europäische Union*).

Кроме того, безаффиксные акциональные девербативы могут актуализировать сопряженные фазово-примарно-таксисные категориальные значения одновременности, предшествования и следования, например:

(29) Bei einem letzten Heist *beginnt* die Jagd *nach dem perfekten Abschied* (Там же).

(30) *Nach dem Auszug der Sekte haben* die neuen Besitzer im Haus Constanze mit der Sanierung *begonnen* (Там же).

(31) *Mit dem Rückzug von Angela Merkel aus dem Kanzleramt beginnt* eine neue Ära in den deutsch-türkischen Beziehungen (Там же).

(32) Am Freitag *begann* Russland dann nach eigenen Angaben *mit dem Abzug der Soldaten aus den Grenzgebieten* (Там же).

(33) *Mit dem offiziellen Abschied geht* eine wochenlange Hängepartie *endlich zu Ende* [8].

(34) *Mit diesem Widerruf endet* die Handlungsmacht des Bevollmächtigten (Там же).

(35) *Bis zum Einstieg in den Klettersteig dauert* es circa eine halbe bis drei Viertel Stunde (Там же).

(36) *Nach der Abfuhr aus Gent* setzt Wiesbaden weiter auf Austausch (Там же).

В примерах (29–32) с предлогами *nach* и *mit* реализованы ингрессивно-фазово-примарно-таксисные значения дистантного следования (см. высказывания 29–30) и одновременности (см. высказывания 31–32). Индикатором и детерминантом ингрессивно-фазовой семантики является фазовый глагол *beginnen*. В примерах (33–34) с предлогом *mit* девербативы *der Abschied* и *der Widerruf* актуализируют эгрессивно-фазово-примарно-таксисные значения одновременности. В высказываниях (35–36) девербативы *der Einstieg* и *die Abfuhr* выполняют функцию срединно-фазово-примарно-таксисного значения контактного предшествования (см. пример 35) и дистантного следования (см. пример 36). Детерминантами соответствующих фазовых значений являются фазовые глаголы *enden* и *dauern*, аналитическая глагольная конструкция *zu Ende gehen* и наречия с фазовой семантикой *endlich, weiter*.

В высказываниях, содержащих итеративные адвербиалы и атрибуты, безаффиксные акциональные девербативы становятся участниками актуализации сопряженных итеративно-примарно-таксисных категориальных значений, например:

(37) *Manchmal* werden Nebenkosten erst mehrere Monate *nach dem Auszug aus der Wohnung* abgerechnet (Там же).

(38) *Nach Abzug der Gewitterzelle* kommt gegen Abend stellenweise sogar *wieder* die Sonne durch, wie etwa in Klagenfurt (Там же).

(39) *Nach dem Umstieg* ist die Zufriedenheit mit den Fahreigenschaften von E-Autos *zumeist* aber groß (Там же).

(40) Die AfD verhöhnt *seit ihrem Einzug in die Parlamente* alles und jeden (Там же).

(41) *Seit dem Abzug der ausländischen Soldaten aus Afghanistan* war die latente Angst *immer da* (Там же).

(42) *Beim Abschied von ihrem Großvater auf Schloss Windsor* näherten sich die beiden scheinbar *wieder* etwas an (Там же).

(43) *Bei jedem Umzug* werde das Wasser abgepumpt und durch frisches ersetzt (Там же).

В примерах (37–39) с помощью девербативов *der Auszug, der Abzug, der Umstieg* выражены итеративно-примарно-таксисные значения дистантного следования. В высказываниях (40–41) девербативы *der Einzug, der Abzug* реализуют итеративно-примарно-таксисные значения контактного следования. В примерах (42–43) девербативы *der Abschied* и *der Umzug* актуализируют итеративно-примарно-таксисные значения одновременности. Индикаторами итеративности и детерминантами итеративно-таксисных значений являются адвербиалы *manchmal, wieder, zumeist, immer* и атрибут *jeder*.

Рассматриваемые безаффиксные имена, употребляемые в форме множественного числа, могут обозначать некоторые неоднократно повторяющиеся

действия (см. *die Angriffe, die Besuche, die Übergriffe, die Überfälle, die Käufe, die Ankäufe, die Rufe, der Vorwürfe u. d. p.*). Они характеризуются деривационной итеративностью и принимают участие в актуализации итеративно-таксисных значений одновременности и разновременности, например:

(44) *Bei den Ankäufen* steht die Einweisung in drei Kategorien der Vorratshaltung offen [9].

(45) *Bei den Besuchen bei meinen Großeltern* als kleines Kind war das Labyrinth aus Gassen ein Spielplatz für mich und meine Cousins (Там же).

(46) *Nach den Überfällen einer Gruppe von Skinheads* am vergangenen Wochenende auf S-Bahn-Fahrgäste hat der Bundesgrenzschutz (BGS) seine Kontrollen verstärkt (Там же).

(47) Laut Bloomberg war es der 14. vereitelte Anschlag *seit den Angriffen* vom 11. September 2001 (Там же).

В примерах (44–45) деривационно-итеративные девербативы *die Ankäufe* и *die Besuche* реализуют итеративно-примарно-таксисные значения одновременности. В примерах (46–48) словообразовательно-итеративные имена *die Überfälle, die Angriffe* актуализируют итеративно-примарно-таксисные значения дистантного следования (см. высказывание 46) и контактного следования (см. высказывание 47). Выше-названные девербативы являются детерминантами сопряженных итеративно-таксисных значений.

Безаффиксные девербативы, образованные от аблаутных форм производящих глаголов (ср.: *der Griff* ← *greifen*, *der Sprung* ← *springen*, *der Schritt* ← *schreiten*, *der Tritt* ← *treten*, *der Wurf* ← *werfen*), характеризуются наименьшим количеством глагольных признаков и тенденцией к развитию неакциональных значений «опредмеченного действия» [7, с. 50]. В процессе деривации они «обрастают» «опредмеченными» значениями результата действия и теряют свойства вербальности и таксисности. Они «переходят» из группы имен действия, т.е. *nomina actionis*, в группу «опредмеченных» имен со значением результата действия, т.е. *nomina acti*, и далее в группу имен существительных конкретно-предметной семантики. В последнем случае они не обладают глагольностью и способностью к актуализации таксисных значений. Кроме того, данные имена могут употребляться в переносном метонимическом значении (см. примеры 51–53), что также «лишает» их возможности участвовать в таксисной актуализации, ср.:

(48) *Durch den Schritt* wurden die Chancen für eine gewünschte einstimmige Entscheidung gewahrt (Там же).

(49) *Mit einem Sprung* war er an der Tür... (Там же).

(50) Aus Marianne Rosenberg wird *mit einem Griff* Madame Butterfly... (Там же).

В приведенных ниже высказываниях с темпоральными предлогами *bei, nach, bis* девербативы *der Wurf, der Sprung, der Schritt, der Tritt, der Griff* сохранили акциональные значения, что позволило им реализовать свой таксисный потенциал. Они явились актуализаторами примарно-таксисных значений следования (дистантного) (см. примеры 51–52), предшествования (контактного) (см. пример 53) и одновременности (см. примеры 54–56), а также сопряженных итеративно-примарно-таксисных значений одновременности (см. примеры 57–58). Детерминантом се-

мантики итеративности в высказываниях (57–58) выступает итеративный атрибут *jeder*. Ср.:

(51) *Nach dem Wurf von zwei Brandsätzen in ein geparktes Auto* prüft der Staatsschutz der Duisburger Kriminalpolizei, ob die Tat einen rassistischen Hintergrund hat [8].

(52) *Nach dem Sprung von Daniel Huber* war dann klar, dass Geiger seine dritte Medaille bei diesen Titeltämpfen sicher hatte (Там же).

(53) *Bis zum letzten Sprung* präsentierte sich der Toggenburger in beiden Läufen in guter Form (Там же).

(54) *Beim Sprung in den Oberarmhang* sind die Arme zu stark gebeugt [9].

(55) *Bei dem Wurf mit dem Gullydeckel durch die Fensterscheibe* entstand erheblicher Sachschaden [8].

(56) *Bei einem Griff an ihr Haupt* stellte die Polizistin dann fest, dass sie blutete (Там же).

(57) Der Schnee knirscht *bei jedem Schritt* unter den Schuhen (Там же).

(58) *Bei jedem Tritt* knarrten die Dielen [9].

В следующих высказываниях девербатив *der Griff* употреблен в конкретно-предметном значении, и соответственно он не способен к таксисной актуализации:

(59) Da der junge Mann der Aufforderung nicht unverzüglich nachkam, zückte einer der unbekanntenen Männer ein Klappmesser *mit schwarzem Griff* und bedrohte den Jungen [8].

(60) Die besten Werfer verwenden nur Geräte *mit einem Griff* (Там же).

Выводы. Таким образом, безаффиксные девербативы немецкого языка, как правило, сохраняют акциональную семантику производящих их глаголов, а вместе с ней присущее глаголам свойство таксисности, т.е. способности участвовать в актуализации различных таксисных значений одновременности и разновременности. Таксисный потенциал рассмотренных нами девербативов достаточно разнообразен и вариативен. При сочетании с темпоральными предлогами данные имена выступают в функции актуализаторов примарно-таксисных одновременности, предшествования, следования, а при употреблении с предлогами инструментальной, медиальной, финальной и др. семантики они реализуют секундарно-таксисные значения одновременности. Деривационно-итеративные девербативы способны к актуализации итеративно-таксисных значений. В высказываниях с различными фазовыми индикаторами рассмотренные имена становятся участниками фазово-таксисных значений. Некоторые акциональные имена в процессе деривации получают «опредмеченные» значения результата действия, переходя в группу *nomina acti*. При переходе в класс предметных имен существительных данные девербативы теряют свою акциональность и таксисность.

Литература

1. Архипова, И. В. Категория таксиса в разноструктурных языках : монография / И. В. Архипова. – Новосибирск, 2020. – 173 с.
2. Болотова, Е. В. О словообразовательной тенденции отглагольных существительных в немецкоязычных газетных текстах / Е. В. Болотова // Доклады Башкирского университета. – 2019. – Т. 4, № 1. – С. 108–112.

3. Волкова, И. В. О статусе отглагольных имен в современном немецком языке / И. В. Волкова // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. – 2015. – № 4. – С. 147–154.

4. Зольникова, Н. Н. Словообразовательные модели отглагольных существительных немецкого языка / Н. Н. Зольникова // Наука и культура России. – 2015. – Т. 1. – С. 225–229.

5. Маслова, Н. А. Семантика и синтаксис производных имен существительных в современном немецком языке / Н. А. Маслова. – Казань : Издательство Казанского университета, 1985. – 170 с.

6. Мирошникова, З. А. Сопоставительный анализ деривационных рядов девербативов (на материале русского и

немецкого языков) / З. А. Мирошникова, О. В. Матасова // Наука и общество. – 2016. – № 1 (24). – С. 101–108.

7. Мурашов, Р. З. Словообразование и теория номинализации / Р. З. Мурашов. – Вопросы языкознания. – 1989. – № 2. – С. 39–53.

8. LC – Лаборатория корпусной лингвистики Лейпцигского университета. – URL: <http://www.wortschatz.uni-leipzig.de> (дата обращения: 25.12.2022). – Текст : электронный.

9. DWDS – Электронный словарь немецкого языка. – URL: <http://www.dwds.de> (дата обращения: 25.12.2022). – Текст : электронный.

I.V. Arkhipova

GERMAN NON-AFFIX DEVERBATIVES: SEMANTIC AND TAXIS POTENTIAL

The article describes the semantic and taxis potential of German deverbatives without affixes. As a rule, non-affix deverbatives of actional semantics retain the verbal and taxis nature of generating verbs. It allows them to participate in the actualization of various taxis meanings of simultaneity and non-simultaneity (primary-taxis, secondary-taxis, iterative-taxis, phase-taxis). When used with temporal prepositions, they act as primary-taxis actualizers of simultaneity, precedence, following, and when combined with prepositions of other semantics (instrumental, medial, final, etc.), they demonstrate the ability to implement secondary-taxis meanings of simultaneity. Derivative-iterative non-affix deverbatives perform the function of iterative-taxis determinants and update iterative-primary-taxis categorial meanings. Some nouns are modified in the process of derivation, acquiring «objectified» meanings of the result of the action. «Objectified» deverbatives lose their actional and taxis features when they pass into the group of objective nouns.

Non-affix deverbatives, actional deverbatives, semantic potential, taxisness, taxis potential, taxis actualization, taxis actualizers, taxis determinants.

А.А. Голубева

Вологодский государственный университет

ОБРАЗ НАЦИОНАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ В ПОЭЗИИ О.Э. МАНДЕЛЬШТАМА

Статья посвящена анализу вербализации компонентов образа национальной культуры в поэзии О.Э. Мандельштама. На примере образов Италии и Армении оценивается возможность применения полевой структуры для систематизации образных характеристик, сосредоточенных в отдельных текстах.

Образ национальной культуры, язык и культура, О.Э. Мандельштам, Италия, Армения.

Тоску по мировой культуре (мандельштамовское определение акмеизма) можно назвать доминирующим мотивом творчества Мандельштама. Практически каждый его текст – своеобразный мостик к мировой культуре, одновременно вписывающий автора в ее контекст. Насчитывается более десяти культур, характеризующих Мандельштамом в его стихах и прозе, среди них: немецкая, итальянская, французская, английская, русская, украинская, армянская и др.

В результате анализа лексико-тематических групп и средств речевой выразительности разных уровней, участвующих в речевой реализации образов национальных культур в поэзии Мандельштама, выяснилось, что для него (филолога-культуролога по природе) важны следующие компоненты образа национальной культуры: язык нации, история нации, национальная архитектура, национальная литература, национальная музыка, религия нации, природа, географическая среда, а также чувства и эмоции, порождаемые пространством страны (географическим или культурным). Образ национальной культуры в поэзии Мандельштама всегда сопровождается описанием сенсорно-перцептивных процессов, протекающих во всех пяти органах чувств (зрение, слух, вкус, обоняние, осязание). Нередки случаи описания синестезии.

Рассмотрим составляющие образа, сопровождая их наиболее показательными примерами из поэтических текстов О. Мандельштама.

1. Язык нации (об итальянском: *А я люблю его неистовый досуг – / Язык бессмысленный, язык солоно-сладкий / И звуков стакнутых прелестные двойчатки... / Боюсь раскрыть ножом двустворчатый жемчуг* («Ариост»), об армянском: *Колючая речь араратской долины, / Дикая кошка – армянская речь* («Колючая речь араратской долины...»), о французском: *кривые картавые ножницы* («Я молю, как жалости...»), *домашность языка, та же милая небрежность <...> это же в сердце французского языка* («Заметки о Шенье»), о русском: *Слаще пенья итальянской речи / Для меня родной язык...* («Чуть мерцает призрачная сцена...»), *А русскому стиху так свойственно величие, / Где вешний поцелуй и щебетанье птичьей!* («В непринужденности творящего обмена...»).

2. История нации (Италия: *Вы, коричневой крови наемники / Итальянские чернорубашечники, / Мертвых Цезарей злые щенки...* («Рим»), *Я вспомню Цезаря прекрасные черты – / Сей профиль женственный с коварною горбинкой! / Здесь, Капитолия и Форума вдали, / Средь увядания спокойного природы, / Я слышу Августа и на краю земли / Державным яблоком катящиеся годы...* («С веселым ржанием пасутся табуны...»), *О Цезарь, Цезарь! Слышишь ли блянье / Бараньих стад и смутных волн движение?* («У моря ропот старческой кифары...»), Армения: *Ты рыжебородых сардаров / Терпела средь камней и глин...* («Ты красок себе пожелала...»), *Солнца персидские деньги щедро раздаривающая...* («Армения»), *Ты видела всех жизнелюбцев / Всех казнелюбивых владык...* («Ты красок себе пожелала...»).

3. Национальная архитектура (Франция: *Язык булыжника мне голубя понятней, / Здесь камни – голуби, дома – как голубятни* («Париж»), Россия: *И пятиглавые московские соборы / С их итальянскою и русскою душой / Напоминают мне явление Авроры, / Но с русским именем и в шубке меховой...* («В разногласии девического хора...»), Италия: *И морщинистых лестниц уступки – / В площадь льющихся лестничных рек...* («Рим»), *С черствых лестниц, с площадей / С угловатыми дворцами / Круг Флоренции своей / Алигьери пел мощней / Утомленными губами* («Слышу, слышу ранний лед...»).

4. Национальная литература (английская: *Когда, пронзительнее свиста, / Я слышу английский язык – / Я вижу Оливера Твиста / Над кипами конторских книг* («Домби и сын»), французская: *Наглый школьник и ангел ворующий / – Несравненный Вильтон Франсуа...* («Чтоб, приятель и ветра и капель...»), немецкая: *Еще во Франкфурте отцы зевали, / Еще о Гете не было известий...* («К немецкой речи»), итальянская: *Круг Флоренции своей / Алигьери пел мощней / Утомленными губами...* («Слышу, слышу ранний лед...»).

5. Национальная музыка (Италия: *В тебе все дразнит, все поет, / Как итальянская рулада...* («Мне жалко, что теперь зима...»), *С висячей лестницы пророков и царей / Спускается орган, Святого Духа крепость...* («В хрустальном омуте какая крутизна...»), Грузия: *Если вечер грузинский – ни на минуту не*

умолкает гипнотическая музыка сазандарей, путешествующих от столика к столику, пока кто-нибудь из пирующих не поднимется грозно и не пропляшет лезгинку под раздирающий сердце аккомпанемент тары («Батум»).

6. Религия нации (Армения: *Якорные пни поваленных дубов звериного и басенного христианства* («Не развалины – нет, – но порубка могучего циркульного леса...»), Италия: *И кряжистого Лютера незрячий / Витаает дух над куполом Петра* («Здесь я стою – я не могу иначе...»), *холод католической тонзуры* («Поговорим о Риме – дивный град!...»).

7. Географическая среда (Италия: *козьи тропы Италии* («Разговор о Данте»), *За нас сиенские предстательствуют горы, / И сумасшедших скал колючие соборы / Повисли в воздухе, где шерсть и тишина...* («В хрустальном омуте какая крутизна...»), Армения: *орущих камней государство, хриплые горы к оружию зовущая* («Орущих камней государство...»), *глинобитные города* («Колючая речь араратской долины...»), *желтая равнина, армянские степи* («Дикая кошка – армянская речь...»), *Страна москательных пожаров / И мертвых гончарных равнин...* («Страна москательных пожаров...»), Россия: *Белизна снегов гагачья / Из вагонного окна...* («Эта область в темноводье...»).

8. Чувства и эмоции, порождаемые пространством страны (географическим или культурным): Армения: *Ах, ничего я не вижу, и бедное ухо оглохло...* («Ах ничего я не вижу, и бедное ухо оглохло...»), *Дикая кошка – армянская речь, мучит меня и царапает ухо... Я не хочу твоего замороженного винограда...* («Дикая кошка – армянская речь...»), Италия: *Венеццейской жизни, мрачной и бесплодной, / Для меня значение светло. / Вот она глядит с улыбкою холодной / В голубое дряхлое стекло...* («Венеццейская жизнь»), Россия: *Ничего, голубка Эвридика, что у нас студеная зима...* («Чуть мерцает призрачная сцена...»).

О.Э. Мандельштам, пытаясь унять *тоску по мировой культуре*, создавал целостные, самобытные, насыщенные неожиданными деталями образы национальных культур. Для дальнейших рассуждений удобно будет представить созданные Мандельштамом образы национальных культур в виде полевой структуры, выделяя ядро, центр (приядерную зону) и периферию. В результате анализа эмоционально-оценочной стороны текстов (представленной языковыми средствами всех уровней), пользуясь полевым структурированием, мы можем отметить, что, во-первых, ядром образа национальной культуры у Мандельштама оказываются разные компоненты (в зависимости от конкретной культуры). Так, например, в случае с образом французской культуры ядро будет представлено компонентами «национальная архитектура» и «национальная живопись», а в случае с образом итальянской культурой внимание будет сконцентрировано на литературе и истории. Во-вторых, отметим, что в ядерной или околоядерной зоне в структуре образа национальной культуры у Мандельштама всегда находится язык. Убеждение поэта в том, что язык является основой нации и культуры, нашло отражение в его статьях, стихах и прозе. Для того чтобы погрузить читателя в «чужое» художественное пространство, Мандельштаму достаточно передать (иногда при помощи

средств русского языка, иногда при помощи средств других языков) звучание иностранной речи.

В качестве примера остановимся на образах национальных культур двух стран: Италии и Армении.

О. Мандельштаму удалось дважды побывать в Италии в юношеские годы – в 1908 и 1910 гг. (по «Летописи жизни и творчества О.Э. Мандельштама», составитель А.Г. Мец) [8]. Поездки были кратковременными, о чем поэт, по свидетельству Н.Я. Мандельштам, очень сожалел: *Мандельштам испытал юношескую тоску и неврастению в те два года, что учился в Париже и в Гейдельберге, а особенно – в Италии, где был даже не на положении студента, а туриста. Больше в Италии ему не пришлось побывать, и он жалел, что в свою единственную поездку он успел так мало повидать. (До этого он из Швейцарии на день или на два ездил, кажется, в Турин.)* [9, т. 2, с. 257]. Однако впечатлений от кратких поездок (вкуче с культурно-историческими сведениями, почерпнутыми из литературы) хватило на целый ряд текстов, которые условно можно назвать «итальянским циклом». Итальянские образы и мотивы в творчестве Мандельштама развивались, отношение к ним менялось: менялись культурно-исторические и общественно-политические реалии, менялось мировоззрение поэта. Можно при этом говорить о двух пиках особого интереса Мандельштама к итальянской теме. Первый из них приходится на юношеские годы: он нашел отражение в «римских» стихах из сборника «Камень», второй приходится на более зрелые и в творческом, и в биологическом отношении 1930-е годы: он нашел отражение в двух редакциях «Ариоста», переводах Данте и Петрарки и главном труде в области италянофилии и «всемирной отзывчивости» – эссе «Разговор о Данте».

Есть у Мандельштама и довольно внушительное число текстов, в которых тема Италии не доминирует, но присутствует как едва заметный штрих к лирическому сюжету. Супруга О. Мандельштама, Н.Я. Мандельштам, в своих мемуарах сообщает об отношении поэта к Италии следующее: *...у О. М. была своя святая земля: Средиземноморье. Отсюда постоянные возвращения к Риму и Италии в его стихах...* (Там же, т. 1, с. 339).

Мандельштам, создавая образ итальянской культуры, опирается на русскую литературную традицию. На поэта оказали влияние обращения к теме Италии и русских классицистов, и известного италянофила К.Н. Батюшкова, и А.С. Пушкина, и некоторых современников Мандельштама (В.Я. Брюсова, Н.С. Гумилева). Сказалось и обучение в крупных европейских университетах (Гейдельберге и Сорбонне) и на романно-германском отделении историко-филологического факультета Петербургского университета. Многим предстателям не только русской, но и мировой литературы (главным образом, европейской) была близка идея о том, что итальянская культура является посредником между античностью и современной культурой. Как известно, именно Италия стала родиной европейского Возрождения. Из контаминации «чужих» рецепций, проявляющихся в мельчайших деталях, и собственных взглядов рождается свой, ни на чей не похожий, мандельштамовский образ Италии.

Попытаемся обозначить некоторые сходства и различия в восприятии Италии, характерные для раннего и зрелого периодов творчества Мандельштама. В поздний период продолжается идеализация образа Италии, сохраняется и даже достигает апогея преклонение перед итальянской культурой («Разговор о Данте»), развивается мысль о духовном слиянии итальянской и русской культур. В стихотворениях позднего периода образ Италии наделяется негативными коннотациями, что связано с общественно-политическими реалиями современной поэту Италии (диктатура Муссолини), судьбой родной страны и личной судьбой (Манделштам ощущает себя изгнанником, как и Данте). Эти замечания необходимо заранее принять во внимание, поскольку последующие рассуждения будут выстроены не по хронологическому принципу, а в соответствии с предложенной системой разделения образа национальной культуры на содержательные компоненты.

Образ Италии у О. Манделштама представлен лексемами и сочетаниями слов с положительной коннотацией, образующими микрообразы. Главные микрообразы в итальянском цикле Манделштама – это море (*перечисленье рыб, перчит моря, средиземный, шуми, дева на скале, солено-сладкий, жемчуг, лазорье, сольем, черноморье, чешуя, влажные глаза, лазурный мозг*), певучий итальянский язык (*бессмысленный, солено-сладкий, прелестные двойчатки, двустворчатый жемчуг* и др.), богатая римская история (*гражданская мощь, цари, войны, Цезарь, колесницы, месяцы Цезаря, волчица, классическая весна* и др.) и источник всей европейской поэзии – Данте, которым, по свидетельству А. Ахматовой, *бредил* поэт, страницами читая наизусть оригинальный текст «Божественной комедии». И. Эренбург в мемуарах отмечает внимание Манделштама к итальянской поэзии: *Он хорошо знал французскую, итальянскую, немецкую поэзию; понимал страны, где пробыл недолго* [17, с. 98]. В период особенно острого интереса к культуре Италии в 1930-е годы Манделштам мог уже в оригинале читать столь досточтимых Данте, Ариоста, Тасса, Петрарку. Именно к этим фигурам приковано внимание Манделштама в «итальянском» цикле. Образы поэтов представлены антропонимами, называющими их самих или их литературных персонажей, и отражающими положительное отношение автора к создаваемому образу эпитетами и сравнениями: *И, словно музыкант на десяти цимбалах, / Не уставая рвать повествованья нить, / Ведет туда-сюда, не зная сам, как быть, / Запутанный рассказ о рыцарских скандалах... Он завирается, с Орландом куролеся...* («Ариост»), *Круг Флоренции своей / Алигьери пел мощней / Утомленными губами...* («Слышу, слышу ранний лед...»). В поздних текстах оценка Манделштама становится менее однозначной, появляется антитеза *обворожающие – чудовища*, образы Ариоста и Тассо приобретают оксюморонность: *Что, если Ариост и Тассо, обворожающие нас, / Чудовища с лазурным мозгом и чешуей из влажных глаз* («Не искушай чужих наречий...»). Однако и в текстах с амбивалентной оценкой образов итальянских художников слова Манделштам не перестает утверждать, что благозвучие, гармоничность, божественную плавность итальянский язык приобрел благодаря им.

Манделштам был по-настоящему очарован итальянским языком с присущими его фонетике такими качествами, как *инфантильность, прекрасная детскость, близость к младенческому лепету*. Как сообщает И. Эренбург, эти размышления Манделштама об итальянской фонетике поражали итальянцев, которым он переводил строки из «Разговора о Данте» [17, с. 98]. О. Зубакина в статье «“Не искушай чужих наречий...” итальянский язык у Батюшкова и Манделштама» ссылается на предположение М.Л. Гаспарова о том, что *подчёркнутый интерес Манделштама именно к звучанию итальянского языка связан с тем, что Манделштам к моменту написания «Разговора о Данте» только начал учить итальянский, а на этой стадии всегда делается акцент на фонетике* [6, с. 125–137].

Историческую, литературную и культурную Италию (античный Рим, Италию эпохи Возрождения) Манделштам воспринимает как земной рай: *А я люблю его неистовый досуг – / Язык бессмысленный, язык солено-сладкий / И звуков стакнутых прелестные двойчатки... / Боюсь раскрыть ножом двустворчатый жемчуг. / Любезный Ариост, быть может, век пройдет – / В одно широкое и братское лазорье / Сольем твою лазурь и наше черноморье. / ...И мы бывали там. И мы там пили мед...* («Ариост»). Лексемы и словосочетания, отражающие сенсорное восприятие лирического героя, имеют положительные коннотации: *неистовый досуг, прелестные двойчатки звуков, лазурь, мед*. Любовь к итальянской культуре, преклонение перед ней, желание соединить русскую и итальянскую культуру подчеркнuto лексемами, эксплицитно выражающей отношение автора лексемой «люблю», эпитетом «любезный». Лексемы с корнем -люб- могут отсылать нас к известной характеристике итальянского языка, отраженной в романе «Евгений Онегин» А.С. Пушкина: *язык Петрарки и любви*. Строка *И мы бывали там...* поддерживает ассоциацию с А.С. Пушкиным: под местоимением «мы» скрываются лирический герой Манделштама, лирический герой А.С. Пушкина (через строки из поэмы «Руслан и Людмила») и, возможно, в более широком понимании – все русские поэты, все русские деятели культуры, весь русский народ.

Образ исторической Италии антитетичен образу Италии современной – *рассаднику фашизма с диктатором-выродком* Муссолини и *италийскими чернорубашечниками*, которых поэт сравнивает со щенками. Всплеск негативного отношения к социально-политической жизни современной Италии подчеркнут введением в текст слова *выродок*, имеющего в толковом словаре пометы «разговорное» и «презрительное» [14, т. 1, с. 277].

Противопоставлена и итальянская архитектура разных эпох (архитектуре, как известно, Манделштам уделял особое внимание в своем творчестве). Архитектура античного Рима удивительно гармонирует с природой, что проявляется в синонимизации и даже отождествлении лексем «природа» и «Рим». Образный параллелизм «природы» и «Рима» поддержан архитектурно-природными метафорами *форум полей, колоннада роици: Природа – тот же Рим и отразилась в нем. / Мы видим образы его гражданской мощи*

/ В прозрачном воздухе, как в цирке голубом, / На форуме полей и в колоннаде роции («Природа тот же Рим и отразилась в нем...»). Отождествление лексем «Рим» и «природа» ассоциативно приводит к отождествлению понятий «природа» и «культура» (в данном случае – античная). В современной же Италии: *Ямы Форума заново вырыты / И открыты ворота для Ирода* («Рим»). Отсутствие мягких согласных, аллитерации сонорных, особенно звука [р], придают тексту жесткость и эксплицируют отрицательную авторскую оценку диктатуры «выродка» Муссолини. Поддерживает отрицательную оценку и обращающий на себя внимание при зрительном и слуховом восприятии этих строк гласный звук [ы], который, как показывают эксперименты А.П. Журавлева, ассоциируется с чем-то большим, страшным, грубым, темным: *Ы – мрачный темно-коричневый или черный* [5, с. 102]. Уместно будет вспомнить здесь и особую неприязнь к звуку [ы] А. Белого, нашедшую отражение в его романе «Петербург»: *Я вообще презираю все слова на «еры», в самом звуке «Ы» сидит какая-то татарщина, монгольство, что ли, восток. Вы послушайте: «Ы». Ни один культурный язык «Ы» не знает: что-то тупое, циничное, склизкое* (роман «Петербург»); *Я боюсь буквы Ы. Все дурные слова пишутся с этой буквой: р-ыба (нечто литературно бескровное), м-ыло (мажущаяся лепёшка из всех случайных прохожих)...* [1, с. 88]. Важно отметить и появление в поздних стихотворениях об Италии и библейскую аллюзию – упоминание имени Ирода, угнетателя евреев (что особенно значимо для Мандельштама), являющегося символом злости и жестокости.

Обращая внимание на компонент «религия», стоит отметить, что в цикле стихотворений об Италии проступает интерес Мандельштама к папскому Риму. Поэт вслед за П.Я. Чаадаевым находил в римском выражении христианства высшее единство, которое было так необходимо России. Римский авторитет и порядок соответствуют потребности Мандельштама, Чаадаева и, по их мнению, всей России в постоянстве. В стихотворении «Посох» Мандельштам фактически заключает, что возможность увидеть Рим может быть самоцелью путешествия: *Снег растает на утесах – / Солнцем истины палим... / Прав народ, вручивший посох / Мне, увидевшему Рим!* («Посох»).

В «итальянском» цикле Мандельштама есть возможность и отдельный подцикл – стихотворения, посвященные Риму. Мы не будем подробно останавливаться на них, лишь приведем примеры наиболее ярких характеристик, которыми поэт наделяет «Вечный город»: *медленный Рим-человек, место человека во вселенной, дивный град* (ранний период, положительная оценка) и *Город, любящий сильным поддакивать; онелепленный, пепельный, Город, ласточкой купола лепленный / Из проулков и из сквозняков* («Рим») (поздний период, неоднозначная оценка).

И. Эренбург в мемуарах замечает присущую Мандельштаму способность воспринимать мир будто бы всеми органами чувств сразу: *Одним поэтам присуще звуковое восприятие мира, другим – зрительное. Блок слышал, Маяковский видел. Мандельштам жил в различных стихиях* [17, с. 97]. Метафоры и эпитеты, которые использует Мандельштам в стихотворениях

итальянского цикла, подтверждают это высказывание. По способу восприятия явлений действительности их можно условно разделить на обонятельные, осязательные, вкусовые, синестетические и т.д.

Подводя итог, отметим, в «итальянском» цикле О. Мандельштама Италия предстает, прежде всего, сокровищницей мировой культуры в целом и литературы (как основной ее составляющей) в частности. Мандельштамовед В. Террас в статье «Классические мотивы поэзии Осипа Мандельштама» говорит о том, что «мировая культура» является лейтмотивом мандельштамовской поэзии: *...поэзия Мандельштама имеет такое же или почти такое же отношение к Италии Данте и Боттичелли, Франции Вилона и Расина, Англии Чарльза Диккенса и Шотландии сэра Вальтера Скотта, к Византии и папскому Риму, и даже древнему Египту, как к древней Элладе и Риму* [15, с. 20].

Вожделенное путешествие в Армению Мандельштаму удалось совершить в 1930-м году. Н.Я. Мандельштам в книге воспоминаний объясняет, почему поэт избрал местом паломничества именно эту страну: *Древние связи Крыма и Закавказья, особенно Армении, с Грецией и Римом казались ему залогом общности с мировой, вернее, европейской культурой* [9, т. 1, с. 340]. Плодом долгожданного паломничества стала проза «Путешествие в Армению» и цикл стихов «Армения».

Образ армянской культуры, как и итальянской, Мандельштам создавал не без опоры на русскую литературную традицию. Во-первых, при анализе образа армянской культуры стоит учитывать, что Мандельштам был хорошо знаком с «Путешествием в Арзрум» А.С. Пушкина. Некоторые исследователи уже выходили на сопоставление этих тестов и искали в них сходства и различия. Во-вторых, на глазах Мандельштама разворачивалась культуртрегерская деятельность В.Я. Брюсова по выстраиванию диалога русской и армянской культур. «Мандельштамовская энциклопедия» зарождение интереса Мандельштама к Армении связывает именно с В.Я. Брюсовым: *Своим первым прикосновением к армянской культуре О.М. обязан лекции В.Я. Брюсова, об армянской поэзии в Политехническом музее в Москве, прочитанной 28.1.1916* [11, т. 1, с. 86]. Фигура В.Я. Брюсова по праву занимает одну из ключевых позиций в области русско-армянского культурного взаимодействия. Он является автором переводов с армянского языка, исторических и стиховедческих научных трудов и очерков («Летопись исторических судеб армянского народа», «Поэзия Армении и ее единство на протяжении веков», антология армянской поэзии), поэтического цикла «В Армении». Однако важно отметить, что образный мир Мандельштама, несмотря на историко-литературную преемственность, связь с современным поэту литературным процессом, оригинален и самобытен, что выражается, прежде всего, в выборе средств речевой выразительности.

К поездке в Армению Мандельштам долго и ответственно готовился: читал «Историю Армении Моисея Хоренского», «Историю Армении» Фавстоса Бузанда, книгу И.И. Шопена «Исторический памятник состояния Армянской области в эпоху ее присоединения к Российской империи». Кроме того, поэт

задолго до поездки начал учить армянский и древнеармянский (грабар) языки, затем брал уроки армянского языка в Армении и не оставил этого занятия по возвращении в Москву. Сохранилось пять листов переводов Манделъштама с древнеармянского. Источники четырех листов из пяти установлены – это переводы из книг IV и VI хроник Фавстоса Бузанда «Истории Армении» (V век) и из книги «История императора Иракла» епископа Себеоса. Одни исследователи относят переводы Манделъштама с древнеармянского к 1931 г. и Москве, другие же (в частности, П.М. Нерлер, который занимался реконструкцией путешествия в Армению Манделъштама [12]) – сообщают, что данные тексты относятся к периоду пребывания в Ереване. Для нас существенно лишь особое внимание Манделъштама к армянскому языку, который можно по праву назвать главным героем и «Путешествия в Армению», и поэтического цикла «Армения». Язык – доминантный компонент образа Армении у Манделъштама, именно посредством языка происходит соединение истории и современности и доказывається справедливость манделъштамовской мысли о том, что постижение современной культуры начинается с постижения ее истоков – культуры древней.

Оценка образа Армении у О. Манделъштама эксплицируется через многочисленные перифразы (книга, по которой учились первые люди, страна москательных пожаров и мертвых гончарных равнин, орущих камней государство) и сложные метафорические эпитеты (*хриплые горы к оружью зовущая, солнца персидские деньги щедро раздаривающая*). Лейтмотив «Армянского цикла» Манделъштама – противостояние жизни и смерти, к нему примыкают «детский» и «зверинный» мотивы: *Ты красок себе пожелала – / И выхватил лапой своей / Рисующий лев из пенала / С полдюжины карандашей. / Страна москательных пожаров / И мертвых гончарных равнин, / Ты рыжебородых сардаров / Терпела средь камней и глины...* («Ты красок себе пожелала...»). По справедливому замечанию И.М. Семенко, образу Армении у Манделъштама присущи черты *благородной древности, патриархального мирного быта и труда, исторических испытаний, специфического пейзажа и природных условий, а также характерного для страны человеческого типа, фонетических и графических особенностей устной и письменной речи* [13, с. 36]. Они появляются как результат непосредственного восприятия страны глазами не простого путешественника, но хорошего знатока армянской истории, геральдики, литературы и культуры.

Интерес Манделъштама к истории подчеркивается в заметке «От редакции» газеты «Литературная Армения» перед публикацией в ней цикла «армянских» стихов: *Одной из любимых поэтических тем Манделъштама была история: прошлое, от которого остаются жить в настоящем вечные, немумирающие (sic!) ценности; время, запечатлевающееся (sic!) в облике народа, страны, земли, и время же, обновляющее их облик* [3, с. 29]. Практически в каждом обращении поэта к Армении актуализируются те или иные события ее национальной истории: *Ты рыжебородых сардаров / Терпела средь камней и глины...*

Ты видела всех жизнелюбцев / Всех казньлюбивых владык... («Ты красок себе пожелала...»), Хриплые горы к оружью зовущая, К трубам серебряным Азии вечно летящая, Солнца персидские деньги щедро раздаривающая («Орущих камней государство...»).

Армения – это «колыбель» христианства, младшая сестра Иудеи, Земли обетованной. Из осененной божественным духом земли вырастает не менее величественная архитектура. Описание, казалось бы, невзрачной *аштаракской церкви* заканчивается удивительной ассоциацией с собором Святого Петра в Риме: *Дверь – тише воды, ниже травы. Встал на цыпочки и заглянул внутрь: но там же купол, купол! Настоящий! Как в Риме у Петра, под которым тысячные толпы, и пальмы, и море свечей, и носилки...* («Аштарак»). Армения дышит *осьмигранными плечми мужицких бычачьих церквей*, христианство – ее воздух. Г.И. Кубатьян в статье «От слова до слова. Комментарий к циклу О. Манделъштама “Армения”» подробно анализирует эпитеты, которыми поэт наделил армянские церкви. Эпитет «бычачьи», по мнению Г. Кубатьяна, появился потому, что *Храмы в Армении... производят впечатление силы, устойчивости, крепости; чудится, что они напряжились, именно что набычились...* А эпитет *мужицкие* объясняется тем, что *Армянская церковь изумительно проста, лишена всяких излишеств, ее эстетическое кредо сродни простонародному, крестьянскому принципу: чем функциональнее, тем красивее* [7, с. 147].

При чтении цикла «Армения» возникает ощущение сопричастности автору в постижении богатейшей национальной культуры этой страны. Создавая образ армянской культуры, Манделъштам (как и в случае с Италией) прибегает к описанию воздействия культурного и географического пространства Армении на все органы чувств. Прежде всего, стоит отметить неоднократно появляющиеся на протяжении всего цикла номинации ярких оттенков: сурик и охра (красный и желтый) – главные цвета горного ландшафта, а также лазурь и бирюза, связанные с небом и водным пространством: *Вытащил горный рыбак расписные лазурные сани («Холодно розе в снегу...»), Желтуха, желтуха, желтуха / В проклятой горчичной глуши («Армения»), Лазурь да глина, глина да лазурь, / Чего ж тебе еще? Скорей глаза сощурь, / Как близорукий шах над перстнем бирюзовым... («Лазурь да глина, глина да лазурь...»), А близорукое шахское небо – / Слепорожденная бирюза – / Все не прочтет пустотелую книгу / Черной кровью запекишься глины... («Колочая речь араратской долины...»).* В стихотворении о Ереване – столице Армении – Манделъштам пытается разгадать, кто является автором этих пейзажей: *Ах, Эривань, Эривань! Иль птица тебя рисовала, / Или раскрашивал лев, как дитя, из цветного пенала?* Не менее значимыми для поэта оказываются слуховые ощущения: *Ах, ничего я не вижу, и бедное ухо оглохло... («Ах, ничего я не вижу, и бедное ухо оглохло...»), Твое пограничное ухо – / Все звуки ему хороши... («Как люб мне натугой живущий...»), Какая роскошь в нищенском селенье – / Волосная музыка воды! / Что это? пряжа? звук? предупрежденье? / Чур-чур меня! Далеко ль до беды!; И в лабиринте влажного распева / Такая душная стрекошет мгла...*

(«Какая роскошь в нищенском селении...»), *Над книгой звонких глин* («Лазурь да глина, глина да лазурь...»), *Рожжающий, спящий, орущий, / К земле призвожденный народ...* («Как люб мне натугой живущий...»). Национальная кухня для Мандельштама также является частью культуры, главные гастрономические образы армянского цикла – это лаваш, шербет (напиток), виноград, сыр: *Как нагибается булочник, с хлебом играющий в жмурки. / Из очага вынимает замороженного винограда...; Ах, Эривань, Эривань! Не город – орешек каленый* («Ах, ничего я не вижу, и бедное ухо оглохло...»), *Розовый мусор – муслин – лепесток соломоновый – / И для шербета негодный дичок, не дающий ни масла, ни запаха...* («Руку платком обмотай и в венценосный шиповник...»), *А за нею с узелками сыра, / Еле дух переводя, бегут курдины...* («О порфирные цокая граниты...»), *эрзерумская кисть винограду* («Дикая кошка – армянская речь...»). Обонятельных образов в цикле немного – это *горный воздух* и лепестки розы. Через описание широкого спектра чувств создается впечатление, будто Мандельштам воспринимает армянскую культуру изнутри, душой и сердцем армянина.

О значении армянского травелога Мандельштама М.И. Цветаева в мемуарном очерке «История одного посвящения» пишет следующее: *Мандельштам так увидел, услышал и понял Армению, поведал о ней так ородненно, таким музыкальным и смысловым и точным словом, что смысл и эмоция, образы и детали, самый мотив и стихотворного, и прозаического его «разговора» об Армении ороднили ее для многих, проникли наследуемой и обращающейся классикой – «золотой валютой» – в непрекращающийся ряд других, с Арменией связанных, разговоров по-русски...* [16]. Мандельштам сумел очень точно передать читателю радость от слияния с незнакомым миром. Стирание временных и пространственных границ, свобода перемещений во времени и пространстве, живость и эмоциональность мандельштамовских образов делают тексты поэта близкими не только его современникам – они актуальны и сегодня.

Кроме уже отмеченной установки (присутствие компонента «язык» в приядерной зоне в структуре образа национальной культуры), в творчестве Мандельштама отразились и другие эстетические установки, стирающие национально-культурные границы. Многие исследователи отмечали уникальную способность поэта проникать в прошлое, оживлять его (через пародию, демократизацию и др.), делать «своим» и современным. Сопричастность Мандельштама «чужим» культурам ученые сравнивают со «всемирной отзывчивостью» Пушкина, отменной Ф.М. Достоевским в «Пушкинской речи». Все лучшее, что Мандельштам увидел, услышал, но, прежде всего, прочитал, вследствие своей культурной значимости перемещивается (несмотря на национальные и исторические различия) и встает в один ряд: Верлен и Тютчев, Данте и Пушкин, Ариост и Батюшков, Гомер и Гете, Расин и Вийон. Это применимо не только к литераторам, не только к искусству, но и к различным эпохам. Временные и пространственные барьеры снимаются, ибо любые разделения ничтожны перед Словом: *Ныне*

происходит как бы явление глоссолалии. В священном исступлении поэты говорят на языке всех времен, всех культур. Нет ничего невозможного. Как комната умирающего открыта для всех, так дверь старого мира настежь распахнута перед толпой. Внезапно все стало достоянием общим. Идите и берите. Все доступно: все лабиринты, все тайники, все заповедные ходы. Слово стало не семиствольной, а тысячестьюльней цевницей, оживляемой сразу дыханием всех веков. В глоссолалии самое поразительное, что говорящий не знает языка, на котором говорит... [10, т. 1, с. 216]. В процитированной статье Мандельштама «Слово и культура», чрезвычайно важной для понимания его эстетических установок, хочется отметить еще одну подтверждающую наши рассуждения мысль. Мандельштам предупреждает возможные обвинения в излишней сосредоточенности на прошлом: *Часто приходится слышать: это хорошо, но это вчерашний день. А я говорю: вчерашний день еще не родился. Его еще не было по-настоящему. Я хочу снова Овидия, Пушкина, Катулла, и меня не удовлетворяет исторический Овидий, Пушкин, Катулл...* (Там же, с. 213). Исследователь А.Б. Ботникова в статье «Поэзия «распахнутого кругозора», анализируя мандельштамовскую *тоску по мировой культуре*, утверждает, что причина преклонения Мандельштама перед мировой культурой отнюдь не в блестящем образовании, а в *присущей ему постоянной потребности в общении с памятниками мирового искусства, в его особой эстетической восприимчивости и отзывчивости. Даже в суровых условиях воронежской ссылки он держал у себя книги, размышлял над словами «чужих певцов»* [2, с. 325]. До А.Б. Ботниковой об уникальной культурной отзывчивости Мандельштама точно и емко высказывался В.М. Жирмунский: *Пользуясь терминологией Фридриха Шлегеля (45), можно назвать его стихи не поэзией жизни, а «поэзией поэзии» («die Poesie der Poesie»), т. е. поэзией, имеющей своим предметом не жизнь, непосредственно воспринимаемую самим поэтом, а чужое художественное восприятие жизни. Мандельштаму свойственно чувствовать своеобразие чужих поэтических индивидуальностей и чужих художественных культур, и эти культуры он воспроизводит по-своему, проникновенным творческим воображением. Он делает понятными чужие песни, пересказывает чужие сны, творческим синтезом воспроизводит чужое, художественно уже сложившееся восприятие жизни* [4, с. 123].

При всем преклонении Мандельштама перед мировой культурой называть его космополитом вряд ли будет справедливо. Поэт постоянно рефлексировал над своими культурными и языковыми корнями, что отразилось и в его стихах, и в прозе, и в публицистике, и в эпистолярии. «Неисправимого звуколюбца, тоскующего по мировой культуре, постоянно искушали «чужие» культуры и языки, отношение к «своему» и «чужому» постоянно менялось. Но несмотря на все попытки исхода из родной культуры и речи, вопреки их бесчисленным недостаткам, Мандельштам все же выбирает русский язык, русскую культуру, Россию (в непростые для нее времена). Думается, здесь Мандельштам бы согласился с поэтом А.С. Кушнером:

Времена не выбирают... Особенно ярко муки выбора и конечный результат рефлексий по поводу «своего» и «чужого» видны на примере выстраивания взаимоотношений поэта с языком и культурой.

Литература

1. Белый, А. Собрание сочинений. Петербург: Роман в 8 главах с прологом и эпилогом / А. Белый ; послесловие В. М. Пискунова / А. Белый. – Москва : Республика, 1994. – 464 с.
2. Ботникова, А. Поэзия «распахнутого кругозора» / А. Ботникова // Жизнь и творчество О. Э. Мандельштама: Воспоминания. Материалы к биограф. «Новые стихи». Комментарии. Исследования / А. Ботникова. – Воронеж : Издательство Воронежского университета, 1990. – С. 323–336.
3. Гончар, Н. Итоги полувековой обращенности Армении к Осипу Мандельштаму / Н. Гончар, К. Мхитарян // Вестник Ереванского университета. Русская филология. – 2016. – № 2 (5). – С. 28–54.
4. Жирмунский, В. М. Избранные труды. Теория литературы. Поэтика. Стилистика / В. М. Жирмунский. – Ленинград : Наука, 1977 – 406 с.
5. Журавлев, А. П. Звук и смысл : книга для внеклассного чтения учащихся старших классов / А. П. Журавлев. – 2-е изд., испр. и доп. – Москва : Просвещение, 1991. – 160 с.
6. Зубакина, О. В. «Не ищущай чужих наречий...»: Итальянский язык у Батюшкова и Мандельштама / О. В. Зубакина // Русская антропологическая школа: Труды / О. В. Зубакина. – Москва, 2004. – Вып. 1. – С. 125–137.
7. Кубатьян, Г. От слова до слова. Комментарии к циклу О. Мандельштама «Армения» / Г. Кубатьян // Вопросы литературы. – 2005. – № 5. – С. 146–182.
8. Летопись жизни и творчества О. Э. Мандельштама / составитель А. Меца при участии С. В. Василенко, Л. М. Видгофа, Д. И. Зубарева [и др.]. – 3-е изд., испр. и доп. – Санкт-Петербург : Интернет-издание, 2019. – 512 с.
9. Мандельштам, Н. Я. Собрание сочинений в двух томах / Надежда Мандельштам. – Екатеринбург : Гонзо, 2014. – Т. 1. – 864 с.; Т. 2. – 1008 с.
10. Мандельштам, О. Э. Собрание сочинений в 4 томах / О. Э. Мандельштам. – Москва : Арт-Бизнес-Центр, 1993–1999. Подготовлено Мандельштамовским обществом. – Т. 1. – 368 с.; Т. 2. – 704 с.; Т. 3. – 528 с.; Т. 4. – 608 с.
11. Мандельштамовская энциклопедия : в 2 томах / [главный редактор П. М. Нерлер, О. А. Лекманов]. – Москва : Политическая энциклопедия, 2017. – Т. 1 – 574 с.; Т. 2. – 485 с.
12. Нерлер, П. «Путешествие в Армению» и путешествие в Армению Осипа Мандельштама: попытка реконструкции / П. Нерлер // Знамя. – 2015. – № 11. – С. 123–151.
13. Семенко, И. М. Поэтика позднего Мандельштама / И. М. Семенко. – Москва : Ваш Выбор ЦИРЗ, 1997. – 144 с.
14. Словарь русского языка : в 4 томах / РАН, Институт лингвистических исследований ; под редакцией А. П. Евгеньевой. – 4-е изд., стер. – Москва : Русский язык ; Полиграфресурсы, 1999. – Т. 1. – 702 с.; т. 2. – 736 с.; т. 3. – 750 с.; т. 4. – 797 с.
15. Террас, В. И. Классические мотивы в поэзии Осипа Мандельштама / В. И. Террас // Мандельштам и античность: сборник статей. – Москва, 1995. – С. 12–32.
16. Цветаева, М. История одного посвящения / М. Цветаева. – URL: <http://tsvetaeva.lit-info.ru/tsvetaeva/proza/istoriya-posvyascheniya.htm> (дата обращения: 25.05.2022). – Текст : электронный.
17. Эренбург, И. Собрание сочинений : в 8 томах / И. Эренбург. – Москва : Художественная литература, 2000. – Т. 7. – 862 с.

A.A. Golubeva

THE IMAGE OF NATIONAL CULTURE IN THE POETRY OF O. E. MANDELSTAM

The article analyses the verbalization of the components of the national culture image in the poetry of O.E. Mandelstam. Using the example of images of Italy and Armenia, A.A. Golubeva considers the possibility of using a field structure to systematize figurative characteristics concentrated in individual texts.

Image of national culture, language and culture, O.E. Mandelstam, Italy, Armenia.

Н.В. Комлева

Вологодский государственный университет

САКРАЛЬНЫЙ И ИНФЕРНАЛЬНЫЙ СМЫСЛЫ В ПОЭТИКЕ ИМЁН СОБСТВЕННЫХ: НА МАТЕРИАЛЕ ПРОИЗВЕДЕНИЙ В.И. БЕЛОВА

Творческая лаборатория В.И. Белова представляет собой уникальный ономастический текст, который создается поэтонимами, позволяющими писателю воплотить концепцию художественной реальности, изложить свои мировоззренческие, политические и духовно-нравственные постулаты. Приемы, которые использует автор при выборе имен своих персонажей и актуализации внутренней формы имени собственного, служат экспликацией основной идейно-тематической оппозиции его произведений: противопоставления не только сакрального и inferнального пространства и времени, но и *sacra* и *inferno* в проявлении духовной сущности человека.

В.И. Белов, имя в тексте, ономастический текст, отражение сакрального и inferнального начал в поэтике имен.

Русский писатель, один из крупнейших представителей «деревенской» прозы В.И. Белов был чрезвычайно честным, порядочным и трудолюбивым человеком, который, конечно, не мог не болеть душой о родной земле.

Раннее детство писателя прошло в 30-е годы XX века (коллективизация, раскулачивание), вырос в голодное время Великой Отечественной войны, дожил до распада СССР, страны, в которую верил, несмотря ни на что (был партийцем, депутатом, принимал активнейшее участие в политической жизни). Пережил «лихие» 90-е, деятельно на родной земле провел последнее десятилетие своей жизни – оно же первое десятилетие XXI века.

Во многих своих произведениях В.И. Белов пытается заставить читателя задуматься о последствиях разрушения основ русской деревни. Для него это равнозначно разрушению и основ национальной культуры. Многие исследователи прозы В.И. Белова говорят о продолжении писателем народно-православной традиции: «Православие формирует особую нравственность, диктуя писателю особую концепцию мира и человека» [8, с. 44].

Л.Г. Яцкевич, изучая использование различных форм крестьянской смеховой культуры в произведениях В.И. Белова, подчеркивала «одно значительное достижение писателя в области поэтики»: «В.И. Белов строит композицию своих повестей и трилогии “Час шестой”, несмотря на их реализм и историческую достоверность, в соответствии с библейскими и фольклорными формами изображения пространства и времени, в основе которых лежит, как известно, противопоставление **своего и чужого, сакрального и inferнального пространства и времени**» [14, с. 142].

В соответствии с этими принципами поэтики своих произведений создаются автором и имена для персонажей. Произведения В.И. Белова представляют собой ономастический текст – текст, в котором имена

собственные становятся «говорящими», наделяются писателем «правом голоса»: «В литературном пространстве, куда его <имя> вводит и всецело подчиняет собственному творческому замыслу писатель, имя “оживает”, вступает в отношения с другими элементами художественной ткани произведения, насыщается экспрессией и, превратившись в поэтоним, получает “право голоса”» [9, с. 257].

Необходимо изучение ономастического художественного пространства всех произведений В.И. Белова. Имена персонажей и в рамках одного произведения, и в масштабе всего творчества писателя образуют лексическую подсистему: они вступают друг с другом в различные системные отношения, осуществляя группировку персонажей по различным критериям; образуют семантические оппозиции. Системные связи внутри антропонимической подсистемы осуществляются за счет особой коннотации в субъективной организации произведения имен как главных, так и второстепенных персонажей. Главная оппозиция, которая подчиняет себе все другие группировки имен персонажей, может быть обозначена как *свои* и *чужие*. Свои – персонажи-носители представления о беловском «ладе», чужие – персонажи, которые своими поступками вносят хаос в сложившийся веками мир крестьянской общины, сеют разрушение и вокруг себя, и внутри себя, в своей душе.

Анализ имен производился нами в макротекстологическом направлении, то есть изучалась роль имени в ономастическом художественном пространстве всей трилогии В. Белова «Час шестой», а также некоторых других произведений писателя.

Целью работы является рассмотрение приемов именования в группах персонажей, которые могут быть выделены в художественном ономастическом пространстве произведений В.И. Белова. основополагающий критерий для классификации – соотношение сакрального и inferнального начал в характере ге-

роя, отношение героев к проявлению «бесовщины»: герои, обнаруживающие свою «бесовскую» суть, и герои, сражающиеся с «бесами», противостоящие им.

*Персонажи-носители сакрального начала,
объединенные одним мотивом*

Средством объединения имен персонажей разных произведений в одну группу, в том числе и средством когезии элементов на уровне всего текста, может явиться какой-нибудь устойчивый формально-содержательный компонент произведения, повторяющийся в идиостиле автора, например *мотив сна*. Героям из разных произведений и разных эпох снятся тревожные сны – предвестники надвигающихся бедствий. Главная боль писателя, не утихающая, наверное, ни на минуту в его сердце, – это боль от гибели на его глазах русской деревни, которую губили планомерно, начиная с 20-х годов XX века, добивали в 90-е и уже двухтысячные.

Дед *Никита*, старший в семействе Роговых, является последним носителем традиции, живет в трудах и молитве. Его мнение является главным во время принятия важных решений. В первом романе трилогии «Час шестый» «Кануны» *Никиту Рогова* и сына его Ивана, и других жителей деревни Шибанихи не покидает ощущение надвигающейся беды, но наиболее явственно это чувство проявляется именно у *Никиты Ивановича*. Ему снится тревожный сон, в котором появляются бесы: сначала они жалки и смешны, но становятся развязнее с каждой минутой: *Весь дом дрожал и шатался, они хозяйничали теперь везде, со свистом и хохотом, крушили все, что попадетсЯ* [4, с. 383]. После разорения роговского «гнезда» и ареста сына старец *Никита* уходит жить далеко в лес в свой домик-келью, где молится во спасение душ людских. Внутренняя форма имени *Никита* от греч. *никетас* «победитель» [12, с. 249], он и побеждает «бесов» новой власти, не дает сломить свой дух и погибает, спасая *Павла Рогова*.

Бес является во сне и другому персонажу В.И. Белова в рассказе «Во саду при долине», написанном автором в 1999 году и отражающем время 90-х годов XX века: *Однажды в Вологде для всех неожиданно явилось рогатое существо с бесцветной мифистифельской бородицей. Большой лохматый козел на тоненьких ножках, не обращая на людей никакого внимания, неторопливо прошеествовал по улице Герцена. Полный дьявольского достоинства, он ступил на мост через Золотуху и смело, на красный свет, повернул вправо. Самосвал со скрежетом затормозил. Встречный троллейбус поспешно застопорил. Серое вонючее чудище пересекало улицу по каким-то своим козлиным правилам* [1, с. 468].

Наблюдающий эту картину с козлом на улице пенсионер *Степан Кенсаринович* предположил, что козел, вероятно, сбегал из передвижного цирка. Ночью *Степану Кенсариновичу* снится сон, от которого он пробуждается в тревоге: *Он пробудился не столько от холода, сколько от беспричинной тоски, похожей на предчувствие скорой предстоящей потери. Ему приснился поганый, хотя и не очень страшный сон. Тот самый козел, что маршировал по улице Герцена с*

последующим выходом на улицу Урицкого (нынешнее название «Козлёнская»), стоял в глазах так четко, так явственно. Рогатый паршивец показал Кенсариновичу даже язык... Казалось, что Степан носом услышал козлиную вонь [1, с. 470].

Далее автор передаёт мысли героя по поводу своего сновидения: *Козел как-то сам по себе соединился в размышлениях то ли с Гайдаром, то ли с самим президентом. Кенсаринович мысленно обматерил того и другого:*

– Козлы! До чего дошло, вымораживают пенсионеров, как тараканов... Лекарство в аптеке и то инвалидам не по карману. Одним банкирам, еще губернаторам по карману (Там же, с. 471).

Если дед *Никита* согласно внутренней форме своего имени – победитель, духовно противостоящий бесам в лице «разгулявшихся» на селе представителей новой власти, то *Степан Кенсаринович* – цензор, человек говорящий об упадке нравов в современном ему обществе перестроечных времен. Имя *Кенсарин* < *Кенсорин* в переводе с латинского значит «цензор», «строгий» (в Древнем Риме – должностное лицо, осуществлявшее перепись граждан с указанием имущества, контроль над государственными финансами, надзор над нравами, общественным строительством) [12, с. 208].

Считаем, что если автор и не принимал во внимание этимологию имени *Кенсорин* при выборе отчества для своего персонажа (безусловно, внутренняя форма этого имени не столь очевидно обнаруживает онимно-апеллятивные связи в тексте по сравнению со значением имени *Никита*), то все равно и исследователь, и наблюдательный читатель может «прочитать» такое имя как некую подсказку для понимания замысла писателя.

Внутритекстовая речевая актуализация сем доантропонимического компонента в лексическом значении имени *Никита* и отчества *Кенсаринович* служит сигналом, отсылающим к ключевой текстовой оппозиции *сакрального и inferнального начал*: персонажи с такими именами способны чувствовать приближение катастрофы, наделены своеобразным даром «предвидения» в гораздо большей степени, чем все остальные персонажи. Катастрофа, разгул «бесовских» сил по сюжету трилогии «Час шестый» начинается с раскулачиванием самых трудолюбивых и талантливых крестьян, причем сами потерпевшие сначала никак не могут поверить, что все это происходит с ними *наяву*. Глумление «бесов» над крестьянской жизнью начинается в тридцатые годы, продолжается и в последующие десятилетия, с новой силой «возрождается» в перестроечное время, в результате – кругом заросшие поля, порушенные фермы, брошенные деревни...» [14, с. 147].

*Персонажи, носящие имена или прозвища,
служащие намеками (аллюзиями) на преобладающее
духовное (или бездуховное) начало их носителей*

Сны обоих героев оказываются пророческими. Бесы скоро проявляют себя. Образы некоторых персонажей из разных произведений В.И. Белова обнаруживают явное сходство характеров, мировоззрения

и психотипов личности создаваемых героев. Их имена «намекают» на родство, близость этих персонажей друг другу по замыслу автора.

Уполномоченным от новой власти в деревне Шибанихе является *Игнаха Сопронов*. Это имя одного из первых «бесов», с которыми мы сталкиваемся на страницах романа «Кануны», открывающего трилогию «Час шестый». У Игната и его брата Сельки (Селиверста) местное прозвище – *соплюны*. Тот самый *Селька*, который *коноводил у мазуриков-недорослей*, бросающих камни в окно храма, а *великим постом... углем написал матюги на ограде*, получает должность. *Соплюны и голодранцы* – именно так называет местный «актив» шибановский старожил Савватей Климов: *Это с Селькой-то, соплюном, в ногу ступать?* [4, с. 453].

Зажиточные крестьяне, охарактеризованные новой властью как «кулацкий элемент», на самом деле были обычными сельскими тружениками. Тот же, кто власти был угоден и наделялся в новых обстоятельствах различными полномочиями, в прошлом был просто лентяем, разгильдяем, не умеющим вести хозяйство, содержать большую семью.

Данила Пачин недоумевает, как такое могло произойти: *«Да за что прижали-то? – Данило встал. – Я эту толчею восемь годов делал своими руками. Люди о празднике в гости, а Данило топорик в руки да на угол. Ладно, богаче людей не буду, нате, берите ее в коммуны! Так теперь-то за что меня из списков похерили? Рази я хуже хоть того же Игнахи Сопронова? Он вон, Игнаха-то, говорят, всю жизнь только и делал что матюги на воротах писал, а тут людьми командует»* (Там же, с. 152).

В трилогии «Час шестый» Игнат Сопронов – антагонист главного героя *Павла Рогова*. Павел умеет прощать, спасает Игнаху от гибели, но Игнаха постепенно все больше и больше утрачивает человеческий облик.

Художественный образ *Павла* даже на уровне моделей именования в тексте имеет развитие (*Пашка Пачин – Павел Рогов*), что является, безусловно, отражением личностного роста человека. *Игнат*, напротив, подвержен духовной деградации. Дед *Игнахи Павло Сопронов* занемог ногами, его семья жила бедно, а сын *Игнашка Сопронов* уродился и вырос злым и завистливым. Когда из центра поступают указания об обложении налогами зажиточных крестьян, *Игнаха* берет дело в свои руки и, опираясь на директиву Л. Кагановича, на поддержку партийного работника областного масштаба *Меерсона*, возглавляет соответствующую комиссию и облагает крестьян, своих же односельчан, налогами, заведомо непосильными.

С *Игнахой Сопроновым* соотносится другой персонаж В.И. Белова председатель сельисполкома тов. *Бессонов* из рассказа «Скакал казак» (1980).

В рассказе повествуется об одном дне бригадира колхоза *Гудкова Степана Михайловича* в трудное военное время. Задача, перед ним поставленная, – при невозможности выполнения задания (по плану хлебодачи) выполнить его силами людей, у которых нет сил. Контроль за выполнением этого задания возложен на *Бессонова*, и у него нет причин для жалости. Этот колхоз не его родной дом, люди боятся его, у

него нет здесь человеческих отношений, нет той теплоты, с которой относятся односельчане друг к другу.

Именуя этого персонажа, автор использует прием «говорящей фамилии». Внутренняя форма фамилии *Бессонов* дает двоякое прочтение: 1) человек без сна; 2) бес. И то, и другое прочтение фамилии персонажа подкрепляется текстовой информацией. Фамилия принадлежит человеку, которому буквально не до сна. Он и сам не спит в горячую пору, и другим не дает. Все свои собрания устраивает по ночам, утром колхозники должны уже выполнять поставленные перед ними задачи. Кроме того, внутренняя форма фамилии явно говорит и об отражении «бесовской» сути этого человека в сознании жителей села, ср.: *Так или иначе Бессонова боялись все, от мала до велика. <...> налоги вышибал моментально. <...> Старухи пугали Бессоновым плачущих ребятишек. <...> Бессонов мог нагрянуть в любое время суток. <...> И быстро, быстро чиркал красным карандашом: «Бес, Бес, Бес...». Этот Бес был с красивым хвостиком, подпись внушала почтение* [2, с. 405].

«Говорящим» является и явное противопоставление моделей именования двух главных персонажей: *Бессонов* ни разу не назван по имени и отчеству или еще как-либо, тогда как для бригадира *Гудкова Степана Михайловича* по прозвищу *Сковородник* в рассказе задействованы все компоненты модели именования.

Своеобразную модификацию образы *Игнахи* и *Сельки* в более позднее советское время получают в повести «Плотничьи рассказы». Автор говорит о двух пожилых соседях, один из которых, пенсионер *Авенир Козонков*, в молодости тоже имел прямое отношение к раскулачиванию своих же односельчан.

Примечателен рассказ героя повести *Олёши Смолина* о случае из его детства: *Мы с Козонковым точные одногодки, всю дорогу варзали вместе. В деревне было нашего брата-малолетка, что комарья, ну и Козонковы-братаны тоже крутились в этой компании. <...> Звали их *соплюнами*. У старшего, *Петьки*, бывало, сопля выедет до нижней губы. Ему лень вытереть, возьмет да и слизнет – как век не бывало. Вот, помню, кажись, на третий день пасхи вся наша орда высыпала на *Федуленкову горушку*. У нас такая забава была – глиной фуркать. Прут ивовый вырежешь, слепишь птичку из глины и фуркаешь, у кого дальше. <...> А наш *Виня* взял да насадил на прут целую гогырю с полфунта весом, все надо было, чтобы лучше других, размахнулся да как даст. Прямо хенько в *Федуленково* окно и угодил. Стекло так и брызнуло, обе рамы прошиб. Мы все и обмерли. А после очнулись да бежать. В это время *Федуленок* сам не свой из избы выскочил, того и гляди, убьет кого. <...> Взгреб он меня лапщами, да и давай меня корезить, ну чисто медведь-шатун. Ничего не помню, помню только, что ревел, как недорезанный. *Федуленок* меня прикончил бы, как пить дать прикончил, не прибеги мой отец на выручку. Отец-то, видать, соху оставил в борозде, да и прибежал мою жизнь от смерти спасать. *Федуленок* от меня и отступился, а мне, думаешь, легче? От отца мне еще больше пошло. Кабы я стекло разбил – не обидно. А ведь как все получилось? Как *Винька* от *Федуленка* выкрутился?*

Соплюн соплюном, а когда припекло, так соображение и появилось. Да еще и хвастает перед нами-то: я, мол, когда Федуленок на улицу выскочил, никуда не побежал, на месте стою, да приговариваю: «Вон оне побежали-то! Вон оне в поле побежали!» Ну, Федуленок и ринулся за нами всей своей массой да меня и настиг. А Виня хоть бы ему что – остался целым и невредимым. Оне оба с Петькой лежни были, ничего им не далось. Умели только дрова пилить, за ручки пилу дергать. Отец к делу их особо не приневоливал, да и сам, бывало, не переломится на работе. Все больше рассуждал да на печке зимой грелся, а летом не столько сено косил, сколько рыбу удил. Оне с моим отцом пришли с японской войны в один день. Мой тятка хромым пришел и весь в дырках, как решето, а Винькин отец целехонек [3, с. 140].

Винька и есть сосед Смолина – Авенир Павлович Козонков. Приехавший в деревню к себе в родовое гнездо Зорин пытается помирить стариков, помочь им забыть давнюю неприязнь. А ведь эти старики в молодости были по разные стороны добра и зла. Авенир с наганом по селу ходил своих же раскулачивать, осквернял храмы, отправлял людей сбрасывать колокол и теперь пишет жалобы начальству и обличительные статьи в районные газеты.

Олёша Смолин и Авенир Козонков все равно если и не друзья, то соседи-односельчане, которые нуждаются в духовной поддержке друг друга и общении, Смолин воплощает собой исконно русские черты характера, по мысли В.И. Белова, – всепрощение, незлобие.

На некоторые размышления наводит и наблюдение над выбором автором имен для главных героев «Плотничьих рассказов». Имя Авенир является редким теперь, но в 30–40-е годы XX века оно было довольно распространённым. Имена соседей и своеобразных друзей образуют семантическую оппозицию на уровне текста. Олёша – диминутив, в котором отражается фонетическая особенность местного произношения; имя без претензий, традиционное для русского крестьянского именника (соотносимое в сознании народа с христианской традицией – «Алексей, человек божий»). Его носит простой плотник-работяга с золотыми руками и большим сердцем, он и родился «как Христос в телячьем хлеву под Рождество», и при всей сложности его взаимоотношений с официальной церковью этот человек – настоящий христианин, совершающий всей своей жизнью духовный подвиг. Имя Авенир имеет «чужое» для русской крестьянской традиции звучание.

«Отчужденность» имени Авенир в некотором отношении подтверждается словами журналиста и писателя Валерия Киселева (родом из Кумзеро, Харовский район, ныне живет в Нижнем Новгороде): «Имена часто давал священник, по своему усмотрению, а часто и по настроению. Как рассказывала мне бабушка, если родители ему чем-то не нравились, то такие имена давал, что и не выговорить. В Кумзере был батюшка (имя не помню), такие, например, имена давал: Акиндин (попросту – Киня), Варсонофий (Ворсуня), Сарапион (Сарапиха), Рафаил (Раха), Апполинарий (Полюха), Флавиан (Флаха), Сивирьян (Сивиря), Алфей, Африкан, Кенсарий. Иногда родители настаивали, чтобы имя было благозвучное. Моды на имена не

было. Авенир (Виря) – имя нередкое, у меня дядю так называли. Своего имени он очень стеснялся. Даже его невеста только на свадьбе от моего отца, его брата, услышала, что его зовут вовсе не Гена, а Авенир...» [13].

Персонажи, чьи имена являются личиной (маской) «бесов» («бесовской» природы их обладателя)

Есть персонажи, «бесовская» суть которых скрывается под различными личинами, масками. Ярким примером создания такой личины является авторский прием «странной» модели именования своего персонажа.

В романе «Кануны» есть эпизод, в котором описывается сход мужиков в избе Кеши Фотиева: *В толчее Кешиной избы, в горьком табачном дыму, в шуме и матюгах никто не заметил нового ветра, как никто не заметил и нового пришельца* [4, с. 452]. **Незнакомец, невзрачный пришелец** сначала держится в стороне ото всех, наблюдает и слушает, затем сам представляется мужикам: *Фамилия моя Смирнов. Зовут Фокич. Являюсь уполномоченным РИКа по коллективизации* (Там же, с. 453).

Мужики сбиты с толку и самим появлением Фокича, и его необычным именованием: *«Фокич, это вроде бы отчество? – произнес Киндя, обращаясь к Жучку. – А имя-то каково?» – «Имя у меня не больно веселое, я его и сам не люблю. Калистрат. Вам не привыкнуть». – «А пошто это, Калистрат Фокич, мы должны привыкать?»* (Там же).

С одной стороны, такому самопредставлению персонажа есть объяснение на бытовом (профанном) уровне: имя Калистрат дано было ребенку священником, самому обладателю оно не нравится, да и для окружающих это имя странновато и сложно в произношении, поэтому и представляется герой по отчеству Фокич – как принято на селе (Петрович, Кузьмич и т.п.). Он хочет сразу показаться «своим». Но, с другой стороны, в компонентах модели именования этого персонажа автором заложен глубокий смысл, имя персонажа становится одним из ключей к разгадке всего художественного замысла.

Фокич – песонификация темных сил, и является он, как черт. Имя его лучше не называть, у дьявола много имен, за этими личинами он скрывает свою суть. Фокич скрывает за маской странноватого, невзрачного незнакомца свое истинное лицо. Личное имя Калистрат < Калистрат – в переводе с др.-греч. *красивый воин*: калли «хороший, прекрасный» + стратос «войско, армия» [12, с. 203].

Не возникает никакого сомнения, чьего воинства этот воин. Дьявольская сущность Фокича проявляется в его действиях, поступках: *Позже во всех домах говорили, что уполномоченный выиграл так, что Зырин сперва заерзал на Кешиной лавке, потом вскочил и одним махом очистил место посредине избы, пошел плясать, а когда уполномоченный прошелся по гармонному гребню сперва сверху вниз, потом обратно снизу вверх, Ванюха Нечаев от восторга заматал головой и давай его обнимать, а Фокич, не останавливая игру, сам вышел на круг, и ноги у него такое выделявали, что все забыли и про колхоз, и про мировую революцию, и про шибановскую отсталость* [4, с. 454].

Он пытается соблазнить мужиков на вступление в колхоз, искушает их: берет гармошку, начинает играть, и все вокруг сразу расчистили место ему, потом он рассказывает им, что такое колхоз, какие будут льготы колхозникам, а Жучку объяснил, что всех, кто не вступит в колхоз, обложат таким налогом, что и не выдохнешь. И что это лишь самое малое и это точно, а что не точно, то, мол, сами скоро увидите [4, с. 454]. Он усыпляет бдительность крестьян рассказами о грядущей новой жизни. Мужики молчали, и вдруг все пошло записываться. Фокич добился того, что за два дня создал шесть колхозов.

Патроним *Фокич* соотносится с календарным именем *Фока*: Святой мученик *Фока* происходил из города Синопа, расположенного на южном берегу Черного моря. Имея небольшой сад, он жил скромно: продавал плоды и на вырученные средства содержал себя, помогал нуждающимся и оказывал гостеприимство странникам. Христианское благочестие святого оказывало воздействие на других людей. Даже язычники относились к нему с глубоким уважением. Нередко под его влиянием они оставляли свои заблуждения и принимали христианскую веру [11].

Фокич – перевертыш *Фоки*, бес ставит все с ног на голову, глумится над людьми: вот и мужики, словно нуждающиеся в просвещении язычники, были обращены новоиспеченным «проповедником» в «новую» веру.

Исчезает черт так же внезапно, как и появился: *Пришел на ночлег пьяный, без шапки. Попросил Куземкина с какой-нибудь попутной подводой отправить в сторону Ольховицы. Сказал, что вышлет документацию и все инструкции, да и сам в розвальни, словенно приснился* [4, с. 471].

И если в романе «Кануны» *Фокич* кажется еще достаточно безобидным, то в следующей части трилогии *Фокич* появляется уже в более зловещем облике – сила бесовская крепнет, как было явлено во сне Никите Ивановичу Рогову. Речь идет о сцене ареста Ивана Рогова и выселении семейства Роговых из родного дома: «Уже *утро*, товарищ Скачков. – *Фокич* глядел на свои карманные. – А мы еще в двух деревнях не были». – «Да, да... – Скачков, казалось, был сонлив и рассеян. – Который час-то?» – «*Шестой*, товарищ Скачков! Надо ехать...» *Фокич* надел шапку [5, с. 134].

В этом фрагменте очень важным является упоминание о *шестом* часе. Эпиграфом к последнему роману трилогии служат слова из Евангелия от Иоанна: *Бе... час яко шестый... тогда предаде Его им, да распнётся... И неся Крест Свой, изыде Иисус на глаголемое лобное место, идеже пропяша Его* (Ин. 19, 74–18) [6, с. 381].

Писатель, следуя принципам критического реализма, использует в тексте трилогии множество прецедентных онимов реальных исторических лиц, но и эти имена вовлекаются в систему художественного переосмысления сквозь призму библейской или фольклорной традиций.

Так, уже в первом романе трилогии появляется фигура главного большевистского вождя *Иосифа Сталина*, который показан как тиран, позволивший осуществлять геноцид русской нации, прежде всего, миллионов русских крестьян. В субъектной организации произведения образ вождя народа подается, как

правило, с психологической точки зрения, о чем свидетельствует использование несобственно-прямой речи для характеристики этого персонажа: *Он был Давидом и Нижерадзе, Ивановичем и Кобой, был Чижиковым и Сталиным. И ни один из них не вызывал у него такого отвращения, как тот молящийся мальчик с грузинской фамилией. Старый Хашим, в чьих кувшинах они прятали типографские шрифты, сказал когда-то: «Ты рожден громом и молнией! У тебя великое сердце! Ты – афыр-хаца!»* [5, с. 10].

Любую историю мог «вышвырнуть из своей памяти» Иосиф Джугашвили, а эту, сорокалетней давности, никак не получается: *Опустив уже тогда тяжелые, словно у гоголевского Вяя, веки, старательно, с чувством молился и девятилетний мальчик-грузин, учащийся одного из духовных училищ на юге империи. Худой и маленький, этот мальчик, как большинство недоростков, имел привычку задирать при ходьбе голову, на молебне же он держал ее чуть наклоненной вперед. Он поминутно сглатывал копившийся комочек молитвенного восторга* (Там же).

Афыр-хаца в героическом эпосе народов Северного Кавказа – храбрый воин, мужественный среди мужественных (Там же, с. 602). Снова «воин», как и *Калистрат Фокич*, воин, который отрекся от Христа и своего изначального предназначения.

Многообразие личин, за которыми скрывается одна и та же страшная сущность, только подчеркивает неподвижность, можно даже сказать, некоторую монументальность образа И.В. Сталина. Вождя великой страны автор сравнивает с *усатым ямщиком*, выпускающим из своих рук вожжи и направляющим *гоголевскую тройку* прямо в горнило *новой гражданской войны* (Там же, с. 16).

В.И. Белов показывает Сталина в тот период жизни, когда страх в его душе достигает предела, он подозрителен и недоверчив к своему ближайшему окружению. И самое страшное, что вождь прекрасно понимает, насколько ненавидят русских те люди, которые находятся у руля компартии, люди, которым и сам Сталин обязан своим положением «отца народа», и поэтому он отдает им на откуп крестьян, позволяя запустить страшную реформу под названием «коллективизация».

Имена персонажей большевистского воинства

Большая часть *статичных* персонажей, не развивающихся духовно, представляет собой подсистему чужих. В числе многочисленных персонажей трилогии есть реальные вожди и члены компартии (*Каганович, Бергавинов, Бухарин, Молотов* и др.), иногда они только упоминаются, иногда с ними связаны небольшие сюжетные ходы.

В несобственно-прямой речи Сталина упоминаются многие имена политической элиты той страшной эпохи: *Бухарин дурак, он ничего не понимает в полтике. <...> Да, он помогал избавиться от Троцкого, но вместе с Крупской спас его от расстрела и выпустил за границу. Он все еще думает, что существует какая-то партийная этика. Ему не приходится даже в голову, что сам-то Троцкий ни минуты не стал бы раздумывать. Что ж, Бухарин, пеняй теперь на себя!* (Там же, с. 12).

Фамилии *Калинина* и *Ворошилова* упоминаются в трилогии в том числе и с целью показать, как крестьяне уважают своих вождей, верят в них и как вожди в конечном счете презирают крестьян, руководствуются своими личными интересами: *Особенно хотелось Даниле узнать про Василья-матроса... Может, этот выручит. Попросит он Ворошилова, напишет бумагу, и Ворошилов пачинское подворье от всех налогов освободит, и все права семейству воротят* [6, с. 534].

Почти все представители сатанинского большевистского воинства, которые в большом количестве упоминаются в трилогии, имеют имена и фамилии, чуждые русскому именованию: *Турло, Стацевич, Шацкий и Геронимус*, возглавляющие северные партийные газеты; *Яков Наумович Меерсон*; представители ОГПУ *Аустрин, Осипчик, Шейрон; Цейтлин и Кацнельсон*; уполномоченным ОГПУ по Вологодскому округу *Альтберг Сенкевич*; начальник строительства на Соловках *Нафталий Аронович Френкель* и еще многие-многие другие.

В собственно-авторском повествовании нагнетается атмосфера чуждости этих людей русской культуре, враждебности христианским православным ее основам.

Абсурдность и губительность политических решений, принимаемых на многочисленных партсобраниях, сравнивается с разгулом бесовских сил: *Так нарастало и крепло соревнование в левизне, так Верейкис, Голощекин и Косиор с Беленьким оказались правее Сталина и Рыскулова! Это поистине сатанинское превращение произошло в пятницу, 3 января нового, 1930 года, а 5 января (опять воскресенье!) родилось знаменитое решение ЦК «О темпах коллективизации». Бесы все больше и больше входили в раж. Через десять дней, 15 января, они учинили вторую яковлевскую комиссию – злоедейский синклит по выработке методов уничтожения и разорения* [5, с. 15].

С 1989 по 1992 гг. В.И. Белов был депутатом, в 1990–1991 гг. – членом Верховного Совета СССР. В одном из своих интервью журналисту Леониду Парфенову В.И. Белов задал риторический вопрос: *Почему в русской Думе так мало русских?* [10].

История ничему не научила...

В очерке «Бесовская хитрость» («Вызов времени», 1999) В.И. Белов приводит сцену допроса вологодским чекистом отца *Николая Перовского* из своей трилогии, размышляя о ситуации в стране в 90-х: *Россию вновь подцепили на свою любимую удочку политические демагоги. Тут, мол, правые, тут левые. И что самое гнусное – мы сами с удовольствием клюнули на эту наживку. Сами разделились по этому принципу. ...В том-то и дело, что принцип фальшивый, иными словами, никакого нет принципа* [7, с. 189]. *Все началось с французских депутатов еще конца XVIII века. ...Изобретен был президиум. Дьявольский смысл деления на правых и левых стал еще очевидней. (В зале ты сидишь справа, а из президиума ты представляешься сидящим слева). ...Встаньте у зеркала и поднимите правую руку. В зеркале она окажется не правой, а левой»* (Там же, с. 190).

Название очерка говорит само за себя: фальшивые принципы, разделение людей на противоборствующие стороны. Бес снова глумится над людьми.

По мнению писателя, в политике нет ни правых, ни левых: *Есть государственники и антигосударственники. Есть патриоты, борющиеся за выживание России, и космополиты, желающие окончательно гибели русского государства. Все довольно просто...* [7, с. 189].

Выводы

Выбор имени для персонажа, построение модели именования на протяжении всего текста подчинены основной идейно-тематической оппозиции в творчестве В.И. Белова: сакральное и inferнальное пространство и время. Особая оценка, смысловая и стилистическая маркированность таких имен заложена в текст следующими приемами:

1. Внутритекстовая речевая актуализация сем доантропонимического компонента в лексическом значении имени: старец *Никита* – «победитель»; пенсионер *Кенсаринович* < *Кенсорин* – «цензор».

2. Включение звукообраза имени, фамилии, прозвища в оппозиционный характер точек зрения на персонажа: *Сопроновы-соплюны* – сопливые; *Бессонов* – без сна, бес.

3. Подчеркнутая «статичность», полное отсутствие «развития» моделей именования «демонических» персонажей, «неразвитость» номинативной цепочки: *Бессонов* (ср. Степан Михайлович Гудков, Сквородник); *Игнаха Сопронов* (ср. Пашка Пачин > Павел Рогов).

4. Усиление антагонистичности характера персонажей посредством их имен: *Олеша* (традиционная форма имени) – *Авенир* («отчужденность» имени).

5. «Странность», нестандартность модели именования персонажа: *Фамилия моя Смирнов. Зовут Фокич*.

6. Сокрытость истинного имени: *Фокич* < *Калистрат*; *Коба, Сталин, Чижиков* и т.д. < *Иосиф Джугашвили*.

7. Противопоставление фамилий персонажей «своих» и «чужих», то есть коренных жителей вологодских деревень, тружеников (*Роговы, Мироновы*) и представителей новой власти, идейных и жестоких исполнителей приказов сверху (*Меерсон, Стацевич*).

Литература

- Белов, В. И. Во саду при долине / В. И. Белов // Собрание сочинений. В 7 томах. Том 2. Повести и рассказы. – Москва : РИЦ «Классика», 2011. – С. 468–487.
- Белов, В. И. Скакал казак / В. И. Белов // Собрание сочинений. В 7 томах. Том 2. Повести и рассказы. – Москва : РИЦ «Классика», 2011. – С. 399–418.
- Белов, В. И. Плотничьи рассказы / В. И. Белов // Собрание сочинений. В 7 томах. Том 2. Повести и рассказы. – Москва : РИЦ «Классика», 2011. – С. 129–190.
- Белов, В. И. Кануны / В. И. Белов // Собрание сочинений. В 7 томах. Том 3. Повесть. Роман. – Москва : РИЦ «Классика», 2011. – С. 97–477.
- Белов, В. И. Год великого перелома / В. И. Белов // Собрание сочинений. В 7 томах. Том 4. Романы. – Москва : РИЦ «Классика», 2011. – С. 7–378.

6. Белов, В. И. Час шестый / В. И. Белов // Собрание сочинений. В 7 томах. Том 4. Романы. – Москва : РИЦ «Классика», 2011. – С. 381–601.
7. Белов, В. И. Вызов времени / В. И. Белов // Собрание сочинений. В 7 томах. Том 7. Статьи. Очерки. Воспоминания. Рецензии. Письма. – Москва : РИЦ «Классика», 2011. – С. 5–348.
8. Захарова, Н. П. Положительный герой рассказов В. И. Белова / Н. П. Захарова // Беловский сборник / Администрация города Вологды ; Вологодский государственный университет ; Вологодская областная универсальная библиотека. – Вологда : Легия, 2016. – Вып. 1. – С. 38–44.
9. Оборнева, О. В. Культура и текст как среда обитания и источник поэтики онимов / О. В. Оборнева // Ономастика Поволжья : материалы XVIII Международной научной конференции : в 2 томах. – Кострома : Костромской государственный университет, 2020. – Т. 2. – С. 256–263.
10. Парфенов, Л. Портрет на фоне: Василий Белов / Леонид Парфенов, 1992. – URL: <https://www.youtube.com/watch?v=6x7AJYfSKTU> (дата обращения: 6.01.2023). – Текст : аудио.
11. Русская Православная Церковь : официальный сайт Московского Патриархата. – URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/913848.html> (дата обращения: 6.01.2023). – Текст : электронный.
12. Суперанская, А. В. Словарь русских личных имен / А. В. Суперанская. – Москва : АСТ, 1998. – 528 с.
13. Трикоз, Э. Л. Фрагмент беседы Э. Л. Трикоз с журналистом Валерием Киселевым от 30.01.2023 предоставлен лично Э. Л. Трикоз (научным сотрудником музея-квартиры В.И. Белова в г. Вологде).
14. Яцкевич, Л. Г. Крестьянская смеховая культура в произведениях В. И. Белова / Л. Г. Яцкевич // Беловский сборник / Союз писателей России ; Администрация города Вологды ; Вологодский государственный университет. – Вологда : ВолНЦ РАН, 2017. – Вып. 3. – С. 142–153.

N.V. Komleva

**SACRED AND INFERNAL MEANINGS IN THE POETICS OF PROPER NOUNS:
BASED ON THE WORKS OF V.I. BELOV**

The creative laboratory of V. I. Belov is a unique onomastic text, which is created by poetonyms. They allow the writer to embody the concept of the artistic reality he creates, to state his ideological, political, spiritual and moral principles. The techniques that the writer uses when creating the names of his characters and updating the internal form of the proper name serve to explication the main ideological and thematic opposition of his works: contradistinction not only of sacred and infernal space and time, but also sacra and inferno in the manifestation of the spiritual essence of man.

V.I. Belov, name in the text, onomastic text, the image of the sacred and infernal principles in poetics of nouns.

Д.Д. Кучина

Санкт-Петербургский государственный университет

ЖАНРОВЫЕ ФОРМЫ В НЕМЕЦКО- И РУССКОЯЗЫЧНОМ ИНТЕРНЕТ-ПРОСТРАНСТВЕ

В данной статье проводится анализ теоретических работ как отечественных, так и немецкоязычных исследователей, занимающихся изучением не только традиционных жанров, функционирующих на базе интернет-технологий, но и новых жанровых форм, сформированных благодаря Интернету. В то время как среди отечественных языковедов не прослеживается единства терминологии, немецкоязычные лингвисты единогласны в принятии особого иерархического порядка общения в средствах массовой информации: систему медиа (*Mediensystem*) можно разделить на разные *медиажанры (Mediagattungen)* (печатные СМИ, радио, телевидение, кино, Интернет и т.д.). Они же могут быть разделены на различные форматы (*Formate*) (ежедневная газета, еженедельный журнал, таблоид, блог, подкаст, чат, микроблог и т.д.), а форматы, в свою очередь, могут быть разделены на разные жанры (*Genres*), формы коммуникации (*Kommunikationsformen*), типы текста (*Darstellungsformen*): отчет, комментарий, заметка и т.д. Многие исследователи предприняли попытки построения единой модели интернет-жанра, которая могла бы отвечать постоянно изменяющейся и развивающейся коммуникативной интернет-среде. В данной работе анализу были подвергнуты жанровые модели, предложенные: Л.Ю. Щипициной, Т.В. Шмелевой, Н.Б. Лебедевой, О.В. Лутовиновой, М.В. Китайгородской и Н.Н. Розановой.

Немецкий интернет-дискурс, виртуальные жанры, медиаформат, виртуальная коммуникация, интернет-лингвистика, теория жанров.

Введение

Появление новых медиа требует их всестороннего лингвистического анализа. Как показывает история новых медиа, качественный скачок в использовании текста в электронных СМИ происходит только тогда, когда разрабатываются специфические для СМИ типы текста, позволяющие им отличаться от традиционных. В этом суть гипертекста как нелинейной формы представления, которая требует адаптации к ней способов порождения и рецепции языковых знаков [38].

Лингвистика текста только сейчас начинает обращать внимание на эти форматы коммуникативной практики. Было предпринято несколько попыток классифицировать гипертекстовые шаблоны или предоставить модели для их системного описания (Там же). То же самое верно и для пользователей: существующие знания о характеристиках гипертекста расплывчаты, бессистемны и часто рудиментарны. Как это часто бывает, использование средств массовой информации предшествует его теоретическому и практическому осмыслению.

Развитие интернет-технологий обусловило развитие новых жанров, присущих виртуальной среде. Так, в работах Е.И. Горошко встречается новый термин «виртуальное жанроведение», ставящее своей целью исследовать условия возникновения новых жанровых форм в сети Интернет, их характерные признаки, сходства и отличия [7].

Результаты исследования и их обсуждение: современное состояние интернет-жанров в русско- и немецкоязычной парадигмах

В 2009 году Н.Б. Рогачевой были выделены проблемы нового лингвистического направления, включающие в себя:

- 1) соотношение интернет-жанров с другими традиционными жанрами;
- 2) рассмотрение компонентов жанровой структуры.

Е.И. Горошко в 2007 году выделяла такие проблемы, как:

- 1) проблема четкого определения жанра;
- 2) построение непротиворечивой классификации жанров;
- 3) описание среды функционирования и возникновения виртуальных жанров.

Терминологическая проблема заключается в отсутствии единого термина, который описывал бы жанр. Отечественные ученые-языковеды склоняются к следующим определениям: «виртуальный жанр», фигурирующий в работах О.В. Лутовиновой, Л.Ф. Компанцевой, Е.И. Горошко, «электронный жанр» – придерживаются Е.Н. Вавилова и Л.А. Капаназе, «интернет-жанр» или «коммуникативный сервис интернета» встречаются в работах Е.И. Горошко и Е.А. Жигалиной, «дигитальный жанр» или «цифровой жанр» находят отражение в научных исследованиях Л.Ю. Щипициной.

В немецкой традиции фигурирует такое понятие, как «медиаформат». Понятие *формат* относится к обширному семейству терминов, которые, хотя и происходят из разных теоретических традиций, призваны выполнять одну и ту же основную аналитическую функцию: навести порядок в разнообразии коммуникативных проявлений, а также объяснить социальную координацию. В психологии были предложены термины *Schemata* (схемы) [46] или *Scripts* (сценарии) [44]. Теория коммуникативного действия использует такие термины, как: *Interaktions-Muster* (шаблон взаимодействия), *Prinzipien* (принципы), *Strategien* (стратегии), *pattern* (шаблон, правило) для описания действий и интерпретации субъектов и их координации [41; 47; 42]. В традициях социологической теории, а также в исследованиях коммуникации именно такие термины, как *Gattung* (жанр), *Frame* (фрейм/рамка), *Deutungsmuster* (модель толкования), *Prototyp* (прототип), *Idealtyp* (идеальный образец), используются для воссоздания социальной конструкции реальности [40; 33; 34; 45]. В лингвистике также используется целый ряд различных терминов для создания коммуникативного порядка в разнообразии языковых и текстовых проявлений, таких как *Genre* (жанр), *Darstellungsform* (тип текста), *Textsorte* (тип текста), *Texttyp* (тип текста), *Textmuster* (шаблон текста), *Dialogtyp* (тип диалога) [2; 32; 39; 31]. Особая трудность упорядочивания средств массовой информации или коммуникации в соответствии с конкретными структурами и формами заключается в том, что детализация систем упорядочения не является фиксированной, но может быть реализована гибко. Разграничения между различными уровнями классификации также не являются строго установленными. Порядок и типология устанавливаются для определенных целей и соответственно могут варьироваться в зависимости от цели. Немецкими лингвистами выделяется следующий иерархический порядок общения в средствах массовой информации: систему медиа (*Mediensystem*) можно разделить на разные *медиажанры* (*Mediagattungen*) (печатные СМИ, радио, телевидение, кино, Интернет и т.д.). Они же могут быть разделены на различные форматы (*Formate*) (ежедневная газета, еженедельный журнал, таблоид, блог, подкаст, чат, микроблог и т.д.), а они, в свою очередь, могут быть распределены по разным жанрам (*Genres*), коммуникативным формам (*Kommunikationsformen*), типам текста (*Darstellungsformen*): отчет, комментарий, заметка и т.д. Для описания процессов трансформации, охватывающих все средства массовой информации, таких как таблоидизация, глобализация или мультимодальность, требуется иная степень детализации. На самом общем уровне это были бы не жанры средств массовой информации, а функциональные формы, такие как: развлекательные, новостные или формы передачи знаний.

Разделение на три типа медиа: медиажанры (*Mediagattungen*), медиаформаты (*Medienformate*), типы текста (*Darstellungsformen*) и коммуникативные формы (*Kommunikationsformen*) по сравнению с обычным двойным разделением на медиа (*Medien*) и формы коммуникации (*Kommunikationsformen*) имеет преимущество, которое заключается в том, что понятие медиажанра создает предпосылку для того, чтобы

на самом общем уровне не было необходимости использовать технологическое понятие медиа, охватывающее только аспект распространения [36]. Медиажанры понимаются здесь как диспозитивы, в которых объединены производственные, дистрибутивные и рецептивные аспекты [28]. Соответственно жанры СМИ характеризуются тем, что они открывают конкретные возможности для действий и использования, на основе которых различия между жанрами становятся функционально объяснимыми. Таким образом, разница между телевидением и кино на жанровом уровне не только в технике передачи и представления, но и в соответствующих инфраструктурных условиях, социальной функции медиажанра, форме приема, составлении программ и производстве контента [28].

Особенность термина *Format* с точки зрения медиааналитики заключается в том, что он одинаково охватывает аспекты формы, функции и содержания, а также расположен на среднем уровне между макроструктурами медиа и микроструктурами материалов СМИ. Это позволяет, с одной стороны, определять жанры медиа в соответствии с типичными для них форматами, а с другой – функционально дифференцировать расположенные ниже уровня формата коммуникативные формы [28].

Такая промежуточная категория, которую представляет собой понятие формата (*Format*), была предложена для типологических образований различными авторами. Таким образом, Тён ван Дейк различает, с одной стороны, контекстуальные жанры, а с другой – жанры дискурса [48]. При этом контекстные жанры соответствуют тому, что здесь называется форматом, поскольку их можно определить с помощью окружения, участников и их ролей, идентичности и отношений, вида деятельности, в которой они участвуют, и их когнитивной базы: *the setting, the participants (and their roles, identities and relations), the kind of activity engaged in and their cognitive basis* [48]. Им противопоставляются дискурсивные жанры, которые определяются в терминах структур текста или разговора (Там же) и могут пониматься как разновидности типов текста или форм коммуникации. Различие в формах коммуникации, с одной стороны, и коммуникативных жанрах, с другой, также обусловлено основной идеей, согласно которой в медиакоммуникации существуют резервуары с определенным набором функций, которые содержат различные модели коммуникативных действий [30]. Так, чат определяют как форму общения, которая соответствует формату, который, в свою очередь, может иметь различные модели взаимодействия – например, экспертный чат или развлекательный чат. Коммуникативные формы составляют внешнюю основу коммуникативного процесса, коммуникативные жанры – это модели поведения, построенные в общении, которые дают заинтересованным сторонам ориентацию: *Kommunikationsformen bilden den äußeren Rahmen des kommunikativen Geschehens, kommunikative Gattungen sind die in der Kommunikation konstruierten Handlungsmuster, die den Beteiligten eine Orientierung geben* [30].

В дальнейшем, придерживаясь отечественной традиции, мы сконцентрируемся на понятии «жанр» и его разнообразии в медиапространстве.

Существует множество трактовок понятия «интернет-жанр». Е.И. Горошко и Е.А. Жигалина понимают интернет-жанр как устойчивый тип текста или форму, которую принимают речевые акты в сфере компьютерно-опосредованной коммуникации, или по аналогии уже с существующим определением термина *речевой жанр*, разработанный в рамках Саратовской лингвистической школы: «вербально-знаковое оформление типичной ситуации взаимодействия людей в сети Интернет» [9, с. 105].

Е.И. Горошко и Е.А. Жигалина придерживаются мнения, что лучше разграничивать понятия «коммуникативный сервис интернета» и «виртуальный жанр». В рамках исследования последнего поднимаются вопросы описания аспектов коммуникации, осуществляемой на определенных платформах Интернета, которые в свою очередь называются коммуникативным сервисом, а потому требуют отдельного рассмотрения согласно некоторым языковедам. В рамках жанровой типологии разрабатываются критерии, на основе которых осуществляется классификация и упорядочение всех речевых жанров. В эволюционном контексте проводится изучение способностей адаптации бумажных жанров к интернет-пространству, а также возникновение новых форм [17; 14]. В рамках лингво-философского направления виртуальный жанр рассматривается и как лингво-философская категория, и как модифицированный речевой жанр, который в свою очередь изучается с когнитивно-прагматической точки зрения формирования личности [14; 22; 4]. Ряд исследователей рассматривает сами платформы, служащие условием реализации коммуникации между пользователями интернет-сети, в качестве виртуальных жанров [7; 11; 19; 29]. Важно отметить, что активная деятельность ученых, направленная на изучение того или иного сервиса, обусловлена его распространенностью и частотностью использования определенной платформы пользователями интернет-сети для коммуникации. Например, языковеды занимали вопросы функционирования чатов и форумов [1; 16; 18]. Множество работ посвящается рассмотрению блога как виртуального жанра [17; 20; 35].

Коммуникативно-динамические изменения виртуальных жанров привели к появлению новых жанровых форм: конвергентные, гибридные, мутированные. Конвергентные жанры, как правило, обязаны своему появлению постоянно развивающейся глобальной сети Интернет и представляют собой коммуникативное пространство, ограниченное рамками одной платформы, но включающее различные виды интернет-жанров. Им противопоставлены гибридные жанры, имеющие бумажный аналог. Примером может послужить современный блоггинг, заменяющий привычную форму ведения дневника. Мутированные жанры нельзя отнести ни к тем, которые имеют бумажный аналог, ни к тем, которые появились благодаря интернет-сервисам. Зачастую довольно сложно установить причину их возникновения. К таковым, например, относятся мультипользовательские миры – текстовая компьютерная игра, взаимодействие игроков происходит посредством общего чата [8].

Помимо этого, в современной теории жанроведения фигурируют следующие термины: гипержанр и

субжанр [23]. Гипержанр (ГЖ) включает в себя несколько жанров, тогда как под субжанром понимается одноактное высказывание [23]. Гипержанром является многокомпонентное событие действительности, например, можно выделить «дружеское общение» в отдельный ГЖ, который включает в себя «разговор по душам», «болтовню» и т.д. Субжанры представляют собой набор тактик, используемых участниками коммуникации в процессе диалога.

Виртуальное жанроведение было выделено в отдельное направление в рамках интернет-лингвистики в результате исследований жанровой системы интернет-коммуникации, что позволило рассматривать жанровый подход как один из тех, которые используются в изучении нового вида коммуникации и функционируют в интернет-сети. Е.И. Горошко и Е.А. Жигалина придерживаются мнения, что новые виды жанров, хотя и уходят корнями в закрепившуюся в языкознании теорию жанров, но все же являются новым лингвистическим направлением, которое появилось сравнительно недавно и является объектом изучения многих как отечественных, так и зарубежных языковедов.

Выводы

1. Многочисленными исследователями-языковедами предпринимались попытки выявления, обоснования и закрепления терминологии нового лингвистического направления, занимающегося изучением интернет-пространства.

2. Среди отечественных ученых до сих пор не существует общепринятых понятий и устоявшейся терминологии, которая описывала бы все многообразие языковых и внеязыковых явлений, фигурирующих в интернет-среде.

3. Зарубежными языковедами предлагается трехуровневая система анализа медиакосмоса, состоящая из анализа медиажанров, форматов и типов текста.

Помимо терминологической проблемы, одной из центральных проблем виртуального жанроведения является классификация и описание интернет-жанров. По этой причине считаем обоснованным посвятить следующий раздел описательным моделям, служащим ориентиром при классификации новых, распространенных в сети Интернет жанров.

Описательная модель как инструмент анализа жанра

Многими исследователями были предприняты попытки в построении единой модели интернет-жанра, которая могла бы отвечать постоянно изменяющейся и развивающейся коммуникативной интернет-среде.

Анализ жанров, как правило, осуществляется на трех уровнях: стилистическом, семантическом и прагматическом. Таким образом, каждому из уровней соответствует определенный диапазон исследований. На стилистическом уровне большое значение имеет языковое воплощение, а на семантическом «диктуемое содержание, прагматический уровень включает в себя: цель, образ автора, образ адресата, прошлого и будущего» [26, с. 238].

Несмотря на несовпадение взглядов ученых-языковедов на классификацию речевых жанров, дальней-

шие исследования и попытки создания теории виртуального жанроведения при соблюдении общего подхода к описанию жанров с семантико-стилистической и прагматической точек зрения могут открыть новое видение на проблему описания компьютерно-опосредованной коммуникации с помощью жанровой классификации. «Речевые жанры, выделенные данным языком, являются... одним из лучших ключей к культуре данного общества» [5, с. 111].

М.М. Бахтин полагал, что «человеческая речь в типичных ситуациях представляет собой готовые формы речевых жанров, которые даны нам почти так же, как родной язык. Типическими для речевых жанров являются: коммуникативная ситуация, экспрессия и экспрессивная интонация, объем (приблизительная длина речевого целого), концепция адресата и наадресата» [2, с. 445]. Высказыванием, согласно М.М. Бахтину, является «предложение, погруженное в ситуацию общения и наполненное многими коммуникативными смыслами, которых лишено абстрактное предложение» [10, с. 34]. «Речевые жанры являются типической формой высказываний: каждое отдельное высказывание, конечно, индивидуально, но каждая сфера использования языка вырабатывает свои относительно устойчивые типы таких высказываний, которые и называются речевыми жанрами» [2, с. 445].

В настоящее время выдвинутые Бахтиным идеи получают новое осмысление в работах, посвященных современному жанроведению. Например, Т.В. Шмелева составила «Анкету речевого жанра» для описания и систематизации речевых жанров, которая включает в себя следующие пункты:

«Коммуникативная цель;
Концепция автора;
Концепция адресата;
Событийное содержание;
Факторы коммуникативного прошлого и будущего;
Языковое воплощение» [10, с. 111].

Анкета речевых жанров создавалась Т.В. Шмелевой в качестве дедуктивной модели. Позже она была апробирована на практике другими учеными и претерпела некоторые изменения. Н.Б. Лебедева в результате работы над жанрами естественной письменной речи модернизировала модель, предложенную Т.В. Шмелевой, в коммуникативно-семиотическую модель, для которой главными стали следующие критерии:

«Адресант;
Коммуникативно-целевой фациент;
Адресат;
Объект коммуникации (включает содержательную сторону коммуникации и языковое воплощение);
Графико-пространственный параметр;
Орудие и средство;
Субстрат, материальный носитель знака;
Носитель субстрата;
Среда;
Время восприятия знака;
Фациент “Ход коммуникации”;
Фациент “Социальная оценка”» (Там же, с. 113).

Термином «фациент» Н.Б. Лебедева обозначает все элементы коммуникативной ситуации, результатом которой является естественная письменная речь [15].

М.В. Китайгородская и Н.Н. Розанова предложили альтернативу дедуктивной модели [13], разработав на основе представлений о функциях языка, по Р. Якобсону, эмпирически-индуктивную модель жанров. Как и Р. Якобсон, приравнивавший функции языка к пяти компонентам ситуации общения, исследовательницы сводят выделенные ими компоненты к тем же, которых придерживался Р. Якобсон [27]. Из всего многообразия параметров для классификации жанров выделяются четыре группы: время, место, партнеры коммуникации и тема.

К.Ф. Седов полагает, что дискурс должен делиться на составные части в рамках социальной сферы, где происходит коммуникация [23]. Таким образом, «иерархическая система жанров может быть заимствована в виртуальное жанроведение» (Там же, с. 33). О.В. Лутовинова, указывая на разнородность характеристик, используемых при выделении жанров, предлагает признать многослойность виртуального дискурса и, вместе с тем, различие в параметрах, устанавливаемых современными лингвистами для описания и структурирования новых жанров в интернет-сети.

О.В. Лутовинова в отношении выделенных ею речевых жанровых критериев – структурности и композиционности – руководствуется определением жанров Бахтина, говоря о типе высказывания, отличающемся своей смысловой целостностью и законченностью, а также вписывающемся в определенную «типическую ситуацию». Такого рода жанры характеризуются ею как дискурсообразующие. В основе выделения дискурсообразующих жанров лежат критерии структурности и композиционности. Примерами дискурсообразующих жанров являются: чат, форум, блог и т.д. Они обладают рядом критериев:

Характер направленности на адресата (персональный или массовый);

Временная ориентация (синхронность или асинхронность);

Степень интерактивности (низкая – средняя – высокая);

Регламентированность (композиция и содержание);

Принцип взаимодействия [17].

Помимо этой группы, она различает также дискурсоприобретенные жанры, т.е. устойчивые типы высказываний, использующиеся в определенных формах общения, обусловленных техническими параметрами цифровой среды. Так, исследовательницей выделяются флуд, спам и т.д.

Л.Ю. Щипицина предлагает при исследовании компьютерно-опосредованной коммуникации опираться на следующие критерии: «прагматический (за чем, кто, кому, где), медийный (на базе какого интернет-сервиса или технического носителя информации), структурно-семантический (порядок распределения информации в рамках одной платформы), стилистико-языковой (используемые языковые средства)» [25, с. 172]. К медийным параметрам относится прежде всего интерфейс, т.е. порядок распределения данных на экране, расположение сообщений (внизу, вверху), размер текста, возможность добавления индексных знаков и цитирования [35]. Помимо вышеперечислен-

ных параметров, определяющих специфику виртуальных жанров, выделяют: гипертекстуальность, интерактивность, мультимодальность [25].

В дальнейших исследованиях планируется проведение анализа речевых жанров интернет-комментария в немецкоязычном медиадискурсе по модели, предложенной Т.В. Шмелевой.

Выводы

1. Предложенные модели можно распределить на следующие классы: дедуктивный, коммуникативно-семиотический, эмпирически-индуктивный, дискурсообразующий.

2. Дедуктивная модель является первоосновой для всех последующих, дополняющих ее.

3. Для каждой вышепредставленной модели характерны следующие черты: коммуникативная цель, концепции адресанта и адресата, диктум, композиционно-стилистическое и языковое оформление. Отличия состоят в том, что некоторые из моделей выделяют в качестве отдельных характеристик: временной интервал (асинхронный и синхронный), графико-пространственный параметр или место коммуникации.

Заключение

Так, в настоящем исследовании были проанализированы различные точки зрения не только отечественных языковедов в отношении организации речевых жанров пространства в сети Интернет, но и зарубежных ученых, что может открыть новые перспективы в исследованиях виртуального жанроведения.

При описании современных жанров важно также учитывать технологический фактор, так как именно развитие компьютерных технологий обеспечивает возможность появления новых программ, служащих коммуникативным целям.

Литература

1. Амурская, О. Ю. Изоморфизм и алломорфизм вербально-семантического уровня языковой личности русскоязычного и немецкоязычного чат-коммуниканта: на материале чатов общей тематики : специальность 10.02.20 : диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Амурская О. Ю. – Казань, 2008. – 194 с.
2. Бахтин, М. М. Проблема речевых жанров / М. М. Бахтин // Эстетика словесного творчества. – Москва : Искусство, 1986. – С. 445.
3. Вавилова, Е. Н. Жанровая классификация дискурса телеконференций Фидонет : специальность 10.02.02 «Русский язык» : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Вавилова Е. Н. – Томск, 2001.
4. Горный, Е. А. Виртуальная личность как жанр творчества / Е. А. Горный. – Москва : Новое литературное обозрение, 2009.
5. Вежбицкая, А. Речевые жанры / А. Вежбицкая // Жанры речи. – Саратов : Издательство ГосУНЦ «Колледж», 1997. – Вып. 1. – С. 99–111.
6. Горошко, Е. И. Лингвистика Интернета: формирование дисциплинарной парадигмы / Е. И. Горошко // Жанры и типы текста в научном и медийном дискурсе. – Орел : Карпуш, 2007. – Вып. 5. – С. 223–237.
7. Горошко, Е. И. Теоретический анализ интернет-жанров: к описанию проблемной области / Е. И. Горошко // Жанры речи. – 2007. – № 5. – С. 370–389.
8. Горошко, Е. И. К построению типологии жанров социальных медий / Е. И. Горошко, Т. Л. Полякова. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-postroeniyu-tipologii-zhanrov-sotsialnyh-mediy-1> (дата обращения: 09.06.2023). – Текст : электронный.
9. Горошко, Е. И. Виртуальное жанроведение: устоявшееся и спорное / Е. И. Горошко, Е. А. Жигалина // Вопросы психолингвистики. – 2010. – № 12. – С. 105–123.
10. Дементьев, В. В. Изучение речевых жанров. Обзор работ в современной русистике / В. В. Дементьев // Вопросы языкознания. – 1997. – № 1. – С. 109–121.
11. Денисов, А. В. Вебсайт как жанр Интернет-коммуникаций (на материале региональных телекомпаний) / А. В. Денисов // Лингвистический ежегодник Сибири. – Красноярск : Красноярский ГУБ, 2004. – С. 184–193.
12. Капанадзе, Л. А. Структура и тенденции развития электронных жанров / Л. А. Капанадзе // Сборник статей к 80-летию М. В. Панова. – Москва : Языки славянской культуры, 2001. – С. 246–255.
13. Китайгородская, М. В. К характеристике жанра современной эпиграфии в социокультурном аспекте / М. В. Китайгородская, Н. Н. Розанова. – Саратов, 2007.
14. Компанцева, Л. Ф. Интернет-лингвистика: когнитивно-прагматический и лингвокультурологический подходы / Л. Ф. Компанцева. – Луганск : Знание, 2008.
15. Лебедева, Н. Б. Жанры естественной письменной речи / Н. Б. Лебедева // Антология речевых жанров: повседневная коммуникация. – Москва, 2007. – С. 116–123.
16. Литневская, Е. И. Психолингвистические особенности Интернета и некоторые языковые особенности чата как исконно сетевого жанра / Е. И. Литневская, А. П. Бакланова // Вестник МГУ. Серия Филология. – 2005. – № 6. – С. 46–61.
17. Лутовинова, О. В. Докоммуникативные лингвистические релевантные средства самопрезентации языковой личности в виртуальном дискурсе / О. В. Лутовинова // Мир науки, культуры, образования. – 2013. – № 2 (39). – С. 236–240.
18. Овчарова, К. В. Компьютерные чаты в Интернет-коммуникации: содержание и особенности функционирования : специальность 10.02.19 «Теория языка» : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Овчарова К. В. – Краснодар, 2008.
19. Рогачева, Н. Б. Новые приоритеты в русском Интернет-общении : на материале жанра блога / Н. Б. Рогачева // Жанры речи: сборник научных статей. – Саратов : Наука, 2007. – Вып. 5. – С. 389–403.
20. Рогачева, Н. Б. Язык и стиль вторичных речевых жанров: на материале интернет-общения / Н. Б. Рогачева // Жанры речи. – 2009. – № 6. – С. 127–149.
21. Розанова, Н. Н. Сфера религиозной коммуникации: храмовая проповедь / Н. Н. Розанова // Современный русский язык: социальная и функциональная дифференциация. – Москва, 2003. – С. 341–363.
22. Селютин, А. А. Жанры как форма коммуникативного выражения онлайн-личности / А. А. Селютин // Вестник Челябинского государственного университета. – 2009. – № 35 (173), вып. 37. – С. 138–141.
23. Седов, К. Ф. Языкознание. Речеведение. Генристика / К. Ф. Седов // Жанры речи : сборник научных статей. – Саратов : Наука, 2009. – Вып. 6. Жанр и язык. – С. 23–40.
24. Шмелева, Т. В. Речевой жанр. Возможности описания и использования в преподавании языка / Т. В. Шмелева // Русистика. Научный журнал актуальных проблем преподавания русского языка. – 1990. – № 2. – С. 20–32.
25. Щипицина, Л. Ю. Классификация жанров компьютерно-опосредованной коммуникации по их функции / Л. Ю. Щипицина. – Архангельск : Поморский университет, 2009. – С. 171–178.

26. Щипицина, Л. Ю. Жанры компьютерноопосредованной коммуникации / Л. Ю. Щипицина. – Архангельск : Поморский университет, 2009.
27. Якобсон, Р. Избранные работы / Р. Якобсон. – Москва, 1985.
28. Bucher, H. Tabloid versus Broadsheet: Wie Zeitungsmode gelesene werden. *Media Perspektiven* 10 / H. Bucher, P. Schumacher, 2007.
29. Crystal, D. *Language and the internet* / D. Crystal. – Cambridge University Press, 2006.
30. Dürscheid, Ch. Medien, Kommunikationsformen, kommunikative / Ch. Dürscheid. – *Gattungen*, 2005. – URL: https://www.researchgate.net/publication/26402555_Medien_Kommunikationsformen_kommunikative_Gattungen (дата обращения: 09.06.2023). – Текст : электронный.
31. Fairclough, N. *Media Discourse*, London u.a. *Analyzing Discourse. Textual Analysis for Social Research* / N. Fairclough. – London/New York, 2003.
32. Fritz, G. *Handbuch der Dialoganalyse* / G. Fritz, F. (Hg.) Hundsniischer. – Tübingen, 1994.
33. Goffman, E. *Rahmen-Analyse. Ein Versuch über die Organisation von Alltagserfahrungen* / E. Goffman. – Frankfurt a. M., 1977.
34. Günthner, S. *Gattungen als Muster kommunikativen Handelns* / S. Günthner, H. Knoblauch. – *Kölner Zeitschrift für Soziologie und Sozialpsychologie* 46, 1994. – S. 693–723.
35. Herring, S. C. *Computer-Mediated Discourse* / S. C. Herring // Schiffrin, D. *The Handbook of Discourse Analysis* (Blackwell Handbooks in Linguistics), 2001. – 215 p.
36. Habscheid, S. *Medium in der Pragmatik. Eine kritische Bestandsaufnahme*, *Deutsche Sprache* 28/1, 2000. – S. 126–143.
37. Halliday, M. *An introduction to functional grammar* / M. Halliday. – London, 2004.
38. Jakobs, E. M. *The Evolution of Web-Site Genres*. In book: *Language and New Media. Linguistic, Cultural, and Technological Evolutions* / E. M. Jakobs. – Publisher: Hampton Press, 2009. – P. 349–350.
39. Kurz, J. *Stilistik für Journalisten* / J. Kurz. – Wiesbaden, 2000.
40. Luckmann, T. *Grundformen der gesellschaftlichen Vermittlung des Wissens: Kommunikative Gattungen*, in: Friedhelm Neidhard/Rainer M. Lepsius/Johannes Weiss (Hg.), *Kultur und Gesellschaft*, René König, dem Begründer der Sonderhefte, zum 80. Geburtstag gewidmet (Sonderheft der *Kölner Zeitschrift für Soziologie und Sozialpsychologie* Nr. 27) / T. Luckmann. – Opladen, 1986. – S. 191–211.
41. Münch, R. *Soziologische Theorie, Band 2: Handlungstheorie* / R. Münch. – Frankfurt a. M./New York, 2002.
42. Renckstorf, K. (Hg.). *Action Theory and Communication Research. Recent Developments in Europe. Communications Monograph 3* / K. (Hg.) Renckstorf. – Berlin, 2004.
43. Sandig, B. *Textstilistik des Deutschen* / B. Sandig. – Berlin/New York, 2006.
44. Schank, C. *Scripts, plans, goals and understanding. An inquiry into human knowledge structures* / C. Schank, R. Abelson. – Hillsdale, 1977.
45. Scheufele, B. *Frames – Framing – Framing-Effekte. Theoretische und methodische Grundlegung des Framing-Ansatzes sowie empirische Befunde zur Nachrichtenproduktion* / B. Scheufele. – Wiesbaden, 2003.
46. Schnotz, W. *An integrated Model of Text and Picture Comprehension*, in: Richard E. Mayer (Hg.), *The Cambridge Handbook of Multimedia Learning* / W. Schnotz. – New York, 2005. – S. 49–69.
47. Schröder, T. *Die Handlungsstruktur von Texten. Ein integrativer Beitrag zur Texttheorie* / T. Schröder. – Tübingen, 2003.
48. Van Dijk, T. A. *Discourse and Context. A Sociocognitive Approach* / T. A. Van Dijk. – Cambridge, 2008.

D.D. Kuchina

GENRE FORMS IN THE GERMAN- AND RUSSIAN-SPEAKING INTERNET SPACE

This article analyzes the theoretical works of both Russian-speaking and German-speaking researchers engaged in the study of not only traditional genres operating on the basis of Internet technologies, but also new genre forms formed thanks to the Internet. While there is no unity of terminology among Russian linguists, German-speaking linguists are unanimous in adopting a special hierarchical order of communication in the media: the media system (Mediensystem) can be divided into different media genres (Mediagattungen) (print media, radio, television, cinema, Internet, etc.). They can also be divided into various formats (Format) (daily newspaper, weekly magazine, tabloid, blog, podcast, chat, microblog, etc.), and they, in turn, can be divided into different genres (Genres), communicative forms (Kommunikationsformen), presentation forms (Darstellungsformen): report, comment, note, etc. Many researchers have made attempts to build a unified model of the Internet genre that could meet the constantly changing and developing communicative Internet environment. This paper analyses genre models proposed by L.Yu. Shchipitsina, T.V. Shmeleva, N.B. Lebedeva, O.V. Lutovinova, M.V. Kitaygorodskaya and N.N. Rozanova.

German Internet discourse, virtual genres, media format, virtual communication, Internet linguistics, genre theory.

Т.И. Месилова

Московский государственный областной педагогический университет

«РУССКИЙ» АНГЛИЙСКИЙ: ОТЕЧЕСТВЕННЫЙ РЭП-ТЕКСТ КАК ТРАНСЛЯТОР АНГЛОЯЗЫЧНЫХ ЗАИМСТВОВАНИЙ

Объектом исследования настоящей статьи выступает дискурсивное пространство отечественного хип-хопа последних пяти лет. Предметом исследования являются специфические англоязычные заимствования рэп-текста. Все заимствованные единицы анализируются по способу заимствования, а также в их отношении к американскому сленгу. В заключении оценивается функциональный потенциал заимствованной лексики.

Русский рэп, глобализация языка, социолингвистика, дискурсивный анализ, лингвокультурология, американский сленг, заимствование.

Введение

Отечественный рэп-текст – это продукт вторичный. Возникнув в США в 80-е годы прошлого столетия, рэп как лингвокультурное, музыкальное явление в 90-е годы XX века (в период высокого взаимопроникновения других культур) пришел в Россию, на постсоветское пространство. Конечно, со временем он приобрел некоторые национальные черты, представляя собой, тем не менее, кальку с западного образца: многие исследователи отмечают заимствованный характер рэп-субкультуры [5, с. 71; 7, с. 122; 10, с. 16]. Однако не надо быть ни музыкальным критиком, ни лингвистом, ни культурологом, чтобы увидеть, как образы популярных русских рэп-исполнителей строятся на характерах и имидже западных коллег. Таковы, например, облики MORGENSHTERN (Алишера Моргенштерна) и Lil Pump (Газзи Гарсии), PHARAOH (Глеба Голубина) и BONES (Элмо Кеннеди О'Коннора), OXXXYMIRON (Мирона Федорова) и Eminem (Маршалла Брюса Мэтерса III) и многих других. «Копирование» в данном случае может иметь разные масштабы: от похожих татуировок на лице и цветных дредов на голове до почти полного «перевода» англоязычного текста на русский язык.

Естественно, это «подражание» как в общем плане, так и в языковом, в частности, не остается явлением камерным (пусть даже мы и причисляем рэп-дискурс к андеграунду, а не к традиционному шоу-бизнесу), так как любая музыкальная «коммуникация» носит массовый характер, а значит, и любой рэп-текст становится частью массовой коммуникации. Нельзя сказать, что языковые элементы рэп-текстов становятся так же популярны и употребительны, как лексемы, относимые к «речи поколения “next” типа *агриться, хейтер, чилить* и т.п.» [9, с. 107]. Однако воздействие таких стилистически сниженных текстов на речь молодежи очевидно, как и взаимовлияние интернет-языка и рэп-языка друг на друга.

Большую роль играет и интернационализация, глобализация языка: молодые люди стремятся подра-

жать всему западному и американскому по причине бытующих идеализированных убеждений и представлений о США как о «земле обетованной» с высоким уровнем жизни, демократическим режимом, неограниченными правами и свободами. Как итог: желание каким-то образом приобщиться к этой уникальной идеализированной культуре, хотя бы через использование большого количества англицизмов.

Еще одним фактором является то, что рэп-тексту как вторичному тексту (пусть и со своими оригинальными чертами) необходимы заимствования. Такая лексика, с одной стороны, используется для обозначения понятий, которых в русском вокабулярии не существует (особенно это касается сленга), т.е. выполняет прагматическую функцию. Кроме того, предпочтительное использование заимствования нежеле русского аналога понятия ориентирует текст на определенную аудиторию «потребителей», придавая ему определенный «престиж».

Способы заимствования

Все иноязычные лексемы приходят в русский язык следующими способами: транслитерацией, транскрипцией, калькированием.

При транслитерации принимающий язык с помощью собственных графических средств передает не звучание (из оригинального языка), а написание (графический образ слова). Природа этого явления видна и в самом названии термина, где *trans* (лат.) – «через» и *littera* (лат.) – «буква». Л.П. Крысин пишет, что при транслитерации происходит «замена букв алфавита другого языка» [6, с. 302]. Приведем примеры из исследуемых нами текстов: лексема *группи* (англ. *gruppie*) – «девушка», лексема *сплиф* (англ. *spliff*) – «косяк, самокрутка», *лайфхак* (англ. *life hack*) – «нестандартный прием, способ, помогающий решить какую-либо проблему» (лексема также является композитом).

Путем транскрипции в русском языке реализуется звучание (на оригинальном языке), а не написание. Говоря иначе, мы слышим, как это слово произносит

носитель языка, так его и заимствуем. В этом случае передается фонетический, а не графический образ слова графикой принимающего языка (кириллицей): *стаф* (*stuff*) (ср., если бы эта лексема пришла в русский язык путем транслитерации, то звучала и передавалась на письме как «стуф»), *сканк* (*skunk*), *бит* (*beat*).

При калькировании слово заимствуется таким образом, что и фонетический и графический образы слова реализуются в принимающем языке, они буквально копируются в принимающий язык: *молли* (*molly*), *панчлайн* (*Punch line*) (лексема также является компонентом, то есть в русском языке происходит соединение двух английских лексем), *маму* (*mommy*), *блок* (*block*), *кэш* (*cash*), *тату* (*tatti*).

Отдельно выделим единицы, имеющие заимствованную основу, пришедшую в русский язык одним из трех способов (транслитерацией, транскрипцией или калькированием) с добавлением русских аффиксов: суффиксов, префиксов, флексий, постфиксов. Традиционно в языкознании такие слова считаются собственно русскими, освоенными языком, так как они изменяются по законам «принимающей» их грамматики. Подобных слов сейчас в языке имеется большое количество: *лайкнуть* (со значением «поставить лайк»), *твитнуть* (со значением «написать твит»), *свайпнуть* (со значением «провести по экрану смартфона или планшета в нужном направлении», от англ. *swipe* – «проводить не отрывая»), *скроллить* (со значением «прокрутить, переместить текст или картинку вертикально», от англ. *scroll* – «прокрутить») и т.д.

Некоторыми исследователями по отношению к таким лексемам применяется термин «русифицированные заимствования» или «заимствования, пришедшие в язык путем гибридизации», т. е. буквально в процессе смешения языков. Термин гибридизация был введен Н.Я. Марром для обозначения процесса образования смешанных или гибридных языков [1, с. 285], но в данном случае он используется несколько в измененном значении.

На наш взгляд, с трудом можно назвать подобные слова собственно русскими (пусть они и имеют русские аффиксы), так как данные лексеммы не зафиксированы ни одним словарем, хотя и активно употребляются в обиходной, разговорной речи.

С подобными примерами мы встречаемся в рэп-текстах отечественных исполнителей:

1. «Не *факаюсь* с тобой, но *факаю* твою *хое*» [Л1]. Лексема «факаюсь» реализуется в русскоязычном тексте с помощью гибридизации: к заимствованной основе «фак» (*fuck* – калька, и фонетическая, и графическая) присоединяются русские аффиксы: глагольный суффикс -а-, флексия -ю- и постфикс -сь.

2. «Ей нравится, как я *миксую* Пуму с *Gucci*» [П1]. К заимствованной основе «микс» (*mix* – калька, и фонетическая, и графическая) присоединяются русские аффиксы: глагольный суффикс -у-, флексия -ю-.

3. «Такой же банды в *Рашке* не вижу» [Н1]. Англоязычная лексема *Russia* [ˈrʌʃə] («раша» – калька) усекается, к ней добавляется русский суффикс -к-; слово приобретает уничижительно-пренебрежительный оттенок семантики.

4. «Я знаю, что ты смотришь на мой *Стоник*» [Л1]. К заимствованной основе «стон» (*stone* – транслитерация) добавляется русский суффикс -ик- и образуется новая лексема: *стоник* – толстовка или куртка бренда *Stone Island*.

5. «*Смокаю* бланты, как отбитый» [Т1]. К заимствованной основе «смок» (*smoke* – транслитерация) присоединяются русские аффиксы: глагольный суффикс -а- и флексия -ю-. Лексеме «смокаю» буквально можно перевести русским аналогом «курю» (*smoke* (англ.) – курить).

Пожалуй, самое большое число заимствований мы можем классифицировать как англоязычные вкрапления. Такой тип заимствований встречается в хип-хоп-текстах наиболее часто на разных языковых уровнях (лексическом, реже – синтаксическом). Слово в таком случае в русском контексте передается на латинице, с сохранением иноязычной орфографии. Приведем несколько примеров (лексический уровень):

1. Со мной весь мой *gang*, и мы курим этот *stank*
M.O.B. shit, сдохну за свой *fam* [Л1].

2. Курю, как *Wiz Khalifa* (*Gas*)
Высоко – *Burj Khalifa* (Вверх)
Сука как *Mia Khalifa* (Секс) [П2].

3. *Sober life* – это реально
Всё внутри, поищи сам [Н2].

4. *Happy end* на лицо, и да, малышка, ты попала в сказку

Ствол всегда при мне, мой статус не позволяет
лезть мне в драку [Ш1].

5. Я нажимаю *restart*
Сука, запомни меня
Мы расстаёмся, пока
Сука, запомни меня [Л2].

Англоязычные вкрапления синтаксического уровня:

1. Я молодая звезда
Bitch, bust down, go up, hold on
На Лексусе по блоку... [Л1].

2. Ай, *look at the flick of the wrist*, это торнадо
Маленькая сука хочет, чтобы я был рядом [П3].

3. *Captain Crunch presents!*
Three six – комбо, *Prada*, компас [В1].

В отдельную группу считаем нужным выделить имена собственные: названия брендов, лейблов и антропонимы, которые часто передаются на языке оригинала (английском), вкрапляясь в русский текст:

1. Худи *Vape*, джинсы *Alexander Wang*
Со мной весь мой *gang*, и мы курим этот *stang* [Л1].

2. Кольца дыма в воздухе, *Audi*
Видел твоих пацанов, они дауны [Н1].

3. *Saint laurent denim*, Рики на ногах,
Будто я звезда, курим этот газ [П3].

4. Надел-надел эти *Jordan*, они так помогут мне в гонке [В1].

5. *SEEMEE* в другой комнате, с ним кто-то в этой комнате

Ай, со мной эти черти, но *BUSHIDO ZHO* не в омуте [Л3].

6. Молюсь за *T.A. Loc'a*, земля ему будет пухом (R.I.P)

А все эти бифы, диссы оставьте тупым сукам [В1].

Займствованное происхождение сленга

Как мы видим, большинство примеров займствованной лексики, приведенных нами выше, являются сленгом. Британский лексикограф Эрик Партридж определяет сленг как «бытующие в разговорной сфере весьма непрочные, неустойчивые, никак не кодифицированные, а часто и вовсе беспорядочные и случайные совокупности лексем, отражающие общественное сознание людей, принадлежащих к определенной социальной или профессиональной среде» [2, с. 174].

Термин «сленг» в лингвистике не так уж и нов, как кажется на первый взгляд. Советские исследователи практически не использовали этот термин, предпочитая ему «жаргон» в силу того, что к первому именованию сложилось предвзятое отношение. Это было обусловлено широким употреблением понятия американскими и западными исследователями.

Впервые с определением «сленг» («slang») встречаемся в третьем новом международном словаре Вебстера (1961) как «...язык, принадлежащий какой-то группе, такой как кодовый язык, используемый между ворами, или жаргон, используемый в конкретной профессии» (*перевод наш*) [11, р. 987]. Помимо того что в этот так называемый «язык» входят слова, придуманные специально определенной группой людей (например, для того, чтобы их не понимали остальные носители этого языка), сюда относят также лексемы, которые существуют в традиционном языке, но представителями отдельной группы они употребляются в ином значении.

Природу такого явления объясняет значение термина, представленное в Random House Dictionary: «Сленг – неформальное использование лексемы, которой присущ более метафорический, игривый, эллиптический, яркий или эфемерный характер» (*перевод наш*) [13, р. 1352].

При этом важным фактом является то, что лексема, представляя собой прямое заимствование из американского английского, может переходить в русский язык, уже являясь американским сленгизмом. Возможен и иной вариант: иностранная лексема приобрета-

ет сленгированное значение уже в принимающем языке. Представим такие примеры в таблице 1.

Из таблицы мы видим, что большинство сленгизмов, которые встречаются в русских рэп-текстах, являются буквально транслитерированным или транскрибированным американским хип-хоп и наркосленгом (*молли, групи, мамми, сплиф* и т.д.). Лишь малая доля английских лексем (*сленг, мерч, бит*) приобретает в русском языке значение сленга. Это обусловлено тем, что отечественная рэп-субкультура является буквально калькой западного образца.

Российская хип-хоп-культура ориентируется на иностранный образец буквально во всем, начиная от эксплуатации внешнего вида западных артистов (о чем мы уже упоминали ранее) до использования схожих поджанров музыки. Например, во второй половине 2010-х в США особую популярность набирает направление, являющееся ответвлением рэп-музыки, – клауд-рэп. Его название можно буквально перевести как «облачный рэп» (англ. cloud rap), так как главной его особенностью является «туманное», «мистическое» звучание, которое достигается медленным темпом музыки, тонкими, легкими, спокойными вокальными партиями, наличием у вокала эха. Тематика текстов соответствует названию поджанра: неразделенная любовь, предательство, наркотики, одиночество и отчужденность лирического героя.

На западе в данном жанре создавали свои композиции несколько артистов: Clams Casino (Майкл Волп), Lil B (Брэндон Кристофер Маккартни), BONES (Элмо Кеннеди О'Коннор), Yung Lean (Юнатан Арон Леандёр Хостад), A\$AP Rocky (Рахим Ателастон Майерс). В России это направление адаптировал под нашу аудиторию PHARAOH (Глеб Голубин), которого позже назовут «русским BONES» [11]. Тематика его творчества полностью соответствовала клауд-рэпу: темная, мрачная, порой фатально-беспросветная. Отголоски жанра наблюдаются в его творчестве до сих пор: *Для любви во мне уже нет места, я обвешан – в дорогих железках* [Г1], *Мне не помогают ни таблетки, ни подруги, ни наркота, но больше это не беда* [Г2].

Таблица 1

Займствованная лексема и ее отношение к сленгу

Займствованная лексема является сленгом в английском языке	Займствованная лексема не является сленгом в английском языке
<i>Молли</i> (англ. <i>molly</i>) – синтетический наркотик, сленговое название MDMA или экстази. («Она танцует, будто обожралась молли» [П4].)	<i>Блок</i> (англ. <i>block</i>) – район. («Вы на блоке иностранцы» [Л4].)
<i>Тати</i> (<i>tatti</i>) (англ. <i>tatti</i>) – девушка (может носить пренебрежительный оттенок), американский сленг. («Со мной маленькая тати» [Л4].)	<i>Мерч</i> (англ. <i>merchandise</i>) – продукция с символикой какого-то бренда. («Я хожу в мерче от Янг Тага» [Л1].)
<i>Группы</i> (<i>группи</i>) (англ. <i>gruppie</i>) – поклонница, фанатка музыкальной группы, музыканта, спортивной команды. («Твоя девочка – просто моя группа» [П4].)	<i>Бит</i> (англ. <i>beat</i>) – ритмическая часть минуса, поверх которого рэперы читают тексты. («Я раскрылся на битях» [Л2].)
<i>Мамми</i> (англ. <i>mommy</i>) – то же самое, что «малышка» – девушка, обычно наименование используется в положительном ключе, для обозначения привязанности к женщине. («Эта мамми, она любит стиль» [П4], «Моя мамми не ведет себя как тати» [П4].)	
<i>Сплиф</i> (англ. <i>spliff</i>) – то же самое, что косяк, самокрутка, американский сленг. («И я не смогу без тебя как рыба / Как каждому сплифу нужна жига» [Н2].)	
<i>Тули</i> (англ. <i>toolie</i>) – оружие, американский сленг. («Да, мы с тоolie давно на “ты”» [Л2].)	

Похожая ситуация в настоящее время складывается с другим поджанром рэпа. Дрилл (англ. Drill) появился еще в 80-е годы прошлого столетия, но известность приобрел только сейчас. Это направление также называют гангстерским рэпом или ганста-рэпом, это обусловлено тематикой текстов: криминал, убийства, разборки преступных группировок. Тексты подобного содержания читаются под энергичные и быстрые биты. Отечественные рэп-исполнители, создающие треки в этом жанре, – OG BUDA (Григорий Ляхов), Soda Luv (Владислав Терентюк), OBLADAEY (Назар Вотьяков) и др. – также «русифицировали» дрилл западных коллег: Chief Keef (Кита Фаррела Козарта), Fredo Santana (Деррика Коулмана) и др.

Заключение

В отечественных рэп-текстах мы встречаемся с большим количеством англоязычных заимствований различного характера. Так, например, в тексте В. Терентюка и В. Померанцева «KaZантип» [Т1] на 363 слова приходится 41 англицизм. Такое широкое, повсеместное использование иностранных лексем влияет на текст, придавая ему особую эмоциональную окраску, изменяя его культурную составляющую.

Все заимствования, отмеченные нами в процессе лингвистического анализа, являются англицизмами и приходят в русский язык напрямую, без использования какого-либо языка посредника, т.е. выбирают путь «прямого заимствования» [4, с. 89]. Это легко объяснимо: весь мир сейчас представляет собой «глобальную деревню» [8, с. 174], и увидеть человека, находящегося за тысячи километров от тебя, можно через экран телефона, не выходя из дома. Заимствования слов, взаимодействие и взаимопроникновение языков в настоящее время происходит также легко и быстро.

Использование большого количества заимствований обусловлено и социально-психологическими причинами: это желание приобщиться и к американской идеализированной культуре, и к хип-хоп субкультуре с ее хип-хоп сленгом и наркосленгом. Оказывает влияние и сама сущность субкультуры: противопоставляя себя традиционной культуре, образуя свои нормы, ценности, вкусы, стереотипы поведения и являя собой антитезу «мы» – «они», она сплачивает и обобщает своих приверженцев.

Англоязычные заимствования и вкрапления отражают и языковую картину мира авторов-исполнителей отечественных рэп-текстов: с помощью них передаются слова, которых в русском вокабулярии не существует, например, оригинальные названия брендов (*Bape, Alexander Wang, Saint Laurent, Jordan* и др.) на русский язык перевести невозможно. Похожая ситуация складывается с американским сленгом, аналогов которому в русском языке также нет.

Наконец, даже если эквивалентное слово в русском языке существует (выше мы уже приводили подобные примеры: *миксовать – сочетать, смокать – курить*), то заимствованное воспринимается говорящими как более «подходящее», «красиво звучащее», нежели его русский аналог. Как нам кажется, тут тоже имеют место быть как социально-психологические причины,

так и противительная сущность субкультуры по отношению к культуре (мы говорим так, а они иначе).

Порой заимствования необходимы автору, так как выполняют техническую функцию: используются для рифмы или сокращения фразы.

Таким образом, заимствования весьма разнообразны, и, как мы уже отмечали выше, также разнообразны и многочисленны их функции. В рэп-субкультуре иноязычные слова, в нашем случае англо-американизмы, необходимы, поскольку процесс заимствования является основным источником сленгизмов: хип-хоп сленга и наркосленга, без которых авторам-исполнителям не обойтись.

Подобные заимствования, к счастью, не выходят за границы рэп-субкультуры, так как выполняют идентифицирующую и конспирирующую функции, реализуя противопоставление «мы» – «они». Однако не стоит забывать о массовом характере рэп-коммуникации и влиянии данных текстов на культуру речи многомиллионной аудитории слушателей (значительная часть которых является подростками). Отдельного внимания заслуживает и количество инвективной лексики, используемой в текстах, хотя это, конечно, повод для написания научно-исследовательской работы иного характера.

Источники и их сокращения

B1 – Бадуров, Я. Стейк / Я. Бадуров, Г. Ляхов, Р. Шуров // Genius.com. – URL: <https://genius.com/Yanix-og-buda-and-163onmyneck-steak-lyrics> (дата обращения: 10.02.2022). – Текст : электронный.

B1 – Вотьяков, Н. For mula / Н. Вотьяков // Genius.com. – URL: <https://genius.com/Obladaet-for-mula-lyrics> (дата обращения: 10.02.2022). – Текст : электронный.

G1 – Голубин, Г. Route 333 OST / Г. Голубин // Genius.com. – URL: <https://genius.com/Pharaoh-route-333-ost-lyrics> (дата обращения: 10.02.2022). – Текст : электронный.

G2 – Голубин, Г. 1 из Легенд / Г. Голубин // Genius.com. – URL: <https://genius.com/Pharaoh-1-one-of-the-legends-lyrics> (дата обращения: 10.02.2022). – Текст : электронный.

L1 – Ляхов, Г. МОБ / Г. Ляхов, В. Михайлов // Genius.com. – URL: <https://genius.com/Og-buda-mob-lyrics> (дата обращения: 10.02.2022). – Текст : электронный.

L2 – Ляхов, Г. Откровения / Г. Ляхов, Ф. Инсаров // Genius.com. – URL: <https://genius.com/Og-buda-revelations-lyrics> (дата обращения: 10.02.2022). – Текст : электронный.

L3 – Ляхов, Г. ГАНЬГ Аутро / Г. Ляхов // Genius.com URL: <https://genius.com/Og-buda-gang-outro-lyrics> (дата обращения: 10.02.2022). – Текст : электронный.

L4 – Ляхов, Г. Выше облаков / Г. Ляхов, Ф. Инсаров, Р. Плаудис, Н. Вотьяков // Genius.com URL: <https://genius.com/Og-buda-higher-than-clouds-lyrics> (дата обращения: 10.02.2022). – Текст : электронный.

H1 – Никитин, А. Ауди / А. Никитин, Ж. Маскуров // Genius.com. – URL: <https://genius.com/Mayot-audi-lyrics> (дата обращения: 10.02.2022). – Текст : электронный.

H2 – Никитин, А. Море / А. Никитин // Genius.com. – URL: <https://genius.com/Mayot-sea-lyrics> (дата обращения: 10.02.2022). – Текст : электронный.

P1 – Плаудис, Р. Ты не куришь / Р. Плаудис, Г. Ляхов // Genius.com. – URL: <https://genius.com/Platina-and-og-buda-you-dont-smoke-lyrics> (дата обращения: 10.02.2022). – Текст : электронный.

P2 – Плаудис, Р. Абу-даби / Р. Плаудис // Genius.com. – URL: <https://genius.com/Platina-abu-dhabi-baby-lyrics> (дата обращения: 10.02.2022). – Текст : электронный.

ПЗ – Плаудис, Р. Биг бой / Р. Плаудис, Г. Ляхов // Genius.com. – URL: <https://genius.com/Platina-and-og-buda-big-boy-lyrics> (дата обращения: 10.02.2022). – Текст : электронный.

П4 – Плаудис, Р. Группы / Р. Плаудис, Г. Ляхов // Genius.com. – URL: <https://genius.com/Platina-and-og-buda-groupie-lyrics> (дата обращения: 10.02.2022). – Текст : электронный.

Т1 – Терентюк, В. KaZантип / В. Терентюк // Genius.com. – URL: <https://genius.com/Soda-luv-z-lyrics> (дата обращения: 10.02.2022). – Текст : электронный.

Ш1 – Шабанов, И. Неправильно / И. Шабанов, Г. Ляхов // Genius.com. – URL: <https://genius.com/Lovv66-and-og-buda-wrong-lyrics> (дата обращения: 10.02.2022). – Текст : электронный.

Литература

1. Большая советская энциклопедия : в 30 томах / главный редактор А. М. Прохоров. – 3-е изд. – Москва : Советская энциклопедия, 1969. – Т. 6. – 744 с.

2. Будагов, Р. А. Введение в науку о языке : учебное пособие / Р. А. Будагов. – Москва : Добросвет, 2003. – 544 с.

3. Дивеева, А. А. Русский рэп-текст: структура, семантика, прагматика : специальность 10.02.01 : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Дивеева А. А. – Череповец, 2022. – 24 с.

4. Жеребило, Т. В. Словарь лингвистических терминов. / Т. В. Жеребило. – 5-е изд., испр. и доп. – Назрань : ООО «Пилигрим», 2010. – 486 с.

5. Колтунов, Д. А. Современные молодежные субкультуры: характерные черты, факторы формирования /

Д. А. Колтунов // Вестник РУДН. Серия: Социология. – 2011. – № 3. – С. 70–72.

6. Крысин, Л. П. Толковый словарь иноязычных слов : около 25000 слов и словосочетаний / Л. П. Крысин. – Москва : Русский язык, 1998. – 846 с.

7. Кузовенкова, Ю. А. Трансформация пространства российской молодежной субкультуры в 80–90 гг. XX в. / Ю. А. Кузовенкова // Человек в мире культуры. – 2017. – № 4. – С. 121–124.

8. Маклюэн, Г. М. Понимание медиа: Внешние расширения человека / Г. М. Маклюэн ; перевод с английского В. Николаева. – Москва ; Жуковский : КАНОН-пресс-Ц, Кучково поле, 2003. – 464 с.

9. Никитин, О. В. «Современная социолнгвистика развивается бурно...» (о новой книге Л. П. Крысина) / О. В. Никитин // Русская речь. – 2022. – № 4. – С. 107–117.

10. Хестанов, Р. З. Хип-хоп: культура молодежной контрреволюции / Р. З. Хестанов // Логос. – 2016. – № 4 (113). – С. 7–26.

11. Gove, P. B. Webster's third new international dictionary of the English language / P. B. Gove. – Springfield, Massachusetts: G. & C. Merriam Co, 1961. – 1130 p.

12. Pharaoh: «Я совершил революцию в стране, реально менял культуру» // The-flow.ru. – URL: <https://the-flow.ru/features/pharaoh-harpers-bazaar-interview> (дата обращения: 25.12.2022). – Текст : электронный.

13. Urdang, L. The Random House dictionary of the English language / L. Urdang. – New York : Random House, 1968. – 1568 p.

T.I. Mesilova

«RUSSIAN» ENGLISH: DOMESTIC RAP TEXT AS A TRANSLATOR OF ENGLISH BORROWINGS

The article studies the discursive space of domestic hip-hop over the past five years. The subject of research is specific English borrowings in a rap text. All the borrowed units are analyzed from the point of view of the method of borrowing, as well as their relation to American slang. In conclusion, the functional potential of borrowed vocabulary is assessed.

Russian rap, globalization of language, sociolinguistics, discursive analysis, linguoculturology, American slang, borrowing.

Е.Е. Рудь

Донской государственный технический университет

ЛЕКСИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА ВЫРАЖЕНИЯ ЭМОТИВНОСТИ В ПУБЛИКАЦИЯХ О COVID-19

Статья посвящена определению функции эмотивной лексики в публикациях о COVID-19. В ходе исследования проанализирован корпус статей о COVID-19, определены и классифицированы эмотивные лексические единицы, которые создают такие виды ситуации, как манипулятивная, аттрактивная и экспрессивная.

Антонимы, неологизмы, синонимы, термины, фразеологические единицы, эмотивность, эмотивные средства.

Проблемы современного мира связаны с явлениями, затрагивающими безопасность жизни людей и качество их жизни, например, глобальное потепление, цифровизация общества, рациональное использование природных ресурсов, дефицит пресной воды, переработка отходов, рост мирового населения, бедность, угроза мирового терроризма, пандемии. Все эти явления неразрывно связаны с деятельностью человека и находят живой отклик в эмоциональной сфере, что в итоге говорит об эмоциональном управлении мировыми процессами.

Эмоциональное состояние человека проявляется в текстах, которые он производит, через категорию эмотивности. В данной работе эмотивность – это категория, способ, с помощью которого можно выразить эмоции в языке [7, с. 20]. Это эмоциональность в широком смысле, т.е. это такие языковые средства, которые производят эмоциональный эффект. Иными словами, эмоциональность – это то, что чувствует читатель статьи, а эмотивность – это языковое проявление эмоциональности, лингвистическая характеристика совокупности языковых средств, способных произвести эмоциональный эффект, т.е. вызвать у адресата определенные эмоции.

Целью данного исследования является выявление функции эмотивной лексики в публикациях о COVID-19: манипулирование читателем, привлечение внимания, порождение определенных эмоций у читателя. Для достижения поставленной цели были выполнены следующие задачи: выявить эмотивные лексические средства в газетном дискурсе, распределить их на группы в зависимости от прагматического воздействия на читателя и определить их функции в исследуемых статьях.

Эмоционально-окрашенная лексика сейчас пользуется популярностью среди множества авторов статей о COVID-19. С помощью таких лексических единиц можно придать более высокий уровень образности текста, передать культурный контекст эпохи, рассказать о специфике речи описываемого субъекта, передать его оценку, отношение к какому-либо феномену и, конечно, чувства и эмоции. Факт в эмоционально-окрашенной лексике неразрывной связи между оценочным значением слова и его эмоциональным окрасом говорит нам о том, что оценочный оттенок

слов и речи в эмоционально-окрашенной лексике является ее сущностной компонентой [1, с. 126]. Важную роль в использовании эмоционально-окрашенной лексики играет контекст ее использования. Зачастую изначально эмотивно-нейтральные слова обретают эмоционально-насыщенное значение лишь в силу контекста употребления.

В данной работе речь идет об эмоционально-оценочной лексике, которая проявляется независимо от стиля, свойственна самому слову или же возникает из контекста, например: отрицательно-оценочная: *болячки, паразит*; окрашенная положительно: *благородство, честность*.

Классическая лингвистика различает несколько средств, используемых для выражения эмоционального значения. К ним относятся такие лексические средства, как синонимы, антонимы, омонимы, паронимы, заимствования, фразеологические обороты, стилистически окрашенная лексика, архаизмы, термины, разговорные, просторечные слова, диалектизмы, неологизмы. Все эти лексические единицы создают определенный прагматический эффект: привлекают внимание читателя, вызывают определенные эмоции, манипулируют поведением читателя. В данной работе предпринята попытка определить лексические эмотивные средства, характерные для этих трех групп прагматического воздействия.

Привлечение внимание читателя

Самую большую по количеству лексических единиц составляет первая группа – привлечение внимание читателя. Каждый раз, осуществляя свой коммуникативный замысел, носитель языка решает проблему «выбора» языковых средств [5]. Суть проблемы выбора состоит в осуществлении определенного коммуникативного намерения и замысла с помощью соответствующей когнитивно-функциональной модели. Чтобы привлечь внимание читателя, авторы используют такую когнитивно-функциональную модель, которая воздействует на получателя информации с помощью различных эмотивных средств.

Такое воздействие может осуществляться, например, с помощью синонимии [6, с. 97]. Можно все

время говорить о «коронавирусе», но авторы статей разбавляют поток информации словами *COVID-19*, *корона*, обращая внимание на слово иностранного происхождения или акцентируя внимание на тот факт, что новости об этом явлении важнее всех других, как бы занимая положение вверху. Так, с помощью синонимов *коллеги – сослуживцы, сотрудники; скачок – повышение, рост; наработки – разработки, материал, результаты исследования; лечение – терапия; лекарства – препараты, медикаменты; врачи – доктора, пациенты – заболевшие; неверие – сомнения; дефицит – нехватка, отсутствие, перебои; доноры – благотворители; здоровый – сильный, крепкий; ОРВИ – грипп, заболевание; пневмония – воспаление легких; скрининг – обследование, испытание; самоизоляция – карантин, самокарантин; глухомань – глубинка; волонтеры – добровольцы* осуществляется процесс привлечения внимания читателей.

Наличие омонимов в газетном дискурсе обусловлено самой природой языка и определяется условиями его функционирования, в частности в качестве средства привлечения внимания. Слово *подломить* имеет значение «надломить снизу». Снизу – значит навредить всему дереву, так как источник питания у деревьев идет от корневой системы. Учитывая это, читатель сразу представляет картину того, когда *ковид... подломил меня капитально*. Использование омонима в этой фразе вызывает чувство сострадания и осознание той серьезности ситуации, с которой столкнулся очевидец статьи. Слово *заболевший* встречается часто в статьях о COVID-19 в значении «начать болеть»¹ и имеет прямую связь с основными идеями статей – люди болеют, мир болеет и это пока остановить невозможно.

Содержание термина «заимствование» напрямую связано с понятиями внутренней формы и мотивированности этой довольно многочисленной группы слов. Факт наличия заимствованных слов, встречающихся практически во всех текстах газетной тематики: *reception* (ресепшн), *patterns* (*паттерны*), *COVID* (ковид), *distant* (дистант), *Stealth-Omicron* (стелс-омикрон), *post-covid* (постковид). Этот факт говорит о том, что COVID-19 является проблемой международной и привлекает внимание не только читателей России, но и всего мира.

Фразеологические единицы также являются одним из способов привлечения внимания читателя. Они, обладая эмоционально-оценочным потенциалом, являются средством выражения отношения говорящего к объекту речи. Среди всего потока негативных явлений, которые влечет за собой пандемия коронавируса, находится решение, *билет в нормальную жизнь*. Речь идет о прививке, сделав которую читатели смогут вернуться к привычной жизни без изоляции и различных мер предосторожности.

Терминами обозначаются специальные понятия, возникающие в соответствующих областях научной (и практической) деятельности [3, с. 15]. Авторы статей используют термины для того, чтобы обратить внимание читателей на опасность и непредсказуе-

мость данного вируса. Здесь и необходимость наличия или выработки *антител* к данному вирусу, точнее, необходимость наличия *антиковидной плазмы*, и разъяснение и призыв к *вакцинации*, и объяснение последствий после перенесенного заболевания в виде *гипертонии, атеросклероза, недостаточности сердечной функции, ишемической болезни сердца*. Газетная лексика пестрит использованием терминов: *вердикт, донор, плазма, иммуноферментный анализ, собеседование, донация, лимбическая система, нейротрофический фактор, гормон иризин, летальный исход, регидратация, нейронные пути, сенсорная депривация, врач-сомнолог*. При помощи терминов автор статей, как правило, от лица специалистов-медиков вселяет надежду, ободряет, дает рекомендации, предлагает поддержку, успокаивает, проявляет профессиональную компетенцию, тем самым внушает доверие и привлекает внимание к существующей проблеме.

Неологизмы занимают особое место в семиотическом пространстве социума, поскольку служат не только средством номинации нового знания, но и выражают прагматические отношения к познаваемому миру. Так происходит с неологизмами, появляющимися в коронавирусный период [4]. Как и все вышеперечисленные лексические единицы, неологизмы притягивают внимание читателя своим фонетическим оформлением или новым лексическим сочетанием и, как следствие, значением. Слово *Covid-диссидент* ассоциируется у многих читателей с представлением о личности, которая противостоит массовой идее и заставляет адресатов искать, узнавать реальное его значение. Таким образом создается эффект «захвата» внимания и в дальнейшем желание выяснить, уточнить и прояснить. Наличие таких неологизмов, как *коронакризис, короновипуск, ковидотизм, ковидиот, ковид-паспорт, постковид* и многие другие свидетельствуют преимущественно о негативной эмоционально-экспрессивной атмосфере в обществе, связанной с эпидемией. Они постепенно вошли в нашу жизнь, и уже сегодня можно говорить о них как о словах, принадлежащих к общеупотребительной лексике.

Порождение определенных эмоций у читателя

Следующий класс лексических средств основан на эффекте вызвать определенные эмоции у читателя, то есть, знакомясь с содержанием статьи, адресаты испытывают разные чувства, у них проявляются эмоции.

Использование синонимов в качестве средства раскрытия категории эмотивности является довольно распространенным приемом. Своеобразие синонимов состоит в том, что они могут открыто выражать отношение говорящего к обозначаемому лицу, предмету или явлению. Оценка эта бывает положительной или отрицательной, причем сопровождается, как правило, эмоциональной экспрессией. Например, можно сказать просто *вирус*, можно презрительно *инфекция*, а также усилительно-презрительно *зараза*.

В газетных текстах встречаются следующие синонимы: *заболевание – эпидемия, инфекция, пандемия, болячки; удар – шок, беда, горе, несчастье*. Простое нейтральное слово «заболевание» не вызывает столь-

¹ Толковый словарь русского языка / сост. С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова. Москва : Азбуковник, 2000. С. 204.

ко эмоций, как слово *эпидемия*, вызывающее чувство страха, или слово *пандемия*, которое усиливает это чувство до состояния ужаса, отчаяния или обреченности. При упоминании слова *инфекция* у читателей появляется ассоциация с быстротой распространения заболевания и сопровождается чувством озабоченности, беспокойства. А вот слово *болячки*, наоборот, создает эффект незначительности, легкости и даже юмора, о котором говорит больной, как бы призывая не обращать внимание на свое состояние здоровья, поясняя, что ничего серьезного с ним не случилось. Или другой пример: слово *удар* применяется в переносном значении «тяжелая неприятность», которая связана с заболеванием COVID-19. Авторы статей усиливают это значение до *шока, беды, горя и несчастья*, которые постигают всех, кто серьезно сталкивается с этим заболеванием, тем самым вызывают у читателей чувства тревоги, беспокойства, страха и отчаяния.

Для создания эмоциональности, динамичности текста очень часто используются антонимы как яркое стилистическое средство. Антонимия в статьях о COVID-19 говорит о неоднозначности ситуации или о частой смене событий: *заболевшие – выздоровевшие, увеличилось – снизилось, ограничения – послабления, рост – падение, вводят – отменяют, минимальное – максимальное, регидратация – гидратация, во время операции – в послеоперационном периоде, до (прививки) – после, много – мало, больше – меньше*. Эта неоднозначность ситуаций заставляет читателя находиться постоянно в напряженном состоянии: происходят перепады от страха к радости, переживания к облегчению, напряжения к расслаблению, тревоги к спокойствию.

Наличие паронимов в статьях подтверждает мысль Р. Джекендофа о существовании в сознании человека разветвленной системы идентификации объектов при сравнительно ограниченном наборе языковых средств [8, р. 212]. Феномен паронимии используется в газетном дискурсе для передачи экспрессивности. Размышляя о необходимости делать прививку, один из пенсионеров Москвы описывает свое поколение как *критически мыслящие люди*. Что является *критичным* в описываемой ситуации. Использование паронимов *критический* и *критичный* свидетельствует о стремлении читателя вспомнить о наличии устойчивых этических ценностей и об ориентации на взаимопонимание и необходимость вакцинироваться, тем самым выступает мотиватором к действию. Предметное паронимическое слово *штамм*, часто употребляемое авторами статей, является своего рода *штампом* темы COVID-19. Авторы прибегают к этому слову, подчеркивая угрозу заболевания, ссылаясь на его вирулентность и вызывая у читателя чувства опасения, страха. Интересным представляется здесь его аналогия с *гриппом*, еще одним омонимом, который распространяется так же быстро, как и *грибы* после дождя, что порождает такие эмоции, как тревогу, душевное смятение, беспокойство.

Фразеологические единицы, обладая эмоционально-оценочным потенциалом, являются средством выражения отношения говорящего к объекту речи. Эмотивные фразеологические единицы активно подвергаются индивидуально-авторской модификации,

различные способы которой значительно увеличивают информативную ценность фразеологизмов и их выразительные возможности. Так, при описании значения фразеологизма *поделиться здоровьем с другими* выделяются не только действие и положительная оценка, но еще и ассоциативно-образная мотивация – *дать другим то ценное, что есть у тебя, тем самым, возможно, спасти жизнь людям*. Таким образом, для создания эмотивности фразеологизму необходимо иметь образную мотивацию. Здесь важно то, что «у эмотивно окрашенных значений есть свой отличительный признак – все они прошли через вторичную номинацию, обретая в этом процессе эмоциогенный компонент: “мотивацию”» [2, с. 5]. Еще один пример фразеологизма *помогать людям у нас в крови*. Так говорит директор социальной службы Ольга Миронова, которая объясняла причину коллективного желания сдавать кровь и плазму людьми, которые не участвуют в лечении заболевания, но напрямую сталкиваются с тем, как протекает заболевание, какие оно имеет последствия. Посещая людей, находящихся на карантине, принося лекарства и продукты одиноким и пожилым, дежуря на горячей линии работники социальной сферы, как по инерции, продолжают оказывать помощь и приносить пользу обществу благодаря своим индивидуальным качествам, чертам характера. Эти действия не могут не вызывать одобрения и восхищения как со стороны автора статьи, так и со стороны читателей. Примеров фразеологизмов много в статьях о COVID-19: *ковид «косит» всех подряд, ковид стал рутиной, надежда нас не покидает, нельзя пускаться с места в карьер, ноги в руки, и бежать прививаться, за определенную сумму, садимся на карантин*.

Устарелые слова нередко используются как средство создания иронии, сатиры, пародии. А в публицистических произведениях у них появляется другой смысл – «радость», «благодарность»: «...и добро вернулось *сторицей*».

Разговорная лексика относится к устной речи и характеризуется неподготовленностью и экспрессивностью высказывания. В выражении *не понаслышке*, используемом авторами статей, приводится нарочитая актуализация сниженной оценочной лексики – стилистический прием, нацеленный на «сближение» с народом, «простым» читателем, для вызова ответной реакции. Как правило, эта реакция доверия и искренности.

Манипуляция читателем

Последняя, третья, группа лексических единиц, входивших в исследование, связана с манипуляцией читателя. Авторы газетного дискурса используют различного рода лексические единицы для принуждения читателя к какому-либо действию: принятие решения, помощь заболевшим, достижение цели и др.

Эти и другие виды воздействия реализуются с помощью синонимов. Например, лексическая единица *шанс* реализует свою прагматическую функцию через синоним *надежда* на будущее выздоровление или через синоним *вероятность* улучшения ковидной ситуации, заставляя читателя задумываться о прави-

лах поведения во время карантина или о необходимости вакцинации, подталкивая к манипулятивным действиям.

Противопоставления в статьях о коронавирусной инфекции *наличие либо отсутствие в крови антител, быть донором или придется повременить* говорят о неоднозначности ситуации, о постоянной необходимости принимать решение, о подверженности тому или иному мнению, превращая читателей в объект манипулятивной деятельности: *Тут вариантов мало – жить или умереть, Где больше вакцинированных, там меньше зараженных.*

Термины также являются необходимым инструментарием для формирования манипулятивной функции. Например, термин *психотерапевтическое воздействие* создает впечатление действия, направленного на избавление от личных проблем. Читатель погружается в медицинскую сферу для более глубокого и подробного ознакомления с принципами воздействия при лечении последствий COVID-19. Так термины помогают читателям правильно воспринимать ситуацию, анализировать и принимать предупредительные и профилактические меры.

Просторечие и разговорная лексика относятся к устной речи и характеризуются неподготовленностью и экспрессивностью высказывания, являются завуалированным мотиватором к дальнейшим действиям. К примеру, слово *повременить* – разговорная лексическая единица, которая создает смягчающее чувство при отказе желающим стать донором. Учитывая все стремления социальных работников, их желание помочь другим людям, автор намеренно использует разговорное слово вместо более жестких «пождать» или «отказать», создавая чувство благодарности несостоявшимся донорам и одновременно чувство близости к читателю, у которого со временем все же проявится желание помочь и дать кровью нуждающимся людям. Слово *утешают* создает образ доброго и сердечного друга, который готов понять все ошибки и неправильные поступки и надеется на то, что в дальнейшем все действия будут правильными и обоснованными.

Газетный дискурс характеризуется косвенной оценкой авторов статей. С помощью лексических средств создаются различные виды ситуаций: манипулятивная, аттрактивная и экспрессивная. Каждая ситуация характеризуется определенными лексическими эмотивными средствами: аттрактивная (синонимами, омонимами, терминами, заимствованиями, фразеологическими единствами и неологизмами), манипулятивная (синонимами, антонимами, термина-

ми, просторечиями), экспрессивная (синонимами, антонимами, паронимами, фразеологизмами, устаревшими словами, просторечиями). Как видно из выводов, нет лексических единиц характерных только для одной функции. Эти эмотивные лексические средства универсальны и могут реализовываться в зависимости от прагматической цели высказывания. Проведенный в работе анализ позволил обобщить характерные черты словаря эпохи. Ковид изменил социальный уклад многих людей. Публикации о COVID-19 отражают общественный взгляд на современную действительность, который проявляется в особенностях использования лексических единиц эпохи COVID-19. Лексические единицы данной эпохи – это заимствования глобального характера, термины медицинской и психологической сферы, неологизмы с расширением значений путем аффиксации и заимствования. Таким образом, лексические единицы создают культурный контекст эпохи.

Литература

1. Волкова, А. Е. Эмоционально окрашенная лексика: понятие, виды и классификация / А. Е. Волкова. – URL: <https://moluch.ru/archive/358/80073> (дата обращения: 09.06.2023). – Текст : электронный.
2. Телия, В. Н. Экспрессивность как проявление субъективного фактора в языке и ее прагматическая ориентация / В. Н. Телия // Человеческий фактор в языке. Языковые механизмы экспрессивности. – Москва, 1991. – С. 5–36.
3. Даниленко, В. П. Русская терминология. Опыт лингвистического описания / В. П. Даниленко. – Москва : Наука, 1977. – 246 с.
4. Замятина, А. Д. Аксиологическая функция английских неологизмов (на материале блога «New Words» из онлайн-версии «Cambridge Dictionary») / А. Д. Замятина // Иностранные языки в контексте межкультурной коммуникации. – 2021. – № XIII. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/aksiologicheskaya-funktsiya-angliyskih-neologizmov-na-materiale-bloga-new-words-iz-onlayn-versii-cambridge-dictionary> (дата обращения: 09.06.2023). – Текст : электронный.
5. Иванова, И. В. Эмотивные языковые средства в англоязычных средствах СМИ / И. В. Иванова // Иностранные языки в контексте межкультурной коммуникации. – 2021. № XIII. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/emotivnye-yazykovye-sredstva-v-angloyazychnyh-tekstah-smi> (дата обращения: 09.06.2023). – Текст : электронный.
6. Сорокина, Т. С. Функциональные основы теории грамматической синонимии / Т. С. Сорокина // Вопросы языкознания. – 2003. – № 3. – С. 92–112.
7. Шаховский, В. И. Категоризация эмоций в лексико-семантической системе языка / В. И. Шаховской. – Воронеж : ВГУ, 1987. – 190 с.
8. Jackendoff, R. A User's Guide to Thought and Meaning. / R. Jackendoff. – Oxford University Press, 2012.

E.E. Rood

LEXICAL MEANS OF EMOTIVITY IN THE PUBLICATIONS ABOUT COVID-19

The article considers the function of emotive vocabulary in the publications about COVID-19. In the course of the study, the corpus of articles about COVID-19 was analyzed. Emotive lexical units that create manipulative, attractive and expressive situations were identified and classified.

Antonyms, neologisms, synonyms, terms, phraseological units, emotivity, emotive means.

НАУЧНЫЕ ОТЧЁТЫ, ОБЗОРЫ, ОТЗЫВЫ И РЕЦЕНЗИИ

УДК 821.111

5.9.2. Литературы народов мира

А.Н. Цветкова

Вологодский государственный университет

РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ: УИЛЬЯМ ШЕКСПИР: ЭНЦИКЛОПЕДИЯ: В 2 ТОМАХ / составитель и научный редактор И.О. Шайтанов. М.: РГГУ, 2022

Рецензия посвящена объемному энциклопедическому исследованию творчества У. Шекспира с позиции актуальных достижений литературоведения, театра, культурологии. Энциклопедия охватывает труд более 50 авторов, исследовавших вопросы творчества и авторства Шекспира, значимости наследия в литературе и театре, месте личности в истории в отражении его трудов. Статьи энциклопедии затрагивают судьбы деятелей искусства, истории, театра, литературы, культурологии, кино, археологии и историографии во взаимосвязи и в частности.

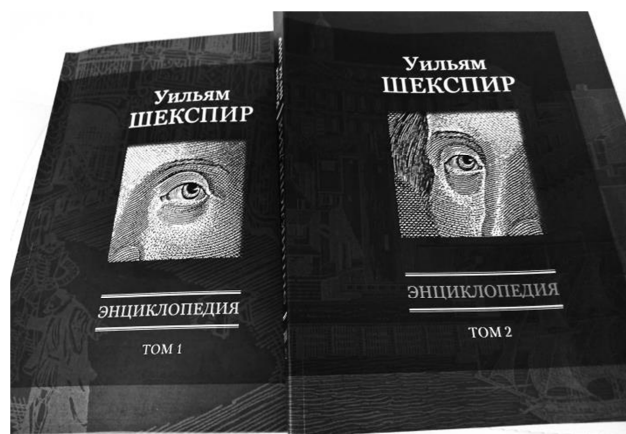
Энциклопедия, Шекспир, наследие, литература, театр, традиция, многоаспектные исследования.

Рецензируемое издание представляет собой многоаспектный труд, посвященный творческому наследию Уильяма Шекспира, хронологии, переводам, исследованиям. Задача энциклопедии – обобщение, консолидация опыта изучения наследия, без сомнения, самого значимого автора английской национальной литературы, оказавшего неоспоримое влияние на развитие мировой литературы в целом.

Формат издания предполагает охват всех вопросов шекспироведения в справочном, познавательном, исследовательском ключе: каждый значимый вопрос найдет здесь должный уровень раскрытия; каждый детальный вопрос, исследованный ранее, упомянут со ссылками к источникам. Охват тематики широк: от проблемы авторства в целом до указания на все значимые источники решения вопроса о нем, от проблематики произведений до образного строя, от исторических справок до обзора реалий, от театральной судьбы пьес до их значения в мировом культурном пространстве.

Направления гуманитарной науки, соотносящиеся с творческим наследием Шекспира и описанные в тексте энциклопедии, не являются исчерпывающими по отношению к возможностям, открываемым его текстами. Тем не менее, статьи энциклопедии затрагивают такие сферы знания, как литературоведение, история, художественное искусство, театральное искусство, история театра, лингвистика, культурология, психоанализ, театральная педагогика, киноведение, критика, география, печатное дело. Детально изучив статью, можно получить представление о том или ином объеме исследований, посвященных интересующему вопросу, сформировать понятийную базу, узнать исторические рамки ранее осуществленных исследований, традиции решения тех или иных вопросов в рамках заданной проблематики. Энциклопедия

успешно решает задачи исчерпывающего современного представления о справочном материале, касающемся той или иной области изучения Шекспира, знакомит с существующими историческими данными, позволяет понять степень изученности вопроса на данном этапе развития науки, сообщая о достижениях традиционного подхода и новаторских решениях, получивших распространение и признание авторитетных исследователей.

Энциклопедия дает возможность обратиться не только к печатному слову, но к театральному опыту постановок, их анализу и ценности с позиций времени их предоставления вниманию зрителя. Подробно описаны высшие достижения театральной мысли, выдающиеся актерские ансамбли, декорации, костюмы. Через призму текста великого автора показаны открытия многих поколений режиссеров, актерские судьбы, реализованные и нереализованные возможности поколений художников, творивших и творящих в разных пластах культуры и искусства. Раскрывается

кинематографическая традиция изложения сюжетов, подходы к решению вопросов развития сюжета и роли личности в событиях истории, значимость реализации шекспировских свершений в судьбе актера, режиссера, художника, мыслителя.

География мировой традиции шекспировских штудий представлена с точки зрения вариативности вопросов исследования; так, в ряде статей рассмотрено европейское, в частности испанское и итальянское, наследие в сюжетах, традициях. Интересно рассмотрение непосредственного и опосредованного кельтского, валлийского, ирландского культурного влияния через личности современников, стереотипное мышление своего времени в портретах тех или иных персонажей.

Энциклопедия представляет собой два отдельных логически завершённых тома. Первый том посвящён подробному анализу биографических данных поэта-драматурга, хронологии его произведений. Тематика и сюжет произведений раскрываются неотрывно от биографии их создателя, переплетаясь с вехами исторических событий, указаниями на внутрисполитические и культурологические процессы, рассмотрения проблем авторства и творческого сотрудничества. Тематика статей первого тома определена не только исторической хронологией излагаемого материала, но попыткой дать исчерпывающие ответы на вопросы, связанные с названием произведений (напрямую и косвенно). Материал изложен не только с позиций литературоведения, но охватывает культурологическую, искусствоведческую сферы.

Первый том имеет сквозную структуру словарной статьи; каждая статья ответит на вопросы о версиях происхождения произведения, источниках сюжетных линий, особенностях интерпретаций и традициях исследования, о театральной истории и судьбе произведения в отечественном и мировом культурном пространстве. Интерпретация произведений представлена в ключе наиболее актуальных решений проблем классификации, центральной проблематики произведений, роли персонажа в конфликте произведения, образного строя в традиционном и новейшем планах изучения материалов наследия Шекспира. Раздел первый энциклопедии подробно излагает обстоятельства создания и судьбу произведений. Раздел второй посвящён становлению и творческому пути Уильяма Шекспира, прижизненной истории издания произведений. Раздел третий освещает проблемы значимости биографии писателя, его реализации в культурно-исторических условиях.

Второй том посвящён роли Шекспира и его наследия в мировом культурном наследии через призму раскрытия творческой личности. По словарному принципу представлены статьи, отвечающие задачам поиска ответов на самые разнообразные вопросы: биографические справки о писателях, переводчиках, режиссерах, актерах, художниках, театральных деятелях, поэтах, мыслителях, исследователях, раскрывших произведения Шекспира в том или ином ключе в ходе своего творческого пути.

Разнообразие охвата тематики энциклопедии позволяет обратить внимание на исторические события и их влияние, на интерпретацию современниками тех

или иных областей творчества Шекспира. Воплощение идей и смыслов, заложенных в творческом наследии поэта и драматурга, поиск происхождения героических сюжетов, развития личности и границ применения идей классика через призму этапов развития гуманитарной мысли, политических условий их существования и исторических эпох реализации в культурном пространстве – основной стержень словарной статьи четвертого раздела издания.

Раздел пятый (персоналии, понятия, идеи) посвящён особенностям трактовки идей и сюжетных линий, образных структур и их значений в исследовательском аспекте. Здесь присутствуют определения всех основных понятийных категорий, связанных с анализом произведений и личности автора. Вопросы проблематики классического наследия приводятся в литературном срезе текущего времени, предлагая справочный материал в безоценочном контексте, в ключе «осовременивания без модернизации» [9, с. 303]. Представленные статьи позволяют определить широту исследований и глубину их разработки по различным аспектам шекспироведения.

Данное издание является коллективным трудом пятидесяти авторов, что представляет собой обширный пласт разноплановой и в то же время хорошо скоординированной исследовательской тематики и методологии. Ограничивая объёмный анализ содержания энциклопедии, нельзя не отметить значение подобного масштаба описания огромного пласта культуры, связанной с величием литературного наследия отдельной личности в истории становления мирового художественного пространства. Со-изучение с позиций метакультурного взгляда на традиции искусствоведения, литературы, истории позволило данному труду быть достаточным для решения вариативного многообразия шекспировских вопросов и разнообразной проблематики, связанной с изучением его текстов в любом гуманитарном аспекте. Энциклопедия создаёт многоуровневое пространство, позволяющее одинаково точно решать вопросы разного уровня читательского интереса – как сугубо профессионального, исследовательского, так и любительского, познавательного. Невозможно переоценить значимость подобного труда в целостном охвате современного литературного процесса.

В создании Шекспировской энциклопедии (первого издания 2015 года, изданного «Просвещением», и второго – рецензируемого) приняли участие преподаватели кафедры английского языка ВоГУ. Статья об анахронизмах написана канд. филол. наук Ж.И. Подольяк [6]. Вклад д-ра филол. наук Л.В. Егоровой – более шестидесяти статей, причем некоторые статьи (Библия [1], Вероисповедание [2], Католицизм [4]) были подготовлены предшествовавшими исследованиями, другие («Макбет» [3]) положили начало составлению соответствующей книги серии «Великие трагедии в русских переводах» [7], работе над монографией «Эквивокация в “Макбете”: речевая природа трагедии» [5].

Литература

1. Егорова, Л. В. Библия / Л. В. Егорова // Уильям Шекспир: Энциклопедия. Том 1 / составитель и научный редактор И. О. Шайтанов. – Москва : РГГУ, 2022. – С. 292–295.

2. Егорова, Л. В. Вероисповедание / Л. В. Егорова // Уильям Шекспир: Энциклопедия. Том 1 / составитель и научный редактор И. О. Шайтанов. – Москва : РГГУ, 2022. – С. 301–303.
3. Егорова, Л. В. Макбет / Л. В. Егорова // Уильям Шекспир: Энциклопедия. Том 1 / составитель и научный редактор И. О. Шайтанов. – Москва : РГГУ, 2022. – С. 182–189.
4. Егорова, Л. В. Католицизм / Л. В. Егорова // Уильям Шекспир: Энциклопедия. Том 1 / составитель и научный редактор И. О. Шайтанов. – Москва : РГГУ, 2022. – С. 341–343.
5. Егорова, Л. В. Эквивокация в «Макбете»: речевая природа трагедии : монография / Л. В. Егорова ; Министерство образования и науки РФ, Вологодский государственный университет. – Вологда : ВоГУ, 2018. – 164 с.
6. Подоляк, Ж. И. Анахронизмы / Ж. И. Подоляк // Уильям Шекспир: Энциклопедия. Том 2 / составитель и научный редактор И. О. Шайтанов. – Москва : РГГУ, 2022. – С. 297–299.
7. Шекспир, У. Великие трагедии в русских переводах. Макбет / У. Шекспир, перевод с английского С. Соловьева, М. Лозинского, Б. Пастернака ; составитель, предисловие, комментарии Л. Егоровой. – Москва : Прозаик, 2015. – 431 с.
8. Уильям Шекспир: Энциклопедия. Том 1 / составитель и научный редактор И. О. Шайтанов. – Москва : РГГУ, 2022. – 467 с.
9. Уильям Шекспир: Энциклопедия. Том 2 / составитель и научный редактор И. О. Шайтанов. – Москва : РГГУ, 2022. – 415 с.

A.N. Tsvetkova

**BOOK REVIEW: I.O. SHAITANOV (CONTRIBUTOR, EDITOR) SHAKESPEARE ENCYCOPEDIA IN 2 VOLUMES.
Moscow: Russian State University for the Humanities, 2022**

The review of a voluminous encyclopedia on Shakespeare's heritage based on the current cultural and literary critical approach. The encyclopedia encompasses the research of more than 50 authors, investigating the aspects of Shakespearean creative works and authorship issues, the importance of his heritage in the sphere of literature and theatre, the influence of a person on the humane history by means of his creations. The articles of the encyclopedia cover a wide range of personalities dealing with Shakespeare knowledge in art, history, theatre, literature, cultural studies, cinematography, archaeology and historiography separately and in comparison.

Encyclopedia, Shakespeare, heritage, literature, theatre, tradition, multifaceted research.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Архипова Ирина Викторовна

кандидат филологических наук, доцент, профессор Новосибирского государственного педагогического университета (Новосибирск, Россия)
igarch@yandex.ru

Гарифуллина Эльвира Ингелевна

аспирант кафедры русской классической литературы Московского государственного областного университета (г. Мытищи, Россия)
elvira.i.12345@gmail.com

Гладких Сергей Александрович

кандидат исторических наук, ученый секретарь Котласского краеведческого музея (Котлас, Россия)
sgladkih@inbox.ru

Голубева Анастасия Анатольевна

специалист по учебно-методической работе Института социальных и гуманитарных наук Вологодского государственного университета (Вологда, Россия)
nastyagolubeva.1999@mail.ru

Денисов Сергей Иванович

кандидат исторических наук, доцент кафедры теории и истории государства и права Брянского государственного университета им. академика И.Г. Петровского (Брянск, Россия)
tigip@inbox.ru

Егорова Людмила Владимировна

доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры английского языка Вологодского государственного университета (Вологда, Россия)
lveg@yandex.ru

Ефремова Людмила Леонидовна

главный архивист отдела ИПС Государственного архива Вологодской области (Вологда, Россия)
9211231856@mail.ru

Исаев Александр Александрович

кандидат исторических наук, доцент департамента истории и археологии школы искусств и гуманитарных наук Дальневосточного федерального университета (Владивосток, Россия)
isaev.aa@dvfu.ru

Комлева Наталья Валентиновна

кандидат филологических наук, доцент Вологодского государственного университета (Вологда, Россия)
K.nati@mail.ru

Кулачков Вадим Витальевич

кандидат исторических наук, доцент кафедры философии, истории и социологии Брянского государственного инженерно-технологического университета (Брянск, Россия)
vad2517@yandex.ru

Кучина Дарья Дмитриевна

аспирант кафедры немецкой филологии Санкт-Петербургского государственного университета (Санкт-Петербург, Россия)
dariakutschina@yandex.ru

Лазарев Сергей Сергеевич

аспирант кафедры истории Средних веков Санкт-Петербургского государственного университета (Санкт-Петербург, Россия)
lazarevsergey01@gmail.com

Лебедев Сергей Александрович

аспирант кафедры отечественной истории, преподаватель кафедры всеобщей истории и мировой политики Вологодского государственного университета (Вологда, Россия)
lebedevsa@vogu35.ru

Малахов Родион Александрович

кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры отечественной истории Вологодского государственного университета (Вологда, Россия)
malakhov74@mail.ru

Месилова Татьяна Игоревна

магистрант факультета русской филологии Московского государственного областного педагогического университета (Москва, Россия)
Tanya.kit1848@yandex.ru

Орлова Елена Олеговна

кандидат педагогических наук, доцент кафедры теологии Новгородского государственного университета им. Ярослава Мудрого (Великий Новгород, Россия)
o eo55555@mail.ru

Рудь Елена Евгеньевна

старший преподаватель кафедры мировых языков и культур Донского государственного технического университета (Ростов-на-Дону, Россия)
kachina09@mail.ru

Саблин Василий Анатольевич

доктор исторических наук, доцент, заведующий кафедрой всеобщей истории и мировой политики Вологодского государственного университета (Вологда, Россия)
sablin@inbox.ru

Скиба Юлия Александровна

учитель русского языка и литературы средней общеобразовательной школы № 508 г. Санкт-Петербурга (Санкт Петербург, Россия)
cool_11@mail.ru

Столетова Анна Сергеевна

кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной истории Вологодского государственного университета, доцент кафедры философии и истории Вологодской ГМХА им. Н.В. Верещагина, доцент кафедры государственно-правовых дисциплин Северо-Западного института (филиал) Университета им. О.Е. Кутафина (МГЮА) (Вологда, Россия)
Stoletowa-A-S@yandex.ru

Судаков Григорий Владимирович

студент Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Москва, Россия)
Sudakovgrigory-9d@yandex.ru

Трикоз Эльвира Львовна

кандидат филологических наук, научный сотрудник Музея-квартиры В.И. Белова (Вологда, Россия)
elvira.trikoz@mail.ru

Цветкова Анна Николаевна

кандидат филологических наук, доцент кафедры английского языка Вологодского государственного университета (Вологда, Россия)
skoanna@yandex.ru

Черкасов Валерий Анатольевич

доктор филологических наук, доцент, заведующий кафедрой теории, педагогики и методики начального образования и изобразительного искусства Белгородского государственного национального исследовательского университета (Белгород, Россия)
Cherkasov.valeri@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Arkhipova Irina Viktorovna

Candidate of Philology, Assistant Professor, Professor, Novosibirsk State Pedagogical University (Novosibirsk, Russia)
irarch@yandex.ru

Garifullina Elvira Ingelevna

Postgraduate Student of the Department of Russian Classical Literature, the Faculty of Russian Philology, Moscow State Regional University (Mytishchi, Russia)
elvira.i.12345@gmail.com

Gladkikh Sergey Aleksandrovich

Candidate of History, Academic Secretary, Kotlas Museum of Local Lore (Kotlass, Russia)
sgladkikh@inbox.ru

Golubeva Anastasia Anatolyevna

Specialist in Educational and Methodical Work, Institute of Social Sciences and Humanities, Vologda State University (Vologda, Russia)
nastyagolubeva.1999@mail.ru

Denisov Sergei Ivanovich

Candidate of History, Associate Professor of the Department of Theory and History of State and Law, Bryansk State University named after Academician I. G. Petrovsky (Bryansk, Russia)
tigip@inbox.ru

Egorova Lyudmila Vladimirovna

Doctor of Philology, Associate Professor, Professor of the English Department, Vologda State University (Vologda, Russia)
lveg@yandex.ru

Efremova Lyudmila Leonidovna

Senior Archivist of the Information System Office, Vologda Oblast State Archive (Vologda, Russia)
9211231856@mail.ru

Isaev Alexander Alexandrovich

Candidate of History, Associate Professor of the Department of History and Archaeology, Far Eastern Federal University, (Vladivostok, Russia)
isaev.aa@dvfu.ru

Komleva Nataliya Valentinovna

Candidate of Philology, Associate Professor of Vologda State University (Vologda, Russia)
K.nati@mail.ru

Kulachkov Vadim Vitalievich

Candidate of History, Associate Professor of the Department of Philosophy, History and Sociology, Bryansk State Engineering-Technological University (Bryansk, Russia)
vad2517@yandex.ru

Kuchina Darya Dmitrievna

Postgraduate Student of the Department of German Philology, Saint Petersburg State University (Saint-Petersburg, Russia)
dariakutschina@yandex.ru

Lazarev Sergei Sergeevich

Postgraduate Student of the Department of History of the Middle Ages, Institute of History, Saint-Petersburg State University (Saint-Petersburg, Russia)
lazarevsergey01@gmail.com

Lebedev Sergey Alexandrovich

Postgraduate Student of the Department of National History, Lecturer at the Department of World History and World Politics, Institute of Social Sciences and Humanities, Vologda State University (Vologda, Russia)
lebedevsa@vogu35.ru

Malakhov Rodion Alexandrovich

Candidate of History, Associate Professor, Associate Professor of the Department of National History, Vologda State University (Vologda, Russia)
malakhov74@mail.ru

Mesilova Tatyana Igorevna

Postgraduate Student of the Faculty of Russian Philology, Moscow State Pedagogical University (Moscow, Russia)
Tanya.kit1848@yandex.ru

Orlova Elena Olegovna

Candidate of Pedagogy, Associate Professor of the Department of Theology, Yaroslav-the-Wise Novgorod State University (Velikij Novgorod, Russia)
oeo5555@mail.ru

Rood Elena Evgenievna

Senior Lecturer of the Department of World Languages and Cultures, Don State Technical University (Rostov-on-Don, Russia)
kachina09@mail.ru

Sablin Vasily Anatolyevich

Doctor of History, Associate Professor, Head of the Department of World History and International Politics, Vologda State University (Vologda, Russia)
sablin@inbox.ru

Skiba Julia Alexandrovna

Teacher of Russian and Literature, State Budget Educational Institution Secondary School № 508 (Saint Petersburg, Russia)
cool_11@mail.ru

Stoletova Anna Sergeevna

Candidate of History, Associate Professor of the Department of National History, Vologda State University, Associate Professor of the Department of Philosophy and History, Vologda State Dairy Farming Academy named after N.V. Vereshchagin, Associate Professor of the Department of State and Legal Disciplines, the North-Western Institute, Kutafin Moscow State Law University (Vologda, Russia)
Stoletowa-A-S@yandex.ru

Sudakov Grigory Vladimirovich

Student, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Moscow, Russia)
Sudakovgrigory-9d@yandex.ru

Trikoz Elvira Lvovna

Candidate of Philology, Research Fellow of the Belov Apartment Museum (Vologda, Russia)
elvira.trikoz@mail.ru

Tsvetkova Anna Nickolaevna

Candidate of Philology, Associate Professor of the English Department, Vologda State University (Vologda, Russia)
skoanna@yandex.ru

Cherkasov Valery Anatolyevich

Doctor of Philology, Associate Professor, Head of the Department of Theory, Pedagogy and Methods of Primary Education and Fine Arts, Pedagogical Institute, Belgorod State National Research University (Belgorod, Russia)
Cherkasov.valeri@mail.ru